

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОЛЕСЬЯ**
(памяти О. А. Макушникова и В. И. Сычёва)

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

УДК 902(476.5+476.4+476.2)

Археология и история Верхнего Поднепровья и Полесья (памяти О. А. Макушникова и В. И. Сычёва) : сборник научных статей / редкол. : С. Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – 124 с.

ISBN 978-985-32-0090-4

В сборнике представлены научные статьи, авторами которых являются участники Международной научно-практической конференции «Верхнее Поднепровье и Полесье: археология, ранняя история, памятники», состоявшейся в ГГУ имени Ф. Скорины 8–9 февраля 2024 г. Тематика сборника отражает направление деятельности выдающихся историков и археологов: доктора исторических наук Олега Анатольевича Макушникова и Василия Иосифовича Сычёва. Статьи, включённые в сборник, посвящены актуальным научным проблемам истории и археологии, характеризуются высокой степенью научной новизны и оригинальности.

Издание адресовано профессиональным историкам, археологам, студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется историей.

Сборник издаётся в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

С. Ф. Веремеев (главный редактор),
Г. А. Алексейченко (заместитель главного редактора),
М. А. Филиппик, С. А. Вопсева

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Мезга,
кандидат исторических наук Л. С. Скрыбина

ISBN 978-985-32-0090-4

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
<i>Древило О. О., Денисов М. Н.</i>	
Олег Анатольевич Макушников: жизненный путь и полевая деятельность.....	8
<i>Веремеев С. Ф.</i>	
Вклад кафедры философии и специальных исторических дисциплин в изучение конфессиональной истории Верхнего Поднепровья и Полесья.....	17
<i>Панков Ю. В.</i>	
Захоронения периода Великой Отечественной войны в исследованиях О. А. Макушникова.....	26
<i>Вороненко О. В.</i>	
Культура бромме-лингби в Гомельском Поднепровье.....	32
<i>Язэпенка І. М.</i>	
Неалітычная эпоха басейна Верхняга Дняпра.....	38
<i>Ятин П. Н.</i>	
История изучения памятников среднеднепровской культуры Гомельского Поднепровья.....	44
<i>Гурьянов В. Н., Чубур А. А.</i>	
Поселение раннего бронзового века Навля 2 (предварительное сообщение).....	50
<i>Крывальцэвіч М. М.</i>	
Новая знаходка металічнай утулкавай правушнай сякеры бронзавага веку ў Гомельскім Палессі: археаметрыя, тыпахраналогія і культурны кантэкст.....	59
<i>Атрохаў Д. А.</i>	
Бранзалеты жалезнага веку з гарадзішча Кісцяні.....	70
<i>Ильина В. В.</i>	
История изучения памятников раннего железного века в Жлобинском Поднепровье.....	76
<i>Неклюдова Т. А.</i>	
Орнитоморфное деревянное навершие из раскопок средневекового Берестя: характеристика и интерпретация находки.....	93
<i>Лупиненко Ю. М.</i>	
Пластинки ламеллярного доспеха из летописного Гомия (по материалам оружейной мастерской первой половины XIII века).....	101
<i>Коновалова Е. С.</i>	
Случайные археологические находки с левого берега Березины возле Речного порта города Бобруйска.....	112

Макушников Олег Анатольевич (1960–2021)

Сычѐв Василий Иосифович (1947–2024)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей являет собой итог работы Международной научно-практической конференции «Верхнее Поднепровье и Полесье: археология, ранняя история, памятники», которая состоялась в стенах Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины в феврале 2024 г. Она была организована кафедрой философии и специальных исторических дисциплин ГГУ имени Ф. Скорины совместно с Институтом истории НАН Беларуси и Гомельским дворцово-парковым ансамблем. Тогда впервые в Гомеле состоялась столь масштабная научная конференция по археологии, собравшая 39 участников, среди которых были как белорусские, так и российские историки, археологи, музейные работники, краеведы¹. Отрадно, что докладчиками являлись и студенты, увлечённо занимающиеся археологией.

Конференция и сборник научных статей – это дань памяти гомельского учёного доктора исторических наук *Олега Анатольевича Макушникова* (1960–2021), известного исследователя истории Гомельского Поднепровья эпохи средневековья и летописного Гомия, в частности. Олег Анатольевич своим примером пробуждал у молодёжи, студентов интерес к археологии, умел вдохновлять их на новые открытия. Знаменательно, что многие из присутствовавших на конференции являются его учениками и последователями в науке. О. А. Макушникову посвящена отдельная статья, с которой, собственно, и начинается сборник.

Жизнь сложилась так, что конференция «Верхнее Поднепровье и Полесье: археология, ранняя история, памятники» была последним научным мероприятием, в котором принял участие *Василий Иосифович Сычёв* (1947–2024) – талантливый историк, археолог и педагог, настоящая легенда исторического факультета ГГУ имени Ф. Скорины. По сути, вся его жизнь была связана с университетом, в котором он трудился долгие годы, воспитывая и формируя многие поколения будущих профессиональных историков, ныне с теплотой и огромным уважением вспоминая своего наставника. Василий Иосифович внёс большой вклад в изучение археологии юго-восточной Беларуси, принимал активное участие в археологических раскопках в регионе.

¹ Веремеев С. Ф. Лучшие археологи Беларуси собрались в Гомеле. <https://gsu.by/ru/node/7551>.

Много лет он являлся одним из руководителей Гомельского областного отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Издание настоящего научного сборника также является данью уважения этому незаурядному человеку.

Надеемся, что опубликованные в данном сборнике статьи будут интересны, а главное, полезны всем интересующимся историческим прошлым Беларуси и Восточной Европы, в целом.

*С. Ф. Веремеев,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
и специальных исторических дисциплин*

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ МАКУШНИКОВ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ПОЛЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Древило Ольга Олеговна,
младший научный сотрудник
Института истории НАН Беларуси
Денисов Максим Николаевич,
архивариус Центрального научного архива
НАН Беларуси*

***Резюме.** В статье представлена биография Олега Анатольевича Макушникова на основании материалов из Фонда археологической документации Центрального научного архива НАН Беларуси.*

Олег Анатольевич родился в 1960 г. в г. Гомеле. Археологией заинтересовался в школьные годы. В возрасте 15 лет впервые принял участие в археологических раскопках, которые проводились в исторической части Гомеля под руководством М. А. Ткачёва. Ежегодно старался принимать участие в археологических экспедициях, тем самым зарекомендовал себя в качестве талантливого молодого исследователя. Участвовал в 1976 г. в раскопках городища Гомель-Любны под руководством В. И. Сычева. В 1977 г. под руководством В. В. Богомольникова участвовал в раскопках курганов возле д. Курганье Жлобинского района. В 1978 г. копал поселение и могильник Тайманово под руководством Л. Д. Побоя. С 1977 по 1982 г. обучался на историко-филологическом факультете Гомельского государственного университета. В 1982 г. закончив с отличием историко-филологический факультет ГГУ, поступил в аспирантуру Института истории АН БССР, закончил в 1985 г. (рисунок 1).

Олег Анатольевич связал свою жизнь с работой в г. Гомеле. Трудовую деятельность начал в 1987 г. с должности заведующего сектором охраны и изучения археологических памятников в Гомельском областном краеведческом музее, с 1989 г. работал заведующим отделом археологии. С 1990 г. – директор Гомельского областного археологического центра. Часть жизни посвятил преподаванию в ГГУ им. Ф. Скорины, где проработал с 1993 по 2021 г. Гомельский университет должен по праву гордиться талантливым ученым, который стал учителем для множества студентов. Отдельно стоит отметить проделанную работу в археологическом музее-лаборатории Гомельского университета.

Олег Анатольевич продолжил, сохранил и приумножил работу, начатую Владимиром Владимировичем Богомольниковым. А также на базе музея он организовал и возглавил “Тамгу” (“Таварыства аматараў гісторыі і археалогіі”) – сообщество, которое и по сей день активно занимается исследованиями в области археологии Гомельщины.

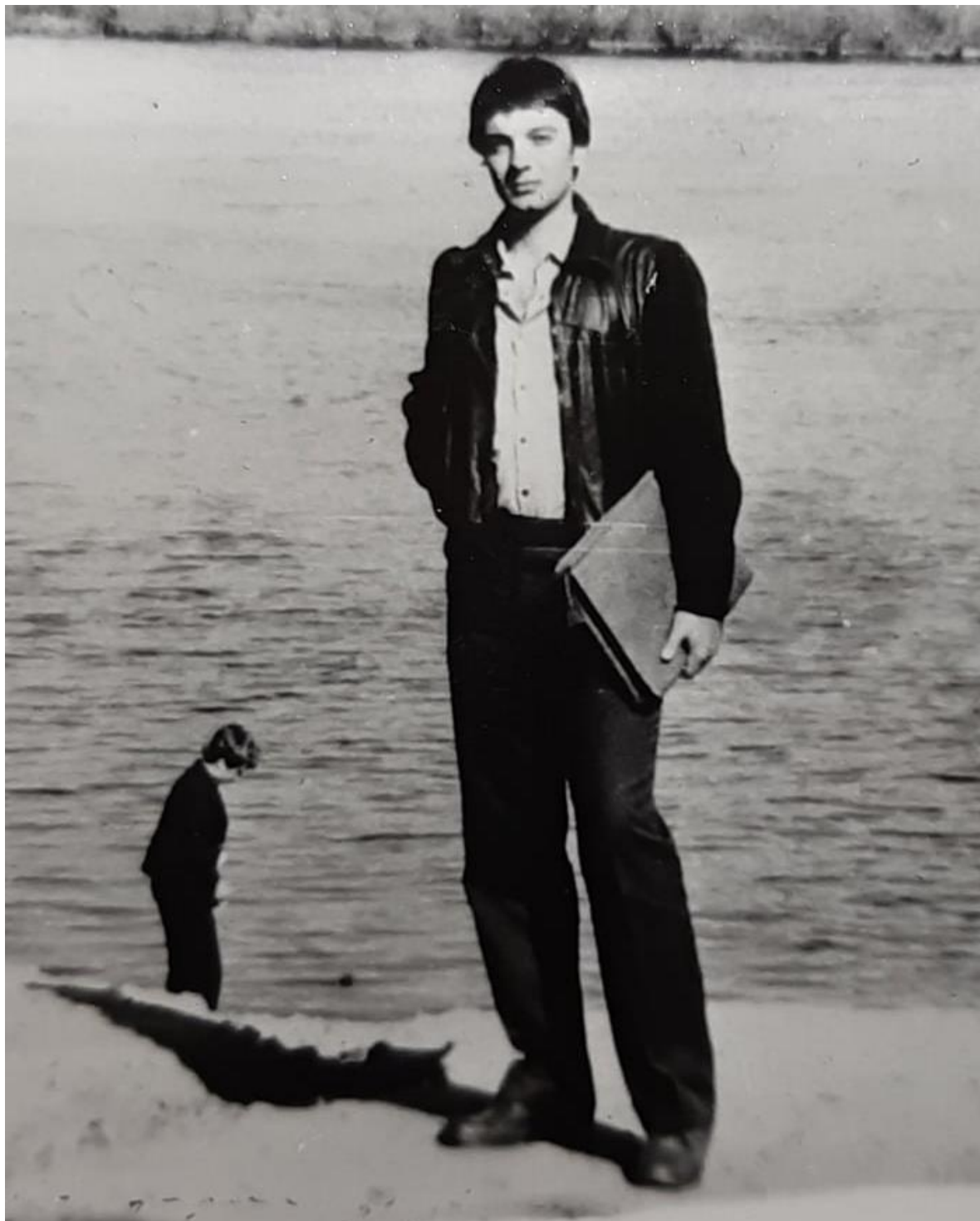

Рисунок 1 – О. А. Макушников
в годы учёбы на старших курсах университета, 22 года

Олег Анатольевич автор более чем 320 научных и научно-популярных публикаций, в том числе монографий: «В поисках древнего Гомия» (1994 г.), «Гомель с древнейших времен до конца XVIII в.: историко-краеведческий очерк» (2002 г.), «Гомельское Поднепровье в V – середине XVIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие» (2009 г.), «Гомельское Поднепровье в V – середине XIII ст. Социально-экономическая, этническая, культурная история» (2016 г.).

На данный момент в архиве Фонда археологической научной документации (далее – ФАНД) в Центральном научном архиве НАН Беларуси² хранится личное дело О. А. Макушникова за 1982–1987 гг. и научные археологические отчеты, охватывающие период с 1980 по 2020 гг. [1]. К личному делу прикреплены 23 документа: экзаменационные листы, характеристики, протоколы, выписки из протоколов, автобиография, отзывы, отчеты и т. д. В основном все перечисленные документы связаны с учёбой в аспирантуре Института истории АН БССР.

При поступлении в аспирантуру был сдан реферат и вступительные экзамены по археологии, истории КПСС и иностранному языку (английскому). Общая оценка экзаменов – «хорошая» (рисунок 2). В характеристике на реферат «Древности третьей четверти тысячелетия н. э. Гомельского Посожья (по материалам археологических исследований)» Л. Д. Поболь отмечал высокий уровень владения материалами и способности для самостоятельных научно-исследовательских изысканий в области археологии. В связи с выделением с 15 ноября 1982 г. дополнительного места на специальность «Археология», был выдан приказ № 120/к от 16 ноября 1982 г. о зачислении на очное отделение О. А. Макушникова (рисунок 3). Научным руководителем был назначен П. Ф. Лысенко. С 15 ноября 1982 г. по 14 ноября 1985 г. О. А. Макушников обучался в аспирантуре Института истории АН БССР по специальности «Археология» - 07.00.06. Во время прохождения обучения в аспирантуре были сданы на «отлично» кандидатские экзамены. В связи с этим были выданы удостоверения № 791

² Архив академии наук был организован вначале 1930-х гг., являясь попеременно структурным подразделением Фундаментальной библиотеки АН БССР и Аппарата Президиума АН БССР. В 1987 году архив в качестве самостоятельного научно-методического подразделения вошёл в структуру Института истории. С 2021 года входит в состав Центра истории науки и архивной работы Института истории НАН Беларуси. С 2014 г. в состав Фонд археологической научной документации (далее – ФАНД) Центрального научного архива НАН Беларуси (ЦНА НАН Беларуси) входит, по сути, единственное комплексное собрание документов, по археологии Беларуси начиная с 20-х гг. XX в. Всего в ФАНД на 2024 г. насчитывается более 4 000 учтённых единиц хранения.

и 82 о сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английскому) и марксистско-ленинской философии (диалектическому и историческому материализму).

Первый кандидатский экзамен по специальности археология, согласно протоколу № 3 заседания экзаменационной комиссии от 17 мая 1985 г. Академии наук БССР был сдан на «отлично». Экзаменационные вопросы следующие: культура воронковидных кубков и шаровидных амфор на территории СССР; днепро-двинская культура; история изучения городов Древней Руси. Согласно протоколу № 7 заседания экзаменационной комиссии от 13 июня 1985 г. дополнительный кандидатский экзамен по теме диссертации был сдан на «отлично» по следующим вопросам: роменско-боршевская культура; Дреговичи. Проблема происхождения; Культура типа Корчак. Проблема происхождения материальной культуры. Экзамены принимали М. П. Костюк, Г. В. Штыхов, Т. Н. Коробушкина.

АКАДЕМИЯ НАУК БССР
ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЛИСТ
поступавшего в аспирантуру

Имя, отчество Макушников Олег Владимирович

1. СПЕЦИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Дата сдачи экзамена 27. сентября 1982.

Наименование специальности Археология - 07.00.06

На экзамене были заданы следующие вопросы:

Вопрос	Оценка
1. <u>Жанист Жолес</u>	<u>отлично</u>
2. <u>Зарубежная культура</u>	<u>отлично</u>
3. <u>Древние города Днепров-Двинской Руси</u>	<u>отлично</u>

Общая оценка отлично

Председатель экзаменационной комиссии д.и.н., зав. сек. 1. П. Костюк

Члены комиссии к.и.н. Штыхов - с.и.и.с.
к.и.н. Штыхов - зав. сек.

(с указанием должности, ученой степени, звания)

Состав комиссии утвержден приказом по учреждению № 96/к от 22.09.1982

Реферат на тему: Древности третьего тысячелетия I тыс. нашей эры в бассейне Днепра (по материалам археологических исследований)

зачтен с оценкой отлично

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ М. П. Костюк (подпись)

II. ИСТОРИЯ КЛСС

Дата сдачи экзамена 15. октября 1982.

На экзамене были заданы следующие вопросы:

Вопрос	Оценка
1. <u>Характеристика КЛСС и их роль в развитии марксистско-ленинской философии</u>	<u>хорошо</u>
2. <u>Требования КЛСС к изучению истории</u>	<u>хорошо</u>
3. <u>Требования КЛСС к изучению истории</u>	<u>хорошо</u>

Общая оценка хорошо

Председатель экзаменационной комиссии д.и.н., зав. сек. 1. П. Костюк

Члены комиссии к.и.н. Штыхов - с.и.и.с.
к.и.н. Штыхов - зав. сек.

(с указанием должности, ученой степени, звания)

Состав комиссии утвержден приказом Президиума АН БССР № 265 от 24.09.1982

III. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Дата сдачи экзамена 5. октября 1982.

По английскому языку

Вопрос	Оценка
1. Письменный перевод текста <u>Political Affairs, August, 1972, с. 20.</u>	<u>удовлетворит.</u>
2. Устный перевод <u>из того же текста, стр. 39.</u>	<u>хорошо</u>
3. Ответы-вопросы к тексту <u>"Moscow Times" № 85, 1982, с. 3.</u>	<u>хорошо</u>
4. Беседы по теме <u>"Вопросы учебного процесса"</u>	<u>хорошо</u>

Общая оценка хорошо

Председатель экзаменационной комиссии д.и.н., зав. сек. 1. П. Костюк

Члены комиссии к.и.н. Штыхов - с.и.и.с.
к.и.н. Штыхов - зав. сек.

(с указанием должности, ученой степени, звания)

Состав комиссии утвержден приказом Президиума АН БССР № 261 от 29.09.1982

Зачтено 2000 баллов 500 из АН БССР. 1982. Минск

Рисунок 2 – Экзаменационный лист О. А. Макушникова, поступавшего в аспирантуру Института истории АН БССР

10
АКАДЕМИИ НАУК БССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

П Р И К А З

16 ноября 1982 г.

№ 120/к

г. Минск

1.

КОРОЛЕВУ Елену Геннадьевну зачислить на должность младшего научного сотрудника в сектор истории феодализма с окладом 140 рублей с 15 ноября 1982 г.

Основание: заявление Королевой Е.Г., удостоверение о распределении после окончания аспирантуры № 37

2.

В дополнение к приказу № 113/к от 1 ноября 1982 г.

МАКУШНИКОВА Олега Анатольевича зачислить в очную аспирантуру по специальности 07.00.06 – Археология в связи с выделением дополнительной единицы по этой специальности с 15 ноября 1982 г.

Научным руководителем назначить канд. ист. наук Лысенко П.Ф.

Основание: Постановление бюро Президиума АН БССР по итогам приема в аспирантуру от 4.11.1982 г. № 253 и решение приемной комиссии Института от 26 октября 1982 г., протокол № 3.

Директор института
истории АН БССР

П.Т.Петриков

4/5
Верещагин
Ст. инспектор

Рисунок 3 – Приказ о зачислении О. А. Макушникова в аспирантуру Института истории АН БССР

Согласно выписке из протокола № 3 заседания Ученого совета Института истории АН БССР от 15 февраля 1983 г., была утверждена тема кандидатской диссертации: «Белорусское Посожье во второй половине I – начале II тысячелетия н. э.». Однако на третьем году обучения О. А. Макушников предложил изменить тему диссертации, чтобы она соответствовала исследуемому ареалу. Согласно выписке из протокола № 19 заседания сектора средневековой археологии отдела археологии Института истории АН БССР от 20 декабря 1985 г. было принято решение об изменении и принятии новой темы кандидатской диссертации: «Нижнее Посожье во второй половине I тысячелетия н. э.».

За период научной деятельности с 1980 по 2020 гг. в ФАНД было сдано 90 отчётов в 104-х томах. В состав отчетов включены все установленные инструкциями документы: открытые листы, текст, фотоальбомы и альбомы иллюстраций, описи и акты передачи находок. Некоторые ранние отчёты (до 1991 г.) разделялись автором на отдельные тома. Первая часть включает текст отчёта и опись находок. Вторая часть – иллюстративный материал.

Как уже отмечалось выше, географический охват исследований определяется в рамках Гомельского Поднепровья и, в частности, Посожья. Основная деятельность исследователя была направлена на изучение средневековых памятников V–XIII вв. (поселений и курганных могильников).

В 1976–1980 гг. Олег Анатольевич провел первые разведывательные работы на территории Гомельского Посожья. В 1980 г. проводил разведки, согласно открытому листу по форме № 3.

Первый научный археологический отчет был сдан в ФАНД в 1980 г. В этот отчет вошли также материалы разведок 1976–1979 гг. Всего было обследовано 38 памятников в Добрушском, Ветковском, Кормянском, Гомельском районах, работы охватывали берега рек Сож, Ипуть, Уть, Беседь. Также за этот период было открыто более 12 разновременных памятников на территории Гомельского Посожья (древнерусские селища возле д. Железники 1, Старые Громыки; селище позднезарубенецкой культуры Кленки 1; могильник возле д. Ильич и др.). В разведках 1977–1979 принимал участие А. И. Дробушевский, а с 1980 – начали работать совместно с С. Е. Рассадиным. В кандидатской диссертации, которую О. А. Макушников защитил в 1987 г. в Киеве, были подведены итоги изучения древностей Нижнего Посожья второй половины I тыс. н. э. по состоянию на середину 1980-х гг.

В 1981 г. был создан сектор археологии зон новостроек Института истории АН БССР, задачей которого было проведение охранных

раскопок [4, с. 83]. С этого года сотрудники Института истории АН БССР начали осуществлять первые археологические раскопки, которые можно отнести к категории спасательных [5, с. 1]. Однако проводились они на основании открытых листов по форме № 1. Только в 1985 г. начали проводиться раскопки на основании открытых листов по форме № 4 [6, с. 1]. В массовом порядке открытые листы по форме № 4 начали выдаваться с 1986 г.

Спасательные работы Олег Анатольевич начал проводить ещё в 1986 г. на территории детинца, окольного города и посада летописного Гомеля. Некоторые спасательные работы О. А. Макушников проводил в рамках плановой работы на основании открытого листа по форме № 1. Научная археологическая деятельность Олега Анатольевича характеризировалась вниманием к деталям, глубоким анализом материалов, что в итоге позволило ему стать талантливым исследователем, чей авторитет был признан как на территории Беларуси, так и в сопредельных государствах. Олег Анатольевич подходил к работе комплексно, изучая как город, так и близлежащую округу. Он искренне хотел, чтобы жители Гомеля знали свою историю и оберегали ее. В результате многолетних изысканий, он впервые создал и обосновал концепцию формирования территории города, изменений его топографической структуры и системы застройки на протяжении древнерусского времени. Олег Анатольевич внёс неоценимый вклад в комплексное научное изучение истории этого города, доказав его роль как важного центра домонгольской Руси.

В ходе спасательных археологических раскопок 1986–1987 гг. на территории летописного Гомеля была обнаружена оружейная мастерская первой половины XIII века. Это открытие получило общеевропейское значение, которое стало свидетельством местного оружейного производства древнерусского времени.

Наиболее изученным в археологическом отношении районом Гомельской области является Нижнее Посожье, большая часть которого охвачена сплошными разведками 1977–1993 гг. Проанализировав отчетную документацию, можно сделать вывод, что ставились и выполнялись четкие задачи: точной топографической привязки памятников, определения их площади, сохранности, хронологии, особенностей топографии, ландшафтной приуроченности, территориального соотношения с иными памятниками и др. Объектом детального обследования выступил участок течения Сожа с его левыми притоками Покотью, Беседью, Ипутью, Утью, Терюхой, Немыльней, отчасти – правыми притоками – Липой, Узой и пр.

В 1980-х – начале 2000-х гг. Олегом Анатольевичем выполнены целенаправленные работы по выявлению, картографированию и проведению раскопок памятников третьей четверти I тыс. н. э. на территории Гомельского Поднепровья. Исследовались такие памятники как селище и курганный могильник возле Нисимковичей, Носовичей, Чечерска и т. д., которые позволили сформировать представление о конкретно-историческом содержании памятников сельского круга и их особенностях. Проводились раскопки могильников древнерусского времени (Абакумы, Нисимковичи, Шарпиловка). Раскопки были направлены на изучение погребального ритуала сельских кладбищ центральных и окраинных районов расселения радимичей, а также на поиск «межплеменных» рубежей конца X–XII вв.

С 2003 по 2017 гг. проводились широкомасштабные исследования под руководством О. А. Макушникова на территории Моховского археологического комплекса, расположенного возле д. Мохов Лоевского района Гомельской области. Комплекс состоит из курганного могильника и поселения. Большое значение придавалось изучению курганного могильника. В результате проведенных исследований пришел к выводу о наличии элементов материальной культуры (браслетообразные завязанные височные кольца, трапециевидные подвески, проволоочные спиральки, оружие и воинские принадлежности и др.), которые характерны для регионов севера Беларуси и Смоленщины, что делает этот памятник уникальным. Олег Анатольевич считал, что на территории Мохова в IX–XI вв. проживали кривичи наемники или переселенцы. Подкреплял он сделанный вывод летописными событиями, связанными с деятельностью Владимира Святославича: *«И нача (Владимир – О. М.) ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им»* [10, с. 83]. Также на основании проведенного исследования, Олегом Анатольевичем было внесено предложение именовать памятники типа Мохов «военизированными многофункциональными поселениями» (ВМФП). Таким образом, Мохов превратился в важный пункт на археологической карте Древней Руси.

Уход из жизни Олега Анатольевича Макушникова стал большой утратой для всего восточноевропейского археологического сообщества и, конечно, для Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Для коллег, выпускников, студентов его смерть стала невосполнимой утратой. Всё, что нам остается – продолжать его работу (рисунок 4).

Рисунок 4 – Олег Анатольевич Макушников за работой

Нам будет не хватать Вас, Олег Анатольевич! Вы обладали потрясающим чувством юмора. Вы наполняли нашу научную, студенческую и полевую жизнь. Спасибо за всё!

*Избранные научные публикации
О. А. Макушникова*

Список использованных источников

1. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 20848.
2. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.1230а, 1230б, 1230в.
3. Денисов, М. Н. Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (история и источники формирования, систематизация материалов) : дис. ... маг. ист. наук : 1-21 80 17 / М. Н. Денисов. – Минск, 2022. – 115 л.
4. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / [авт. кол. : А. А. Коваленя (рук.), М. П. Костюк и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 627 с.
5. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.818.
6. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.941.
7. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.971.
8. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.2716.
9. ЦНА НАНБ. – ФАНД. Оп. 1. Д.2716.
10. Повесть временных лет / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 406 с.

УДК 930:2-9(476.5+476.4+476.2):378.096:1:93/94:378.4(476.2)

ВКЛАД КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ИЗУЧЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОЛЕСЬЯ

*Веремеев Сергей Федорович,
заведующий кафедрой философии
и специальных исторических дисциплин
ГГУ имени Ф. Скорины,
кандидат исторических наук*

Резюме. В данной статье рассматривается, какие вопросы конфессиональной истории Верхнего Поднепровья и Полесья и в какой степени изучали преподаватели кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Охарактеризован общий вклад кафедры в научное исследование конфессиональной проблематики.

Кафедра философии и специальных исторических дисциплин была образована в июле 2021 г. в результате объединения двух уже ранее существовавших структурных подразделений Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины: кафедры философии (существовала с 1969 г.) и кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин [1]. На момент создания вышеназванной кафедры в её составе было 12 профессиональных историков и философов, в последующем штатный профессорско-преподавательский состав претерпевал изменения.

Некоторые преподаватели, оказавшиеся в составе новой кафедры, к тому времени уже не первый год занимались изучением конфессиональной проблематики и являлись уже сформировавшимися и признанными специалистами в данной области, другие же затрагивали конфессиональные сюжеты в контексте изучения смежных вопросов исторического прошлого. Такая ситуация сохранилась и впредь. Исходя из этого, логичным представляется рассмотреть их научные достижения, их личный вклад в исследование конфессиональной истории Верхнего Поднепровья и Полесья за весь период их научной деятельности, не ограничиваясь при этом лишь временем существования кафедры. Ведь, как известно, учёным не становятся в одночасье, этот статус, признание в научных кругах являются результатом не только таланта, но и планомерных усилий в течение длительного времени, постоянного труда, нередко кропотливого и тяжёлого.

На кафедре философии и специальных исторических дисциплин с момента её основания и вплоть до своей кончины в ноябре 2022 г. работал доктор исторических наук, доцент *Олег Анатольевич Макушников*. Пожалуй, главный труд его жизни – это монография *«Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие»* [2], которая представляет собой итог многолетних научных изысканий учёного и содержит основные результаты его докторской диссертации. Один из разделов монографии посвящён рассмотрению духовной культуры Гомельского Поднепровья. О. А. Макушников пришёл к заключению, что письменные и археологические материалы не дают оснований утверждать, что на указанных территориях проживали христиане до крещения Руси. В дальнейший же период (конец X–XII вв.) происходила постепенная христианизация региона, что подтверждается археологическими данными: трупосожжение сменяется свойственным христианской традиции трупоположением, происходит постепенный отказ от курганов, а в могилы кладут предметы христианского культа и др. Переход к христианству был продолжительным, особенно среди сельского населения [2, с. 129–130].

О. А. Макушников сделал вывод о существовании каменного храмового зодчества в Гомеле в домонгольский период, выдвинул гипотезы о том, где располагались древнейшие храмы в городе [2, с. 131–132]. Он же установил, что в Гомеле была традиция культового пещерного строительства (на Руси она прослеживается с XI в.), о чём, в частности свидетельствует факт обнаружения подземной монашеской кельи-молельни с алтарём на Боярском спуске [2, с. 132–133; 3, с. 5].

О. А. Макушников занимался также исследованием и популяризацией истории г. Гомеля, неотъемлемой частью которой являются и религиозные сюжеты. В историко-краеведческом очерке «Гомель с древнейших времён до конца XVIII в.» (выдержал несколько переизданий) содержится информация о языческих культовых объектах на Гомельщине: это урочище Каменная гора вблизи поселка Чемерня Ветковского района, культовый объект около деревни Хальч в Ветковском районе Гомельской области [4, с. 46–47]. В отдельной главе историко-краеведческого очерка прослеживается история гомельских храмов: православных, униатских, римско-католических, старообрядческих, а также монастырей, расположенных вблизи Гомеля, начиная от первых достоверных сведений о них [4, с. 139–149].

Необходимо отметить интервью О. А. Макушникова для журнала «Сретение», издаваемого Гомельской православной епархией Белорусского Экзархата [5], в ходе которого учёный рассказал о принятии христианства населением Гомельского региона. Тем самым результаты научных исследований популяризировались среди широкой общественности, прежде всего в церковных кругах.

Неотъемлемой частью исторического пути Гомельщины является история старообрядчества. В 1999–2000 гг. под руководством О. А. Макушникова проводились раскопки на территории исторической Спасовой слободы – старообрядческого поселения в пределах территории современного Гомеля. Раскопки показали, что поселение на месте Спасовой слободы впервые возникло ещё в XIV в., затем прекратило своё существование, а в дальнейшем не позднее начала XVII в. возродилось. Были обнаружены остатки сгоревшего старообрядческого дома и захоронение девочки-младенца времён «екатерининской выгонки» 1764 г., когда Спасова слобода была сожжена. Ещё один установленный факт: раскопки показали отсутствие на территории старообрядческого поселения люлек – глиняных курительных трубок, широко встречающихся в культурном слое Гомеля XVII–XVIII вв. Это свидетельствует о высоких нравственных требованиях старообрядцев к самим себе, осуждавших табакокурение как грех. Результаты археологических раскопок на территории бывшей Спасовой слободы изложены в совместной статье О. А. Макушникова и участника раскопок Д. П. Мирановича [6].

Кандидат исторических наук, доцент *Геннадий Александрович Алексейченко* исследовал вклад известного белорусского этнографа Евдокима Романова в изучение старообрядчества на территории Восточной Беларуси [7]. Отметим также, что Г. А. Алексейченко одним из первых из числа представителей академического сообщества Беларуси выступил с инициативой публикации полного архива священника Ивана Ивановича Григоровича – известного археолога, историка, археографа, собирателя рукописей по истории Беларуси, уроженца г. Пропойск (ныне Славгород). К сожалению, данная инициатива так и не была реализована до настоящего времени (в том числе не была переиздана с критическими комментариями и первая часть архива И. Григоровича, публиковавшаяся ранее).

Кандидат исторических наук, доцент *Олег Валерьевич Марченко* исследовал древнерусское влияние и влияние еретических идей богомилов на скандинавский фольклор. Он пришёл к выводу, что результатом этого влияния стало появление мифа о том, как Бог сотворил норвежцев, существенно отличающегося от других сюжетов скандинавской мифологии [8]. О. В. Марченко также обращался к рассмотрению вопроса об отношении к Октябрьской революции 1917 г. видного иерарха тогдашней Русской православной церкви митрополита Вениамина (Федченко) и его участия в событиях Гражданской войны в России. В статье, в частности, представлены оценки митрополитом Вениамином характера и причин кризиса «Белого движения» [9].

Научными исследованиями в области конфессиональной истории Беларуси в целом, и Восточного Поднепровья и Полесья, в частности, активно занимается заведующий кафедрой философии и специальных исторических дисциплин кандидат исторических наук, доцент *Сергей Федорович Веремеев*. Диапазон его исследовательских интересов довольно широк.

С. Ф. Веремеев изучал вопрос о том, как освещается деятельность Кирилла Туровского в белорусской, а также в российской эмигрантской историографиях [10].

На территории ВКЛ, в том числе и на землях Верхнего Поднепровья и Полесья в XVI–XVIII вв. действовало право патроната (право «подавания хлебов духовных»). В историографии традиционно принято делать акцент на его отрицательной роли в церковной жизни, связывать патронат со злоупотреблениями и т. д. С. Ф. Веремеев предложил иную точку зрения по этому вопросу, показав право патроната как более сложное явление, которое имело не только отрицательное, но и положительное значение для Восточной (православной) церкви. Концептуальные

выводы С. Ф. Веремеева по данной проблеме изложены в отдельной статье, опубликованной в журнале «Христианское чтение» (Санкт-Петербургская духовная академия РПЦ) – одном из наиболее авторитетных научных журналов России с длительной историей [11].

Веремеев является автором биографических исследований, посвящённых греко-католическим иерархам Ипатии Потее, Иосифу Вельямину Рутскому, Иосафату Кунцевичу, Флориану Гребницкому [12]–[16], деятельность которых имела непосредственное отношение к истории Верхнего Поднепровья и Полесья. Так, Ипатий Потей претендовал на главенство в «Руской» церкви, к которой принадлежали жители Верхнего Поднепровья и Полесья «греческой веры», а Иосафат Кунцевич возглавлял униатскую Полоцкую архиепархию, в состав которой территориально входили и земли Гомельщины. Часть биографических работ о греко-католических митрополитах была опубликована в российских научных изданиях.

История Римско-Католической церкви на территории Гомельщины в период до 1917 г. изучена слабо. На основании материалов, хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), С. Ф. Веремеев впервые специально рассмотрел один из её сюжетов – историю римско-католического прихода в Журавичах (ныне агрогородок Старые Журавичи Рогачевского района Гомельской области). В его публикации приведены сведения о священниках, которые служили в Журавичском римско-католическом храме, дано описание самого храма, его внутреннего убранства [17].

С. Ф. Веремеев занимался исследованием ряда вопросов конфессиональной истории Верхнего Поднепровья и Полесья в 20–30-е гг. XX в. В отдельной статье историка рассмотрена политика советской власти в отношении иудеев на Гомельщине в 1920-е гг. [18]. В другой его статье исследуется религиозная жизнь в 20–30-е гг. XX в. на Туровщине [19]. Ветковщина – это регион традиционного проживания старообрядцев. Гораздо менее известно, что на территории Ветковщины проживали также и протестанты. Этот сюжет впервые исследовал С. Ф. Веремеев на архивных материалах 1920-х – начала 1930-х гг. В его статье, в частности, содержатся сведения о Сивинской общине евангельских христиан, её руководителях и отдельных верующих, о перипетиях жизненного пути этих людей [20].

Предметом изучения С. Ф. Веремеева становилась также отечественная историография истории христианских конфессий на Гомельщине в 1920–1930-е гг. [21]. Но здесь нужно учитывать, что соответствующая публикация датируется 2013 г., с тех пор историография темы пополнилась новыми работами, в том числе и весьма ценными с научной точки зрения. Отметим также рецензию С. Ф. Веремеева

на мемуары гомельского православного священника Петра Рылло, жившего в первой трети XX в. [22]. Эти мемуары были обнаружены в недавнем прошлом и опубликованы.

Отдельные факты из истории православного храма Св. Николая в деревне Романовичи Гомельского района периода Великой Отечественной войны приведены в статье С. Ф. Веремеева, посвящённой истории вышеназванной деревни [23]. В основу статьи положены как устные источники, так и архивные материалы, впервые введённые автором в научный оборот.

С. Ф. Веремеев не обошёл вниманием и послевоенный период в истории конфессий на территории Верхнего Поднепровья и Полесья. В частности, он охарактеризовал положение православного духовенства на Гомельщине в начале 50-х гг. XX в. [24] – весьма непростой период в истории православной церкви. На основании архивных документов Веремеев впервые исследовал историю православного прихода в деревне Демехи Речицкого района Гомельской области во второй половине 40-х – 60-е гг. XX в., в том числе обстоятельства закрытия местного храма советской властью [25]. Новой в историографии темой стало изучение истории протестантских общин г. Гомеля в 1950-е гг. С. Ф. Веремеев привёл сведения о численности общин, размещении их молитвенных домов в городе в тот период, данные о пресвитерах и проповедниках, о внутренних конфликтах среди протестантов [26]. Следует отметить также публикацию С. Ф. Веремеева, в которой дана религиоведческая характеристика греко-католической традиции на белорусских землях начиная от её возникновения и вплоть до современности [27]. Это актуально ещё и в связи с тем, что небольшие греко-католические общины существуют в регионе Верхнего Поднепровья и Полесья и в настоящее время.

Феномен религии вызывает профессиональный интерес и со стороны философов, работающих на кафедре. Кандидат философских наук, доцент *Виктор Александрович Одиноченко* пишет докторскую диссертацию по теме «Религия в культуре современной Беларуси». Результаты его исследований нашли отражение в монографии [28]. Хотя Верхнее Поднепровье и Полесье в ней специально не рассматриваются и не выделяются, но вместе с тем, представлена авторская точка зрения относительно того, какое значение имеет религия в культуре современной Беларуси в целом.

Следует отметить, что в 2021 г. (год образования кафедры) была утверждена кафедральная научная тема «*Белорусско-российско-украинское пограничье: исторические пути развития*» сроком на пять лет, которая, среди прочего, подразумевает проведение научных исследований в области истории конфессий, чем и занимается часть преподавателей.

Отметим также, что в начале ноября 2023 г. кафедрой была организована и проведена международная научная конференция *«Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов»*, участие в которой приняли отечественные и зарубежные (Россия) учёные, причём как светские, так и церковные. Конференция стала хорошей площадкой для обсуждения широкого спектра вопросов истории и философии, включая и вопросы конфессиональной истории Гомельщины. По итогам конференции был издан сборник материалов [29].

Таким образом, коллектив кафедры вносит определённый вклад в изучение конфессиональной истории Верхнего Поднепровья и Полесья. В фокусе внимания преподавателей находится главным образом история христианских конфессий вышеуказанного региона. Некоторые преподаватели специализируются именно по этой проблематике. Результаты научных исследований нашли отражение в публикациях, размещённых как в белорусских, так и в зарубежных научных изданиях. Вероятно, в будущем увидят свет и монографические работы.

Список использованных источников

1. Кафедра философии и специальных исторических дисциплин. – Режим доступа: <https://philosophy.gsu.by/>. – Дата доступа: 04.11.2023.
2. Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2009. – 216 с.
3. Макушников, О. А. Христианские древности летописного Гомия / О. А. Макушников // Праваслаўная царква ў грамадскім жыцці: гісторыя і сучаснасць: зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2018. – С. 4–11.
4. Макушников, О. А. Гомель с древнейших времён до конца XVIII в. Историко-краеведческий очерк / О. А. Макушников. – Гомель : РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. – 244 с.
5. Макушников, О. А. Раннехристианская история Гомеля: гипотезы и факты / О. А. Макушников // Сретение. – 2014. – № 4. – С. 16–19.
6. Макушников, О. А. Археологические материалы века из раскопок старообрядческой Спасовой слободы в Гомеле / О. А. Макушников, Д. П. Миранович // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 27–28 февраля 2003 г. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 180–184.
7. Аляксейчанка, Г. А. Матэрыялы па гісторыі і культуры стараабраднасці Ёсходняй Беларусі на старонках выданняў Е. Р. Раманава /

Г. А. Аляксейчанка // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 27–28 февраля 2003 г. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 13–16.

8. Марченко, О. В. Древнерусская литературная традиция и скандинавский фольклор: богомильская точка соприкосновения / О. В. Марченко // Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов : материалы Междунар. научн. конф., Гомель, 2–3 ноября 2023 г. / С. Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 71–75.

9. Марченко, О. В. Отражение событий Октябрьской революции и гражданской войны в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) / О. В. Марченко // Религия и общество – 16 : сб. научн. статей XVI Междунар. научн.-практ. конф., Могилев, 22 апреля 2022 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2022. – С. 61–63.

10. Веремееў, С. Ф. Кірыл Тураўскі ў беларускай і расійскай эмігранцкай гістарыяграфіі / С. Ф. Веремееў // Гомельское Поднепровье и Полесье: историческое и культурное наследие : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ имени Ф. Скорины, 2018. – С. 184–189.

11. Веремеев, С. Ф. К вопросу об институте патроната в Киевской митрополии в XVI в. и его значении / С. Ф. Веремеев // Христианское чтение. – 2022. – № 3. – С. 195–206.

12. Веремеев, С. Ф. Ипатий Потей – христианин, сенатор, епископ: между Востоком и Римом / С. Ф. Веремеев // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал. – Вып. № 1 (13). – СПб. : Изд-во СПбДА, 2021. – С. 52–73.

13. Веремеев, С. Ф. Ещё раз об Иосафате Кунцевиче / С. Ф. Веремеев // Novogardia. – 2021. – № 3 (11). – С. 116–128.

14. Веремееў, С. Ф. Жыццёвы шлях і дзейнасць мітрапаліта Фларыяна Грабніцкага / С. Ф. Веремееў // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны (да 75-годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны) : зб. навук. арт. – Вып. 8. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2022. – С. 25–30.

15. Веремеев, С. Ф. Митрополит Киприан Жоховский: основные вехи биографии / С. Ф. Веремеев // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. научн. трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – Т. 37. – С. 64–68.

16. Веремееў, С. Ф. Іосіф Вельямін Руцкі (1574–1637): жыццёвы шлях і царкоўная дзейнасць / С. Ф. Веремееў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – № 4. – С. 42–47.

17. Веремеев, С. Ф. Римско-католический приход в местечке Журавичи на Рогачёвщине (18-начало 20 века) / С. Ф. Веремеев // Православие в прошлом и настоящем : сб. науч. ст. / редкол. С. А. Черепко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 49–55.

18. Веремеев, С. Ф. Политика советской власти в отношении иудаизма на Гомельщине в 1920-е гг. / С. Ф. Веремеев // Беларусь в современном мире : материалы межвуз. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 15 мая 2008 г. / под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2008. – С. 8–9.

19. Веремеев, С. Ф. Из истории религиозной жизни на Туровщине в 20–30-е гг. XX в. / С. Ф. Веремеев // Историческое наследие города Турова : матер. науч.-практ. конф. – Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 120–123.

20. Веремееў, С. Ф. Евангельскія хрысціяне на Веткаўшчыне ў 20-я – пачатку 30-х гг. XX ст. / С. Ф. Веремееў // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. – Вып. 3 (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 9 снежня 2017 г. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2018. – С. 399–405.

21. Веремеев, С. Ф. Христианские конфессии Гомельщины 20–30-х гг. XX в. в освещении отечественной историографии / С. Ф. Веремеев // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Ўсходняга Палесся: праблема вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Гомель, 31 мая 2013 г. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 11–13.

22. Веремеев, С. Ф. Нелёгкий жизненный путь священника (о воспоминаниях протоиерея Петра Рылло) / С. Ф. Веремеев // Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов: материалы Междунар. научн. конф., Гомель, 2–3 ноября 2023 г. / С. Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 86–93.

23. Веремееў, С. Ф. Вёска Раманавічы Гомельскага раёна ў часы ваеннага ліхалецця / С. Ф. Веремееў // Актуальныя праблемы гісторыі Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі сучаснай Гомельскай вобласці (к 75-летию начала Великой Отечественной войны) : материалы науч.-практ. конф. – Гомель : БелГУТ, 2016. – С. 201–207.

24. Веремеев, С. Ф. Православное духовенство на Гомельщине в начале 50-х гг. XX в. / С. Ф. Веремеев // Мозы́рщина: люди, события, время : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 18–19 мая 2018 г. / редкол. Л. В. Гавриловец (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2018. – С. 23–27.

25. Веремеев, С. Ф. Православная церковь на Гомельщине во второй половине 40-х – 60-е гг. XX в. (на примере Демеховского прихода Гомельского благочиния) / С. Ф. Веремеев // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры : сб. докл. XXIII Междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений, Институт теологии БГУ, 22–26 мая 2017 г. – Минск, «Позитив-центр», 2018. – С. 125–127.

26. Веремееў, С. Ф. Пратэстанты Гомеля ў 1950-я гг. / С. Ф. Веремееў // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. 4 (да 100-годдзя Вялікага евангельскага прабуджэння ў Беларусі) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снежня 2019 г. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2021. – С. 334–344.

27. Веремеев, С. Ф. Восточнохристианская традиция в современной Беларуси: греко-католический вариант / С. Ф. Веремеев // Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов : материалы Междунар. научн. конф., Гомель, 2–3 ноября 2023 г. / С. Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 58–67.

28. Одиноченко, В. А. Религия в культуре современной Беларуси: философско-религиоведческий анализ / В. А. Одиноченко. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – 345 с.

29. Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов : материалы Междунар. научн. конф., Гомель, 2–3 ноября 2023 г. / С. Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 126 с.

УДК 902.03(476.2)

ЗАХОРОНЕНИЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ О. А. МАКУШНИКОВА

*Панков Юрий Владимирович,
заведующий отделом археологии
и охраны историко-культурного наследия
государственного учреждения
«Гомельский дворцово-парковый ансамбль»*

***Резюме.** В статье анализируется археологическая деятельность О. А. Макушникова в Гомеле, в ходе которой выявлялись захоронения периода оккупации города. Приводится характеристика погребений.*

Исторический центр Гомеля является многослойным археологическим памятником, в котором присутствуют материалы, начиная с палеолита до настоящего времени. Поэтому исследователи сталкивались и продолжают сталкиваться совершенно с неоднородными археологическими объектами и предметами. Среди таких ученых, кто посвятил себя изучению Гомеля, был Олег Анатольевич Макушников (1960–2021). Внимание к археологии он проявил в 1970-е гг., принимал участие в археологических раскопках в Гомеле под руководством М. А. Ткачева, а с 1986 г. – самостоятельно проводил полноценные исследования древнего города. В сферу интересов О. А. Макушникова входили средневековая археология юго-восточной Беларуси и, непосредственно, история Гомеля с древнейших времен до нового времени. Однако материалы других хронологических периодов он не обходил стороной и все тщательно фиксировал и отражал в отчетах.

События Великой Отечественной войны нанесли колоссальный урон Гомелю. Серьезный ущерб получил городской парк культуры и отдыха им. А. В. Луначарского (ныне – территория Гомельского дворцово-паркового ансамбля), который и был частью исторического ядра города. В период оккупации на отдельных его участках немцами были устроены военные кладбища. Самое большое из них называлось «Кладбище героев» (“Heldenfriedhof”). Оно примыкало к юго-западной и юго-восточной стороне Петропавловского собора и доходило практически до склона правого берега реки Сож. В его границы входило также итальянское кладбище. После освобождения Гомеля некрополь был сnivelирован и память о нем постепенно забывалась.

В 1991 г. во время проведения археологических раскопок под руководством О. А. Макушникова на территории средневекового гомельского окольного града в траншее I (исследования велись на месте прокладки подземных коммуникаций) было обнаружено 14 погребений немецких и итальянских военнослужащих. Останки находились в сильно истлевших деревянных гробах. Согласно отчету, костяки лежали вытянутыми на спине черепами к северо-востоку, кисти рук сложены в области живота и таза. Скелеты погребений 1–8, 10–11 имели удовлетворительную сохранность; в погребениях 9, 12–14 – во фрагментарном состоянии (сохранились черепа и крупные кости конечностей). Останки залегали на глубине 1–1,35 м. Среди костяка были найдены пуговицы, крючки одежды, обрывки ремней. О личностях захороненных свидетельствовали обнаруженные цинковые жетоны (погребения 1–4, 9, 13; таблица 1) и полуистлевшие записки в стеклянных бутылках (погребения 11, 12). Одну записку удалось прочесть. В могиле № 12 был погребен итальянец Фаустино Тонси (солдат 5-го альпийского полка). Раскопки показали, что захоронения происходили

из девяти параллельных рядов-линий, ориентированных по направлению запад–северо-запад – восток–юго-восток. Останки итальянцев летом 1994 г. были переданы в Италию. Немецких военнослужащих первоначально перезахоронили в 1994 г. в общей могиле на территории Петропавловского собора [1, с. 8–9]. В последующем их вновь эксгумировали и перевезли на военное кладбище в д. Щатково Бобруйского р-на Могилевской обл.

Таблица 1 – Описание немецких жетонов, обнаруженных в погребениях во время археологических раскопок на территории окольного града средневекового Гомеля в 1991 г. [2, с. 16]

№ п/п	№ погребения	Материал жетона	Содержание надписи
1	1	Цинк	88 2/Ld.Sch.Batl.432
2	2	Цинк	2059 I.Jnf.Ers.Btl.116
3	3	Цинк	1303 3./Jnf.Ers.Btl.30
4	4	Цинк	0 107 Panz.Abw.Kp. I./21[...]
5	9	Цинк	Жетон не сломан, не читается
6	13	Цинк	2/Art.Ers.Abt.263 1568

Обнаружение в 1991 г. военных захоронений периода оккупации заинтересовало О. А. Макушника и подвигло вместе с историком В. И. Сычевым заняться поиском сведений о кладбище. Были опрошены старожилы – уроженцы и жители Гомеля 1920–1930-х гг. рождения. Они подтвердили наличие германо-итальянского некрополя в северной части парка. Также респонденты сообщили, что хоронили, в основном, умерших раненых и больных, которых привезли из госпиталя по ул. Комиссарова. После освобождения города по распоряжению военных и гражданских властей деревянные кресты были разобраны местными жителями на топливо, а площадка распахана и снивелирована. Точных границ кладбища по воспоминаниям локализовать тогда не удалось [2, с. 2–3].

Летом 1994 г., в соответствии с соглашением между Белорусским Комитетом по социальной защите военнослужащих и Министерством обороны Итальянской Республики от 17 декабря 1993 г., началась работа по эксгумации итальянских захоронений. С итальянской стороны группу экспертов возглавил А. Трамонтано. Раскопки выполнял археологический отряд под руководством О. А. Макушника

и В. И. Сычева. Всего было поднято 109 итальянских военнослужащих и 1 венгерский солдат. Могильные ряды были ориентированы по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Глубина залегания останков 0,8–1,2 м. Погребенных хоронили головой на север-северо-восток. У многих из них были обнаружены личные вещи: остатки кожаных ремней, обуви и одежды; пуговицы, расчески, перьевые ручки, а также прямоугольные жетоны из меди и медных сплавов. При отсутствии жетонов в могилы клали бумажные записки, положенные в стеклянные бутылки. Примечательный эпизод рассказал один из участников раскопок В. А. Литвинов. С его слов из одного погребения была поднята ручка и передана А. Трамонтано. Он ее проверил и восторженно крикнул по-итальянски: “Scrive! (Пишет!)”. Все останки были возвращены в Италию.

Во время проведения эксгумации археологи наткнулись и на ряды немецких могил. Было частично вскрыто 10 захоронений. При умерших лежали жетоны. После установления их принадлежности останки были возвращены на прежние места.

В том же 1994 г. производились археологические раскопки в зоне строительства крестильни Иоанна Предтечи в 10–30 м от кафедрального Петропавловского собора. В ходе исследований поднято 6 погребений солдат вермахта. Скелеты находились среди остатков деревянных гробов. Костяки лежали вытянуто на спине черепом к северо-востоку. Кисти рук были сложены в области живота. Глубина залегания захоронений 1,7–1,8 м. Могилы находились параллельно друг от друга на расстоянии 0,2–0,3 м. Ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток [2, с. 12]. В пяти из шести погребений были обнаружены цинковые и алюминиевые жетоны (таблица 2). Также из раскопа подняли два алюминиевых жетона учтенного воинского захоронения. Один из них целый (Gemeldet WGO 35 / 3402), второй – во фрагменте ([Gem]eldet [W]GO 35 / [3]196). Надпись “Gemeldet” означает, что могила учтена; “WGO (Wermacht Graben Offizier) 35” – номер службы офицера, ведающего погребением убитых и умерших военнослужащих; «3402» – номер учтенного захоронения. Останки были перезахоронены на территории Петропавловского собора, но, впоследствии, были перенесены на военное кладбище в д. Щатково.

Спустя 9 лет, в 2003 г., при проведении исследований на территории средневекового гомельского окольного града археологический отряд под руководством О. А. Макушникова в траншее I зацепил 4 могильных ряда немецких захоронений. Зачистка показала, что останки покоились в гробах, головами ориентированы на запад. Эксгумация и перезахоронение не производились [3, с. 12].

Таблица 2 – Описание немецких жетонов, обнаруженных в погребениях во время археологических раскопок на территории окольного града средневекового Гомеля в 1994 г. [2, с. 17]

№ п/п	№ погребения	Материал жетона	Содержание надписи
1	1	Цинк	1055 3/Jnf.Ers.Btl.40
2	3	Алюминий	3./S.R.10 N-II
3	4	Алюминий	A 1352 Schzt.Ers.Komp.2./452
4	5	Алюминий	82 2./Jnf.Ers.Btl.226
5	6	Алюминий	A 2(?)2 I./J.E.Btl.488

В 2007 г. при осуществлении археологических раскопок в пятне прокладки трасс водопровода и канализации у здания филиала Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций в траншее II было обнаружено 8 могил военнослужащих вермахта, а в траншее III – перемешанные остатки костяков. Глубина захоронений колебалась от 1,4 до 1,6 м. Прослеживались следы разложившихся деревянных гробов, истлевших остатков одежды и обуви. Скелеты лежали на спине черепами на юг – юго-восток [4, с. 23]. Верхняя часть черепа скелета из погребения 3 была срезана. В погребении 1 и 3 находились цинковый и алюминиевый жетоны (таблица 3). Еще два жетона было обнаружено в Траншее III среди перемешанных костей [4, с. 26]. В траншее II без привязки к захоронениям выявили два сильно коррозированных жетона учтенного воинского захоронения ([Gem]eldet [WG]O 35 / 3644 и [Gemeldet WG]O [35]/ [3]8[...]). Останки были перенесены на военное кладбище в д. Щатково.

Таблица 3 – Описание немецких жетонов, обнаруженных в погребениях во время археологических раскопок на территории окольного града средневекового Гомеля в 2007 г.

№ п/п	№ погребения	Материал жетона	Содержание надписи
1	1	Цинк	44 3.A.R.28 0
2	3	Алюминий	Reit.Kav.Erz.Abt. 3 N p [...]538-7
3	—	Алюминий	581 4.KP./JNF.Ers.Btl.338
4	—	Алюминий	AB 1360 Art.Abt.4.Ers

Последнее обнаружение археологическим отрядом под руководством О. А. Макушникова захоронений солдат вермахта произошло в 2012 г. во время исследований участка окольного града в зоне реставрации часовни-усыпальницы князей Паскевича. В раскопе IV с юго-западной стороны свода усыпальницы были частично исследованы два погребения. Костяки лежали вытянуто вдоль оси свода, руки сложены крест-накрест в области груди и живота. Глубина захоронений 2,06–2,08 м. Жетонов встречено не было [5, с. 9]. Кроме захоронений находили отдельные кости, а также часть могильной плиты, на которой сохранились фрагменты надписи на немецком языке: “[...]25.1[94..] [...]Sa[..]ft in fre[..] [...] Erde. Gewidmet von deinen [...] Eltern und Bruder.”. Останки были переданы представителю «Народного союза Германии по уходу за военными могилами» с целью последующего перезахоронения на военном кладбище в д. Щатково.

Таким образом, во время археологических раскопок под руководством О. А. Макушникова было выявлено не менее 156 захоронений, среди которых немцев – 44, итальянцев – 111, венгров – 1. Фиксация останков в отчетах с обращением внимания к деталям (глубина и ориентация могил, тексты жетонов и др.) дает возможность последующим исследователям изучать историю германо-итальянского кладбища, образованного в годы оккупации Гомеля.

Список использованных источников

1. Макушников, О. А. Отчет об охранных археологических исследованиях 1991 г. на территории окольного града (места) средневекового Гомеля / О. А. Макушников // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Рукопись.

2. Макушников, О. А. Материалы к определению места расположения и сохранности германского воинского кладбища 1941–43 гг. на территории парка им. А. В. Луначарского в г. Гомеле Республики Беларусь. 1995 г. / О. А. Макушников, В. И. Сычев // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Рукопись.

3. Макушников, О. А. Отчет об охранных археологических раскопках на замчище и окольном городе (месте) средневекового Гомеля в зоне реставрации дворца Паскевичей в 2003 г. / О. А. Макушников // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Рукопись.

4. Макушников, О. А. Отчет об охранных археологических раскопках на окольном граде (месте) средневекового Гомеля в 2007 г. / О. А. Макушников // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Рукопись.

5. Макушников, О. А. Отчет об охранных археологических раскопках в зоне реставрации часовни-усыпальницы на окольном городе (месте) средневекового Гомеля в 2012 г. / О. А. Макушников // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Рукопись.

УДК 901'1(476.2)"632.8"

КУЛЬТУРА БРОММЕ-ЛИНГБИ В ГОМЕЛЬСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

*Вороненко Олег Васильевич,
научный сотрудник
отдела археологии первобытного общества
Института истории НАН Беларуси*

***Резюме.** В статье представлена современная источниковедческая база по культуре финального палеолита бромме-лингби в Гомельском Поднепровье. На сегодняшний момент в регионе специфический набор, характерный для культуры бромме-лингби фиксируется в материалах стоянок Зборов 2 и Коромка 1–3 Рогачёвского района и местонахождения Замковая Гора (г. Рогачёв).*

Культура бромме-лингби впервые была выделена в конце XIX в. в Дании. Название получила по специфическим изделиям – костяным мотыгам «типа Лингби» и кремнёвым наконечникам «типа Лингби», впервые найденные в местности Нёре-Люнбю (Лингби), расположенной в Ютландии (Дания) [1]. Второе название «бромме», культура получила после исследований стоянки Бромме, расположенной на острове Зеландия в 1945–1946 гг. [2].

За более чем столетнюю историю изучения культуры бромме-лингби, было выявлено более 100 памятников на территории Дании, Германии, Швеции, Голландии, Польши, Литвы, Украине, России и Беларуси. В Беларуси наиболее выразительные материалы культуры были получены при исследовании стоянок бассейна Нёмана (Красносельский-5, 6 [3, с. 56–58], Ковальцы-1, 2, 4 [4, с. 143–143] и др.).

Согласно немногочисленным известным радиоуглеродным датировкам, время бытования культуры бромме-лингби определяется в пределах середины–конца аллерёда – началом позднего дриаса [5, с. 40; 6, с. 6], что соответствует рубежу X – началу IX тыс. до н. э.

Основной отличительный элемент, который определяет культурную принадлежность коллекции кремнёвого инвентаря – наконечник типа Лингби, который представляет собой наконечник стрелы или дротика, изготовленный из массивной пластины с выделенным черешком. Оформление черешка производилось посредством нанесения крутой или противолежащей ретуши со спинки, реже брюшка. Остриё орудия в основном натуральное, в некоторых случаях подправлялось крутой ретушью или резцовыми сколами. Наконечники типа Лингби имеют довольно крупные размеры.

Техника расщепления кремня, используемая на стоянках бромме-лингби была направлена на утилизацию подпризматических и подконических одно- и двухплощадочных нуклеусов в технике прямого удара, для получения основной заготовки – широкой ножевидной пластины. Кремнёвый инвентарь стоянок довольно однообразен и включает в себя наконечники типа Лингби, концевые скребки, в основном на отщепах и двухгранные, угловые и боковые резцы грубых форм. В меньшей степени в коллекциях известны крупные острия, напоминающие косые, изделия с выемкой, свёрла, грубые рубящие (топоры и тёсла с перехватом), пластины и отщепы с нерегулярной ретушью. Для изготовления орудий труда использовалось лишь несколько приёмов – средне и крупнофасетчатое ретуширование, техника резцового скола.

Небогатый набор кремнёвого инвентаря может быть обусловлен высокой подвижностью населения. Известно, что племена культуры бромме-лингби являлись охотниками на северного оленя и за сезон преодолевали огромные расстояния, вслед за кочующими стадами главного объекта охоты. Таким образом, для забоя оленей и разделки туш животных, такого набора кремнёвых «инструментов» было вполне достаточно.

Использование местного сырья, являлось одним из главных факторов, влияющим на облик кремнёвого инвентаря культуры бромме-лингби в разных регионах Европы. Практически на всех известных стоянках отмечается использование местного кремня. Данное обстоятельство влияло на конечные формы орудий, т. к. при неодинаковом качестве и количестве сырьевой базы, при условии, что его использовало одно и то же население, практически невозможно изготавливать одинаковые стандартизированные орудия. Использование местного сырья влияло и на охоту, т. к. при высокой мобильности, необходимой для удачной охоты, перемещение сырья на большие расстояния могло значительно снижать скорость передвижения охотников.

Наличие в Гомельском Поднепровье материалов, которые могли относиться к культуре бромме-лингби, впервые было отмечено К. М. Поликарповичем, который относил материалы стоянки Коромка к свидерской группе, а аналогии этой группы исследователь видел на стоянках лингбийской культуры юго-восточной Прибалтики [7, с. 83].

Следующим исследователем, обратившим внимание на специфический набор кремнёвого инвентаря, который может соотноситься с культурой бромме-лингби, был В. П. Ксензов. Непосредственно к позднему этапу культуры бромме-лингби он относил часть материалов из коллекции подъёмного материала стоянки Зборов 2 [8]. Также, В. П. Ксензов одним из генетических компонентов для выделенной им мезолитической днепро-деснинской культуры, считал культуру бромме-лингби, вторым компонентом являлась свидерская культура [9, с. 40, с. 56–57].

В одной из последних обобщающих монографий по финальному палеолиту Беларуси “Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц” (2010 г.) [4], в рассматриваемом регионе не отмечено наличие памятников бромме-лингбийской культуры [4, карта 3].

Исследования автора последних лет показывает, что характерный кремнёвый инвентарь бромме-лингбийской культуры известен в коллекциях стоянок Зборов 2, Коромка 1–3 и местонахождения Замковая Гора (г. Рогачёв). Так как материалы Зборова 2 и Замковой Горы (г. Рогачёв) уже были опубликованы автором [10; 11], для понимания специфики культуры бромме-лингби на территории Гомельского Поднепровья, мы обратимся к материалам стоянки Коромка 3.

Впервые следы стоянки каменного века возле пос. Коромка (нежилой) отметил в 1893 г. В. Е. Данилевич, собравшим на территории памятника находки из кремня и обломки лепных горшков [12]. В 1925, 1927–1928 гг. обследование стоянки проводил К. М. Поликарпович, но к сожалению, материалы этих исследований не были опубликованы, а лишь частично вошли в его монографию «Палеолит Верхнего Поднепровья», вышедшую в 1968 г. [13]. В 1965 г. сборы подъёмного материала производили В. Ф. Исаенко и И. М. Тихоненков [14]. Раскопки на площади 330 м² были проведены В. Ф. Копытиным в 1972 и 1990 гг. [15; 16, с. 18–31].

Стоянка Коромка 3 была открыта автором в 2023 г. во время проведения исследований на стоянке Коромка 2. Памятник расположен в 4,5 км севернее агрогородка Кистени Рогачёвского района, на первой

надпойменной террасе правого берега Днепра. В проходящем в 150 м западнее стоянки Коромка 2, противопожарном рве, было зафиксировано скопление расщеплённого кремня на площади 10×10 м.

В результате сбора подъёмного материала была получена коллекция кремнёвого инвентаря в количестве 356 экз., из которых 106 (29,8 % от общего количества находок) изделия со вторичной обработкой и следами использования.

В результате проведённого анализа используемого на стоянке сырья, было установлено, что на территории памятника расщеплялись кремнёвые конкреции чёрного и серого цветов, с большим включением мела.

Техника расщепления на стоянке была направлена на утилизацию торцевых нуклеусов одностороннего снятия в технике прямого удара. Основной заготовкой выступала широкая пластина (пластинчатый отщеп).

Среди изделий со вторичной обработкой особого внимания заслуживает серия черешковых симметричных наконечников стрел, найденных в количестве 7 экз., два из которых обломано. Все целые наконечники изготовлены из массивных пластинчатых отщепов. Длина наконечников от 42 мм до 54 мм, ширина – от 31 мм до 45 мм, толщина – от 18 мм до 21 мм.

У двух наконечников черешок выделен со спинки полукрутой ретушью (рисунок 1: 1–2), ещё у двух орудий черешок выделен со спинки с одной стороны выемкой, с другой – полукрутой ретушью (рисунок 1: 4–5). у одного со спинки и брюшка полукрутой ретушью (рисунок 1: 3). Перо у 2 наконечников имеет острое окончание, у 3 экз. – дугообразное.

Перо первого наконечника с острым окончанием было подправлено с одной стороны полукрутой ретушью с брюшка, с другой резцовым сколом (рисунок 1: 1), у второго перо подправлено со спинки полукрутой ретушью с обеих сторон (рисунок 1: 2). Дугообразные перья у наконечников подправлялись полукрутой ретушью со спинки (рисунок 1: 3–4) и с брюшка (рисунок 1: 5).

Во 2 экз. были найдены крупные симметричные черешковые наконечники с обломанными перьями. Черешки у орудий были выделены полукрутой ретушью со спинки (рисунок 1: 6–7).

Кроме наконечников стрел, остальной набор орудий представлен резцами на углу сломанной заготовки (14 экз.), остриями (4 экз.), концевыми скребками (44 экз.), скобелями (21 экз.), пластинами (2 экз.) и отщепами с полукрутой ретушью со спинки по краю (6 экз.), свёрлами-провёртками (2 экз.), рубящими грубых форм (6 экз.), проколкой и комбинированным орудием скребком-ретушёр.

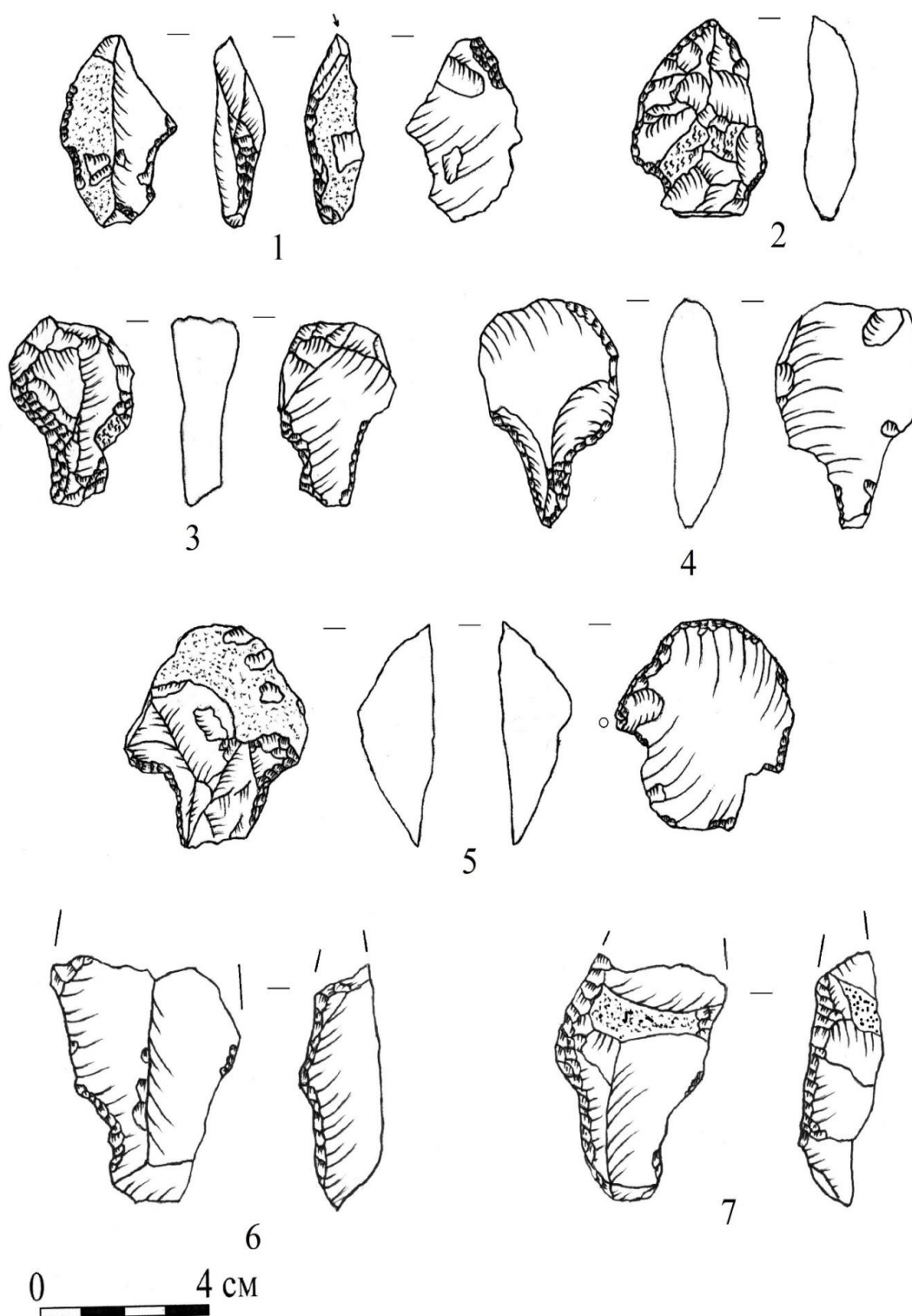

Рисунок 1 – Кремнёвый инвентарь стоянки Коромка 3
Рогачёвского района. Подъёмный материал 2023 г. Наконечники стрел

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний момент в Гомельском Поднепровье находки культуры бромме-лингби, свидетельствуют о том, что в эпоху финального палеолита, один из маршрутов

охотников на северного оленя культуры бромме-лингби, проходил через территорию Гомельского Поднепровья, о чём свидетельствуют материалы со стоянок Зборов 2, Коромка 1–3 и местонахождения Замковая Гора (г. Рогачёв).

Список использованных источников

1. Muller, S. Nye stenalders former / S. Muller // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie / Kgl. Nord. oldskrift selskab. – Kobenhavn, 1896. – 2 række, 11 bind. – S. 303–419.
2. Mathiassen, T. En senglacial Boplads ved Bromme / T. Mathiassen // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie / Kgl. Nord. Oldskriftselskab. – Kobenhavn, 1946. – S. 121–197.
3. Чарняўскі, М. М. Старажытныя шахцёры на Росі / М. М. Чарняўскі, В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1996. – 144 с.
4. Калечыц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 323 с.
5. Жилин, М. Г. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация) / М. Г. Жилин, Л. В. Кольцов. – М. : Ин-т археологии Рос. акад. наук, 2008. – 313 с.
6. Сорокин, А. Н. Культуры бромме и аренсбург: обзор материалов / А. Н. Сорокин // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2017. – Т. 19. – С. 3–41.
7. Поликарпович, К. М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Труды II международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы : в 5 вып. / Всесоюз. геол.-развед. об-ние ; ред. комис. : Д. А. Петровский [и др.]. – М. ; Л. ; Новосибирск, 1934. – Вып. 5. – С. 75–87.
8. Ксензов, В. П. Новые материалы каменного века из окрестностей д. Зборов Рогачевского района Гомельской обл. / В. П. Ксензов, А. Н. Рыкунов, И. Н. Езепенко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : навук. зб. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – № 3. – С. 44–56.
9. Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов ; навук. рэд. І. М. Язэпенка. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 170 с. – (Матэрыялы па археалогіі Беларусі ; вып. 13).
10. Вороненко, О. В. Кремневые артефакты поселения финального палеолита – мезолита возле д. Зборов Рогачевского района Гомельской области / О. В. Вороненко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2017. – № 4. – С. 50–59.

11. Вороненко, О. В. Охотничье вооружение в культурах финального палеолита на территории Белорусского Поднепровья / О. В. Вороненко // Краткие сообщения / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – М., 2019. – Вып. 255. – С. 102–112.

12. Данилевич, В. Е. Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 года / В. Е. Данилевич // Киевская Старина. [Отд. 2 : Документы, известия, заметки]. – 1895. – Т. 49. – С. 12–18.

13. Поликарпович, К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович ; ред. А. Н. Рогачев. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.

14. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1965 г. / В. Ф. Исаенко // ЦНА НАНБ. – ФАНД. Арх. № 258.

15. Копытин, В. Ф. Отчет о раскопках мезолитического поселения Коромка в 1990 году / В. Ф. Копытин // ЦНА НАНБ. – ФАНД. Арх. № 1391. – 29 с.

16. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : Могилев. упр. по печати, 1992. – 86 с.

УДК 902/904(476.2)“634”

НЕАЛІТЫЧНАЯ ЭПОХА БАСЕЙНА ВЕРХНЯГА ДНЯПРА

*Язэпенка Ігар Мікалаевіч,
старшы навуковы супрацоўнік
аддзела археалогіі першабытнага грамадства
Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
кандыдат гістарычных навук*

***Рэзюмэ.** Артыкул прысвечаны характарыстыцы неалітычнай эпохі басейна Верхняга Дняпра. Вызначаны храналагічныя рамкі і прапанавана аўтарская версія перыядызацыі неаліту для вывучаемага геаграфічнага рэгіёну. Прадстаўлены новыя дадзеныя абсалютнага датавання неалітычных помнікаў нарвенскай, днепра-данецкай і верхнедняпроўскай культур, і сінхранізацыя развіцця гэтых культур у межах паслядоўных фаз атлантычнага перыяду.*

Неалітычная эпоха Верхняга Падняпроўя была прадметам даследавання вельмі працяглы час, пачынаючы з канца XIX стагодзя. Мяняліся ўяўленні аб неалітычных стаянках, не адно пакаленне даследчыкаў імкнулася ўнесці сваё разуменне завяршальнага перыяду каменнага веку. Фарміраваліся і распадаліся дзяржаўныя ўтварэнні, а навуковы інтарэс не згасе і ў XXI стагоддзі.

Неаліт басейна Верхняга Дняпра лічыцца найбольш дасканала даследаваным храналагічным адрэзкам. Гэта падцвярджаецца вялізарнай колькасцю выяўленых помнікаў і ўнушальным пералікам публікацый, звязаных з указаным геаграфічным рэгіёнам. Але далёка не ўсе калекцыі археалагічных матэрыялаў з раскапаных стаянак належным чынам апрацаваны і пададзены ў археалагічнай літаратуры.

Паступова адбываецца трансфармацыя ў тэрміналогіі неалітычнай праблематыкі: на сучасным этапе для лясной зоны рассялення неалітычнага насельніцтва выкарыстоўваюцца тэрміны: субнеаліт, паранеаліт і керамічны мезаліт, як “некія кампрамісныя варыянты” [1, с. 97–103].

У польскай археалагічнай традыцыі для лясной зоны прапанаваны тэрмін “мезаліту керамічнага” праз існаванне некаторых груп мезалітычных культур магчыма аж да II тыс. да н. э., якія ў межах свайго заключнага этапу развіцця займаліся вытворчасцю керамікі “ляснога тыпу” [2, с. 137–138]. Акрамя гэтага на абшарах паўночна-ўсходняй Польшчы, ад ніжняй і сярэдняй Віслы да Мазурскага Паазер’я, Мазовіі і Падляшша прадстаўлены археалагічныя культуры, якія не належаць да наддунайскага кола ці да цэнтральна-еўрапейскіх традыцый. Такія культуры названыя паранеалітычнымі альбо субнеалітычнымі для “выражэння іх частковай прыналежнасці да неаліту, які разумеецца як эпоха не толькі звязаная з новымі тэхнікамі, але перш за ўсё з вытворчай гаспадаркай – земляробча-жывёлагадоўчай” [2, с. 301].

Абшары верхняга цячэння Дняпра ад самых вытокаў з невялікага балота Мшара на Смаленшчыне і да вусцяў Прыпяці і Дзясны, знаходзяцца менавіта ў лясной зоне, і на працягу ўсяго неалітычнага перыяду асвойваліся прадстаўнікамі прысвойваючых форм гаспадарання.

Апошнім часам даволі актыўна прапануецца ў археалагічных выданнях тэрмін *неалітызацыі* – працэсу распаўсюджвання пакета альбо рыс (кампанентаў) неалітычнай эпохі. Абмяркоўваюцца дзве розныя мадэлі неалітызацыі для тэрыторыі Ўсходняй Еўропы: 1) “стандартная” – распаўсюджванне пакета інавацый, які адлюстроўвае наступленне неалітычнай эпохі (выраб глінянага посуду, вытворчы тып гаспадаркі, домабудаўніцтва, каменныя сасуды і г. д.); 2) “септэнтрыяльная” – з’яўленне толькі часткі неалітычнага пакета [3, с. 97–103].

Неалітызацыя пэўнай часткі лясной зоны, у тым ліку басейна Верхняга Дняпра, магла адбывацца з розных накірункаў: з паўночнага ўсходу – верхоўяў Волгі, з паўночнага захаду – з ніжняга цячэння Заходняй Дзвіны (Даугавы), і з паўднёвага ўсходу, з лесастэпавых і стэпавых абшараў Сярэдняга Падняпроўя. Аднак апрача знешняга ўздзеяння з “неалітычных цэнтраў” адбываўся і паралельны працэс паступавых змен у асяроддзі мясцовага насельніцтва познемезалітычнага часу.

У басейне Верхняга Дняпра ў неалітычную эпоху прадстаўлены наступныя таксанамічныя адзінкі (культуры): верхнедняпроўская, днепра-данецкая і нарвенская. На памежжы басейнаў Дняпра і Заходняй Дзвіны вылучаны неалітычныя помнікі тыпу Бабінавіч.

Арэал днепра-данецкай культуры ў яе ўсходне-палескім варыянце вызначаны паўднёвым усходам Беларусі, менавіта Ўсходнім Палессем, цячэннем Прыпяці ад нізоўяў Гарыні і да вусця Бесядзі, з поўначы абмяжоўваецца па лініі сярэдняга цячэння Бярэзіны і да ніжняга цячэння Сажа (Бабруйск – Рагачоў – Ветка) [4, с. 128]. Верхнедняпроўская культура распаўсюджана на раннім этапе ў сярэднім і ніжнім Пасожжы, а на познім “носьбіты гэтай культуры рассяляліся практычна па ўсім Верхнім Падняпроўі (Магілёўская і Гомельская, поўдзень Віцебскай, усход Мінскай, поўнач Чарнігаўскай, Бранская і Смаленская вобласці)” [5, с. 175]. Нарвенская культура “займала Паўночную Беларусь, ... яе паўднёва-ўсходняя і ўсходняя мяжа праходзіла праз Віцебск на вярхоўі Бярэзіны Дняпроўскай...” [6, с. 190]. Насельніцтва ўсходняй часткі басейна Заходняй Дзвіны ў межах Беларусі аднесена да этнакультурнай групы, якая характарызуецца помнікамі тыпу Бабінавічаў [7, с. 219].

На канец 1990-х для неаліту Беларусі не была выпрацавана агульная перыядызацыя, этапы эпохі разглядаліся на ўзроўні найбольш даследаваных рэгіёнаў Панямоння, Паазер’я, Пасожжа і Ўсходняга Палесся. У развіцці асобных неалітычных культур вызначаліся два-тры этапы: ранні, сярэдні альбо развіты, і позні. Для нарвенскай культуры вылучаны ранненеалітычны этап (Асавец 4 і ніжні пласт Зацэння) і позні этап (позненавенская культура, помнікі і матэрыялы тыпу ніжняга пласта Крывіны) [8, с. 150–152].

Крыху пазней частка неалітычных матэрыялаў Крывінскага тарфяніка пачалі разглядацца ў храналагічных межах сярэдняга неаліту і ўсвяткай культуры [9, с. 94–96].

Перыядызацыя верхнедняпроўскай культуры вызначаецца трыма перыядамі: раннім, сярэднім і познім, прычым адзначаецца, што сярэдні перыяд у развіцці культуры недастакова ахарактэрызаваны [10, с. 134]. Праз дзесяцігоддзе вылучаюцца толькі два этапы:

ранні (сярэдзіна 5 тыс да н. э. – першая палова 4 тыс. да н. э.) і позні (другая падова 4 тыс. да н. э. – канец 3 тыс. да н. э. / пачатак 2 тыс. да н. э.) [5, с. 171, 175].

На момант 1997 года для днепра-данецкай культуры Ёсходняга Палесся вылучаліся ранненеалітычныя матэрыялы для асобных помнікаў, у асноўным на падставе паверхневых збораў, а таксама сярэдненеалітычны этап і два (3 і 4-ы) позненеалітычныя этапы [4, с. 128, 132, 134].

На сучасным узроўні даследаванняў, зыходзячы з навішых даных па радыёвугляроднаму датаванню неалітычных помнікаў з басейна Бярэзіны, рагачоўскай і жлобінскай часткі цячэння Дняпра, а таксама басейна Сажа, аўтар прапануе перыядызацыю неалітычнай эпохі для Верхняга Падняпроўя ў наступных храналагічных межах (табліца 1).

Табліца 1 – Перыядызацыя неалітычнай эпохі для Верхняга Падняпроўя

Перыяд	Храналогія
РАННІ НЕАЛІТ: ¹⁴ С (ВР)	6700/6600 – 5400/5300
КАЛІБРАВАНЫЯ ДАНЫЯ (ВС)	5700/5500 – 4500/4400
СЯРЭДНІ НЕАЛІТ: ¹⁴ С (ВР)	5400/5300 – 4500/4300
КАЛІБРАВАНЫЯ ДАНЫЯ (ВС)	4500/4400 – 3700/3500
ПОЗНІ НЕАЛІТ: ¹⁴ С (ВР)	4500/4300 – 3900/3800
КАЛІБРАВАНЫЯ ДАНЫЯ (ВС)	3700/3500 – 2800/2600

Да пачатку 2000-х гадоў усе храналагічныя пабудовы для неаліту вывучаемай тэрыторыі засновываліся на тыпалагічнай класіфікацыі крамянёвага інвентару і керамікі. Абсалютнаму датаванню археалагічных матэрыялаў і закрытых комплексаў з культурнага пласта даследаваных на значных плошчах стаянак у басейне Верхняга Дняпра надавалася не так шмат увагі.

Сітуацыя хоць і маруднымі, і вельмі павольнымі тэмпамі мяняецца да лепшага. Апошнім часам атрыманы 18 абсалютных даціровак для помнікаў днепра-данецкай неалітычнай культуры цэнтральнага Палесся і Гомельскага Падняпроўя (Кузмічы 1, Прорва 2, Прорва 4, Камарын 5, Ніжня Алба 1) [11, с. 90–96; 12, с. 80–89], дапоўнена 5 радыёвугляроднымі датамі карціна развіцця нарвенскай культуры ў верхоўі і сярэднім цячэнні Бярэзіны (Зацэнне, Нябышына 1) [9, с. 96]. І ўпершыню прадаставаны матэрыялы верхнедняпроўскай культуры ў басейне Сажа (Гронов 3, Дубовы Лог 5, Каменка 5) [13, с. 297–306; 14, с. 107].

Храналагічная класіфікацыя неалітычных матэрыялаў басейна Верхняга Дняпра павінна апірацца не толькі на вынікі радыёвугляроднага датавання, але на комплексныя даследаванні, асабліва гэта тычыцца стратыфікаваных помнікаў з добрымі ўмовамі захавання арганічных рэшткаў.

Паліналагічныя даныя па стаянках Нябышына 1 і Зацэнне ў басейне Бярэзіны дазволілі прыйсці да высноў аб тым, што частка рэшткаў матэрыяльнай культуры можа мець раннеалітычны ўзрост. Асноўнай праблемай для вызначэння храналагічных пазіцый неалітычнага перыяду выступае тое, што тэрыторыя паселішчаў, як з выразнай стратыграфіяй, так з размытай стратыграфічнай карцінай, асабліва з культурным пластом сфарміраваўшымся на поплаўных алювіяльных адкладах, неаднаразова выкарыстоўвалася. Так на раннеалітычных помніка Нябышына 1 і Зацэнне зафіксаваны паліналагічныя зоны папярэдняга мезалітычнага перыяду, выяўлены крамянёвы інвентар з тыповым наборам вырабаў з другаснай апрацоўкай, якія характэрны для мезалітычных фаз асваення засяляемых абшараў.

Мяжа паміж познім мезалітам і раннім неалітам на вывучаемай тэрыторыі вельмі ўмоўная, у крамянёвым інвентары не заўсёды вызначаема. Генетычнай асновай для пералічаных неалітычных культур рэгіёна доўгі час лічыўся мясцовы мезаліт, але апошнім чынам адказ ад “лакальных” мезалітычных культур (днепра-дзяснінскай і сожскай) і настойванне на “полікультурным” характары мезаліту розных частак Падняпроўя Беларусі яшчэ больш заблытвае пытанне аб генетычных вытоках неалітычнага насельніцтва.

Пераважаючая частка неалітычнага перыяду прыходзіцца на атлантычны перыяд галацэну, завяршальная стадыя развіцця неалітычнай эпохі ў межах басейна Верхняга Дняпра прыпадае на першую палову суббарэальнага перыяду.

Самымі раннімі неалітычнымі матэрыяламі ў межах паліналагічнай фазы (АТ-1) – 8000–6600 гадоў назад можна лічыць ранненарвенскія, выяўленыя на тарфяніковых паселішчах ў верхняй частцы басейна Бярэзіны, акрамя гэтага ў ніжняй частцы цячэння Бярэзіны і ў жлобінска-рагачоўскай частцы даліны Дняпра фіксуюцца раннія тыпы керамікі, якія прынята связываць з помнікамі тыпу Струмель – Гасцяцін Чарнігаўскага і Кіеўскага Падняпроўя [15, с. 18]. У басейне Верхняга Дняпра апошнім часам выяўлена не менш 10 пунктаў з падобнай керамікай.

Фаза (АТ-2) – 6600–6000 гадоў назад характэрызуецца перш за ўсё ранне- і сярэднеалітычнымі этапамі развіцця ўсходне-палескага варыянта днепра-данецкай культуры. Самым выразным кампанентам

для характарыстыкі адметных рыс гэтай культурнай з’явы выступае безумоўна кераміка, яё марфалогія, тэхналагічныя асаблівасці і рэцэптура, і грабенъчата-накольчатая арнаментация. Пад моцным ўплывам днепра-данецкай культуры, асабліва ў паўднёвай частцы свайго арэала знаходзіцца “верхнедняпроўская культура”. Гэтая дзве “роднасныя” культуры час ад часу аб’ядноўваюць у днепра-данецкую супольнасць з велізарным тэрытарыяльным масівам.

Фаза (АТ-3) – 6000–5000 гадоў назад прыпадае на завяршальныя этапы развіцця днепра-данецкай і верхнедняпроўскай культур у вывучаемым рэгіёне, пачынае адбываецца змена эпох: неаліт саступае месца эпосе бронзы, пераходны перыяд насычаны міграцыйнымі патокамі розных груп насельніцтва кола культур шнуравой керамікі і пранікненем іх ў аўтахтоннае неалітычнае асяроддзе.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Пиецонка, Х. Мезолит – субнеолит – неолит: проблема определения неолитизации между Востоком и Западом / Х. Пиецонка // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене» к 70-летию В. И. Тимофеева. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 97–103.

2. Pradzieje ziem Polskich. – Т. 1. Od paleolitu do środkowego okresu lateńskiego. – Część 1. Epoka kamienia. – Państwowe Wydawnictwo Naukowe. – Warszawa-Łódź. – 1989. – S. 137–138, 301.

3. Мазуркевич, А. Н. Неолитизация Восточной Европы сквозь призму радиоуглеродных данных / А. Н. Мазуркевич, Г. И. Зайцева, М. А. Кулькова // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене» к 70-летию В. И. Тимофеева. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 97–103.

4. Ісаенка, У. Ф. Днепра-данецкая культура / У. Ф. Ісаенка // Археалогія Беларусі. – Т. 1. – С. 128.

5. Калечыц, А. Г. Верхнедняпроўская культура / А. Г. Калечыц // Археалогія Беларусі. – Т. 1. – С. 175.

6. Чарняўскі, М. М. Нарвенская культура / М. М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі. – Т. 1. – С. 190.

7. Зайкоўскі, Э. М. Помнікі тыпу Бабінавічаў / Э. М. Зайкоўскі // Археалогія Беларусі. – Т. 1. – С. 219.

8. Чернявский, М. М. К проблеме хронологии неолита Беларуси / М. М. Чернявский // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). – СПб. : ИИМК РАН. – 2004. – С. 150–152.

9. Чернявский, М. М. Культуры раннего и среднего неолита Белорусского Подвинья / М. М. Чернявский // Материалы и исследования по археологии России и Беларуси. – Санкт-Петербург. – 2012. – С. 94–96.

10. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Беларуси / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника. – 1987. – С. 134.

11. Кривальцевич, Н. Н. Радиоуглеродное датирование материалов поселения Кузьмичи / Н. Н. Кривальцевич // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. : кол. моногр. / сост. : Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. – Смоленск : Свиток, 2016. – С. 290–296.

12. Езепенко, И. Н. Материалы к радиоуглеродной хронологии среднего неолита Поднепровья Беларуси (поселения Днепра и бассейна Березины) / И. Н. Езепенко // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. : кол. моногр. / сост. : Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. – Смоленск : Свиток, 2016. – С. 280–289.

13. Ткачёва, М. И. Радиоуглеродные датировки п. Гронов 3 (бассейн р. Сож) / М. И. Ткачёва, М. А. Кулькова // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. : кол. моногр. / сост. : Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. – Смоленск : Свиток, 2016. – С. 297–306.

14. Колосов, А. В. Каменный век Могилёвского Посожья: открытия, исследования, результаты 2009–2015 гг. / А. В. Колосов – Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 107 с.

15. Ногин, Е. В. Проблемы неолитизации междуречья Днепра и Десны / Е. В. Ногин // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия А. – № 1. – 2014. – С. 15–20.

УДК 903/904`1“637.3”(476.2):930.1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

*Ятин Павел Николаевич,
аспирант Института истории НАН Беларуси*

***Резюме.** В данной статье рассматриваются основные этапы изучения среднеднепровской культуры в гомельском Поднепровье.*

Отмечается эволюция взглядов основных исследователей данного региона, таких как И. И. Артёменко и Н. Н. Кривальцевич. Подняты проблемы хронологии, преемственности культур на стыке эпохи неолита и бронзового века.

История изучения памятников среднеднепровской культуры на гомельском Поднепровье насчитывает на сегодняшний день около 100 лет. Первые работы по выявлению памятников среднеднепровской культуры начались с разведок группами учёных ещё в межвоенный период, так с 1924 по 1932 гг. на территории Верхнего Поднепровья, было зафиксировано большое число пунктов с находками керамики и каменных орудий эпохи неолита и бронзы. На основании изученной керамики, собранной на обследованных памятниках, К. М. Поликарпович высказал мнение о близости их памятникам фатьяновской культуры [1, с. 64] после того как им были исследована р. Сож и её притоки, по линии Гомель – Чечерск – Славгород и по Днепру по линии Речица – Рогачёв – Могилёв. В частности, исследовалось урочище Завалье (Узвалье) возле д. Лучин Рогачёвского района Гомельской области, в 1928 г. его обследовал А. Д. Каваленя [1, с. 70]. Однако, из всех находок, сделанных перед Второй Мировой войной, сохранилась лишь коллекция из сборов К. М. Поликарповича по р. Сож: все остальные коллекции из сборов по Днепру, Припяти, Ипути и Птичи были утрачены во время Великой Отечественной войны [2, с. 34].

После войны к проблеме среднеднепровской культуры подошла украинская исследовательница Т. С. Пассек, выступив в 1945 г. с докладом в секторе первобытной археологии «К вопросу о среднеднепровской культуре». Исследовательница, ссылаясь на работы К. М. Поликарповича, высказала идею на основе того небогатого материала, который был известен к тому времени – в начале II тысячелетия до н. э. в Восточной Европе существовала среднеднепровская культура в нескольких разновидностях; отдельно была выделена на территории Верхнего Поднепровья днепро-деснинская группа среднеднепровской культуры [3, с. 48].

Новым этапом изучения среднеднепровской культуры на территории Гомельщины стало создание в 1956 г. Белорусского отряда Славянской экспедиции ИИМК под руководством И. И. Артёменко, а в 1957 г. Гомельского отряда Верхне-Днепровской экспедиции ИИМК под руководством О. Н. Мельниковской. В разные годы там принимали участия А. В. Артёменко, М. З. Агеев, И. М. Тамарина, Т. Н. Гайкинвард, Н. А. Медведева и др. Хотя первые раскопки могильника

среднеднепровской культуры на территории Беларуси были произведены Е. Г. Галановой, ещё в 1954 г. в урочище Стрелица у д. Рудня Шлягинская Гомельского района, Гомельской области, её изыскания так и не были опубликованы [4, с. 74]. За 1956–1957 гг. на территории Верхнего Поднепровья было обследовано 59 памятников эпохи неолита и бронзы. Памятники ранней бронзы встречались в большинстве случаев (42 поселения) [3, с. 37]. На основе этих данных И. И. Артёменко смог выделить ландшафтные особенности памятников раннего этапа бронзы: «поселения расположены на краю надпойменной террасы и в пойме, на возвышенных песчаных останцах, или дюнах» [4, с. 37–38]. Кроме того, на этом этапе И. И. Артёменко выделил морфологические особенности керамической посуды среднеднепровской культуры, поделив её на две группы. К первой относятся круглодонные горшки с орнаментацией в верхней части сосуда. Орнаментация состоит из тонких поперечных линий, оттисков шнура в сочетании с короткими насечками или линейным штампом и образует широкие пояса из треугольников или ёлочных композиций. Вторая группа представляет собой плоскодонные сосуды, орнаментированные по всей поверхности, включая дно или только верхнюю часть. Орнамент состоял из оттисков шнура, линейного штампа в ёлочку или из рядов таких же оттисков, наклонённых в разные стороны. Однако на данном этапе И. И. Артёменко определял причину различия керамики разными культурными влияниями, так первую группу он выделял как днепродеснинский вариант среднеднепровской культуры, которая была связана с рядом культур шнуровой керамики. Сосуды второй группы он относил с раннекатакомбной керамике Нижнего Поднепровья [4, с. 39].

В 1958 г. И. И. Артёменко обследовал 6 поселений бронзового века: были произведены раскопки на поселениях в урочищах Сосонка и Борок Семиновский возле д. Лучин Рогачёвского района Гомельской области [5, с. 63]. Кроме того, поселение возле д. Малые Роги Жлобинского района Гомельской области, на основе анализа керамики было датировано ранней бронзой, что в историко-культурном отношении соответствует среднеднепровской культуре [5, с. 68]. Позже, изучая материал с памятников Завалье (Узвалье), Ивенское, Борок Семиновский Рогачёвского района и Малые Роги Жлобинского района, в частности, кремневые наконечники, И. И. Артёменко приходит к выводу, что треугольные с выемкой в основании наконечники характерны для памятников бронзового века, ромбовидные же наконечники он охарактеризовал как поздненеолитические [5, с. 66]. Из чего исследователь сделал вывод «...находки на поселениях бронзового века поздненеолитических типов наконечников стрел указывают на существование каких-то

контактов между племенами бронзового века и поздненеолитическим населением Верхнего Поднепровья» [5, с. 68]. Кроме этого, он выделяет ещё один вид керамики Верхнего Поднепровья ранней бронзы – как «поселенческую», это сосуды с прямым, отогнутым наружу, горлом, округлённым туловом «...и, по-видимому, плоским дном» [5, с. 69] и относит её к среднеднепровской культуре.

Следующие масштабные работы на памятниках Гомельского Поднепровья проводились в 1959–1962 гг. Белорусским отрядом совместно с Гомельским областным краеведческим музеем. Исследовались памятники возле д. Ходосовичи Рогачёвского района Гомельской области. В ходе полевых работ И. И. Артёменко пришёл к выводу, что древнейшими курганами на территории Беларуси являются курганы эпохи бронзы, насыпанные над погребениями среднеднепровской культуры [4, с. 74]. В результате раскопок курганов у д. Ходосовичи впервые удалось проследить характер погребальных сооружений и погребального обряда у населения среднеднепровской культуры на Верхнем Днепре. На основе остеологического материала, найденного в курганах (крупного и мелкого рогатого скота, лося, кабана и бобра), он приходит к выводу, что это «...первые достоверные сведения о занятиях населения среднеднепровской культуры скотоводством и охотой» [4, с. 78]. На основе новых данных впервые было высказано предположение об отсутствии местной цветной металлургии у населения среднеднепровской культуры. Получив больше данных в 1959–1962 гг., чем в 1956–1957 гг. полевых исследований, И. И. Артёменко изменил своё мнение о преемственности поздненеолитического и раннебронзового населения.

И. И. Артёменко не один раз переосмыслил свои исследования, начиная с 1960-х гг. В конце концов он уточнил территорию распространения памятников среднеднепровской культуры, разработал хронологию и периодизацию, рассмотрел вопросы происхождения этой одной из самых больших культур, которая входила в состав большой культурно-исторической общности шнуrowой керамики Европы.

Обобщение собранного материала, анализ стратиграфического наблюдения и типологии керамики, а кроме этого – изделий из металла, кремня, камня, кости, янтаря – позволил И. И. Артёменко выделить в развитии среднеднепровской культуры три этапа, во время которых изменялась не только территория распространения, но и характер материальной культуры.

Начиная с 1970-х гг. XX в., большой материал по культуре был получен в ходе раскопок памятников каменного века на Посожье, которые проводила А. Г. Калечиц, и на Полесье, в ходе раскопок разновременных памятников каменного и бронзового веков, проводимых В. Ф. Исаенко, Н. Н. Кривальцевичем и др.

Дополнительные материалы среднеднепровской культуры в значительной степени встречаются в 1980-е гг. На всех 18 поселениях каменного века, которые раскапывала А. Г. Калечиц на территории Верхнего Поднепровья, и даже на тех памятниках, которые изучались на основе подъёмного материала, встречается от 5 до 10 % керамики среднеднепровской культуры. При этом следует отметить, что, несмотря на большое количество подобных материалов, принципиально новых, которые бы отличались от уже описанных И. И. Артёменко, нет: те же самые формы посуды, те же изделия из металла. С учётом этого и учётом широкой полемики среди учёных вопрос проблем возникновения и хронологии среднеднепровской культуры остаётся открытым.

К проблемам хронологии среднеднепровской культуры вернулись в начале XXI века. Н. Н. Кривальцевич вступил в заочную полемику с И. И. Артёменко с его трёхчастной хронологией, опираясь на естественно научные методы радиоуглеродного анализа: “...данімі па храналогіі слухнаю падаецца крытыка канцэпцыі І. І. Арцёменкі пра ранні этап СК (*СК – среднеднепровская культура – Авт.*) і генетычную сувязь яе з ямнай культурай. Паводле атрыманых абсалютных дат, меркаванне І. І. Арцёменкі, згодна з якім пачатак СК прыпадае прыблізна на канец IV тыс. да н. э. (калібраванае значэнне даты XXVI ст. да н. э. выглядае малаверагодным. Самыя раннія 14 С-даты для СК атрыманы на матэрыяле пахаванняў Верхняга Падняпроўя, а таксама вярхоўяў Буга, Днястра, Віслы (прыблізна каля 2700–2500 cal. BC). Вынікае, што некаторыя характэрныя для СК асаблівасці сфарміраваліся па крайняй меры ўжо к канцу першай паловы III тыс. да н. э. Нагадаю, што ЯК (*примечание, ЯК – ямная культура*) на тэрыторыі Сярэдняга Падняпроўя існавала ў другой палове III тыс. да н. э. (калібраваная храналогія). У такім разе заслугоўвае ўвагі ідэя сінхроннага існавання ЯК і СК на адпаведным этапе другой паловы III тыс. да н. э.” [6, с. 100].

Н. Н. Кривальцевич также указал на относительную схожесть керамики, с одной стороны поселений нижней и средней Припяти, с другой – поселений Поднепровья, после чего предложил выделить припятский вариант среднеднепровской культуры. Он отмечал, что материалы припятского варианта встречаются на территории восточных районов Припятского Полесья, где насчитал 40 памятников раннего периода бронзы [7, с. 9].

После Н. Н. Кривальцевич отметил некоторые особенности локальных отличий восточнополесских памятников бронзы. Исследуя керамику памятника Озерное-1, ему удалось проследить некоторые похожие элементы с синхронными культурными традициями Западного Полесья, Понёманья и в некоторой степени Северной Беларуси. Влияние на припятский вариант среднеднепровской культуры оказывало

население культуры шаровидных амфор. На этом основании, Н. Н. Кривальцевич, делает вывод, что памятники восточных районов Припятского Полесья, которые входили в зону среднеднепровской культуры, формировались в условиях тесных связей с населением Волыни и Западного Полесья. При этом генезис культур происходил на основании местных неолитических традиций. Помимо этого, есть приметы влияния культуры шаровидных амфор. Материальную культуру в Припятском Полесье исследователь описывал так: «керамика, кремневые и каменные изделия раннебронзового периода характеризуют, с одной стороны, культуру пришлых племён шнуровой керамики, с другой – развитие во взаимосвязи с пришельцами местной неолитической культуры. Шнуровая керамика памятников центральной части Припятского Полесья в наибольшей степени сближается с древностями среднеднепровской культуры, имея при этом ряд существенных отличий, что объясняется, вероятно, участием волынских раннебронзовых культур в судьбе центральнополесских памятников» [8, с. 85].

Что касается среднеднепровской культуры, вопрос о ее происхождении пока еще является объектом дискуссии. Поскольку среднеднепровская культура входит в область распространения среднеевропейских «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», которые большинством лингвистов, археологов и антропологов рассматриваются в качестве культур одной из групп древних индоевропейцев – предков славян, балтов и германцев, – вопрос о ее происхождении теснейшим образом связан с общей проблемой происхождения индоевропейских народов.

Таким образом, представляется бесспорным, что на территории Беларуси племена среднеднепровской культуры были пришлыми. Это отнюдь не означает, что новая культура не впитала в себя некоторые элементы местных неолитических культур. Сопоставление с украинскими материалами раннего этапа убедительно показывает хронологическое различие между киевским и днепро-деснинским вариантами. Поэтому видится важным продолжить изучение и выявления новых памятников в Гомельском Поднепровье.

Список использованных источников

1. Артеменко, И. И. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья / И. И. Артёменко // Сб. науч. тр. / КСИА. – М., 1962. – Вып. 88. – С. 64–73.

2. Артеменко, И. И. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья / И. И. Артёменко // Сб. науч. тр. КСИИМК. – М., 1960. – Вып. 78. – С. 34–42.

3. Пассек, Т. С. К вопросу о древнейших населенных Днепро-Днестровского бассейна / Т. С. Пассек // Советская этнография. – 1947. – № 6–7. – С. 14–38.

4. Артёменок, И. И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР / И. И. Артёменко // Памятники каменного и бронзового веков Евразии ; отв. ред. О. Н. Бадер. – М., 1964. – С. 31–87.

5. Артёменко, И. И. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 году / И. И. Артёменко // КСИА. М., 1961. – Вып. 84. – С. 63–68.

6. Крывальцэвіч, М. М. Новыя даныя па храналогіі сярэднеднепроўскай культуры / М. М. Крывальцэвіч // Славянскі мир Полесья в древности и средневековье : материалы Междунар. научн. конф., Гомель, 19–20 октября 2004 г. / редкол. : О. А. Макушников (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2004. – С. 98–102.

7. Крывальцевич, Н. Н. Бронзовый век центральной части Белорусского Полесья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Н. Н. Крывальцевич ; Ин-т археологии АН УССР. – Киев, 1991. – 20 с.

8. Крывальцевич, Н. Н. Новые данные к вопросу культурной принадлежности памятников бронзового века в Припятском Полесье Белоруссии / Н. Н. Крывальцевич // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: тез. докл. 4 Респ. конф. молодых археологов. – Киев, 1987. – С. 84–85.

УДК 903.2"637"(282.247.324)

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НАВЛЯ 2 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

*Гурьянов Валерий Николаевич,
специалист отдела научной политики
Брянского государственного университета
имени академика И. Г. Петровского
Чубур Артур Артурович,
профессор Российской Академии Естествознания,
кандидат исторических наук*

Резюме. Вводятся в оборот новые материалы среднеднепровской культуры (ранний бронзовый век) с многослойного поселения

Навля 2 (Навлинский район Брянской области, Россия), исследованного в 2021 г. и давшего керамику и представительный комплекс кремневых изделий.

После обширных раскопок И.И. Артёменко в 1960 – начале 1970-х гг. полевому изучению эпохи ранней бронзы в среднем течении Десны практически не уделялось внимания. Исключение – раскопки А. С. Смирновым в 1974 г. многослойного поселения и могильника Партизанское (Святое) 4 на той же р. Навля, где, правда, коллекция кремня большей частью представляла механически смешанный материал неолита и эпохи бронзы [1], а также исследования относительно бедного инвентарем слоя ранней бронзы над палеолитической стоянкой Хотылево 2 Ф. М. Заверняевым, К. Н. Гавриловым и одним из авторов в 1969–1974 и 1996 гг. [2]. Именно потому авторам представляется важным ввести в оборот новые материалы, включающие выразительный кремневый комплекс.

В 2021 г. «Брянской Археологической Службой» по заказу ООО «Экспертиза Черноземья» были проведены раскопки многослойного поселения Навля 2 на участке строительства автодороги в Навлинском районе Брянской области. Участок расположен в южной части пос. Навля между р. Навля и ул. Водокачка. Вскрыто 2 538 м² (рисунок 1) [3]. Памятник был открыт в 2019 г. Д. А. Петюшко [4]. Нижний культурный горизонт поселения датируется ранним бронзовым веком и связан со среднеднепровской культурой.

Мелкие фрагменты лепной керамики очень плохой сохранности с мелкозернистым песком в формовочной массе, немногочисленны (262 стенки, 12 донец, 13 венчиков) и относятся к плоскодонным округлобоким горшкам с высокой прямой или слегка отогнутой шейкой, и к плоскодонным мискам со слегка загнутым внутрь краем. Орнамент, как правило, отсутствует, лишь на 3 стенках и 1 венчике горшка есть едва заметные прочерченные линии и оттиски 6-зубого узкого гребенчатого штампа (следствие контактов с неолитическим населением Десны?). Малый объем и очень плохая сохранность керамического материала может объясняться тем, что древний культурный слой сильно переработан природными процессами и новым средневековым поселением XIV–XV вв. Впрочем, возможно и иное, дополнительное объяснение малого числа керамики. По мнению П. М. Кожина, глиняная посуда среднеднепровской культуры имела широко распространенные деревянные аналоги, на базе которых и создавались керамические формы [5, с. 124–125]. Возможно, в Навле именно такая деревянная посуда преобладала.

Доминирует каменный инвентарь, изготовленный из тёмного туронского мелового кремня – как плитчатого, так и желвачного. Наличие нуклеусов и их осколков, серии отбойников и ретушеров, а также технологических сколов (сколов оживления ударных площадок и ребристых пластин), свидетельствует о том, что основной функцией исследованного участка стоянки была мастерская по обработке кремня. При этом добывали кремень либо в оврагах на противоположном берегу Десны, либо выше по течению Навли, где выходят на поверхность коренные породы турон-коньякского яруса меловой системы.

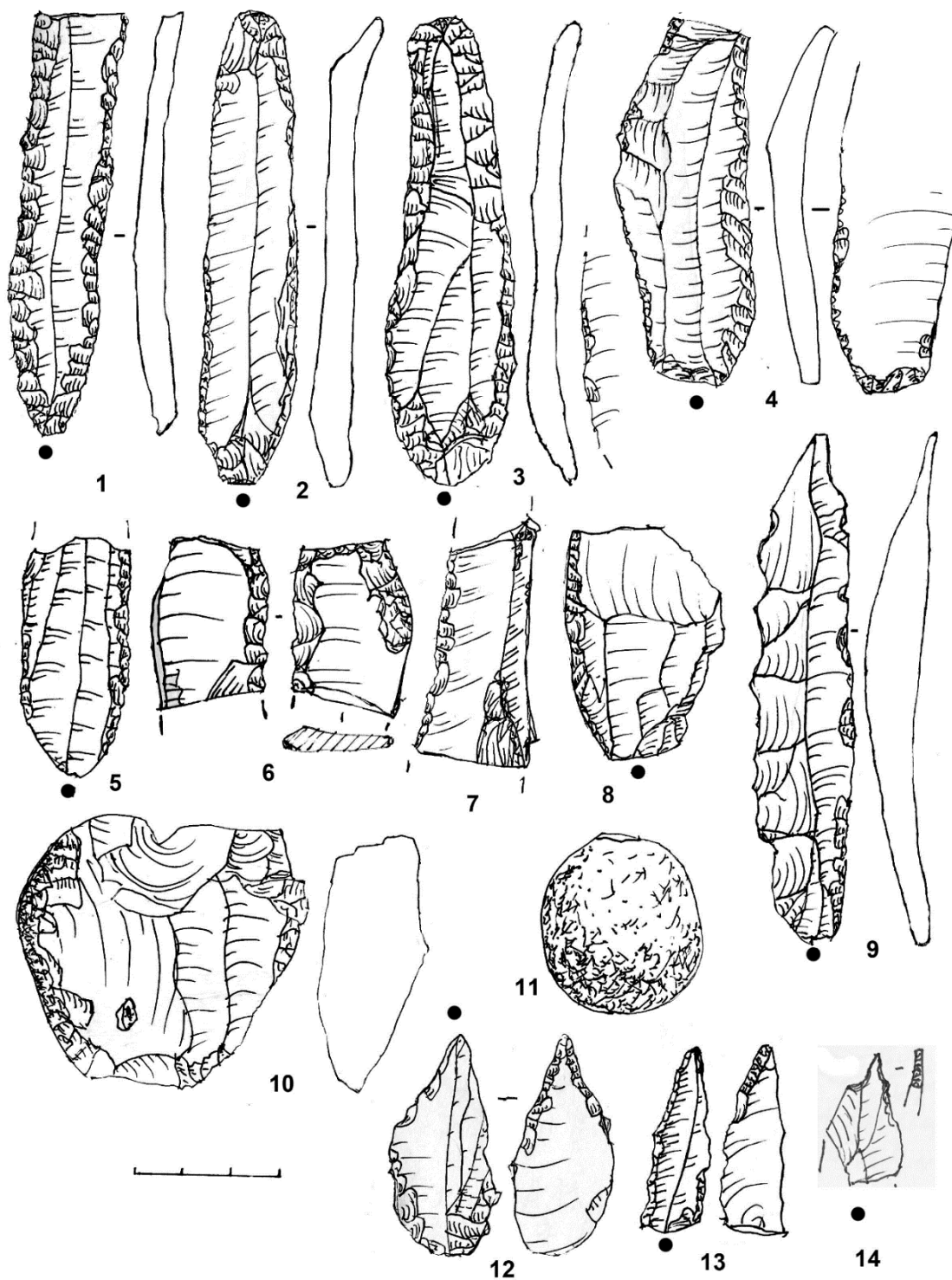
Основной объем коллекции составляют отщепы (их собрано 749), среди которых заметное место занимают краевые сколы с участками меловой корки. Это отходы первичной оббивки сырья в процессе получения пренуклеусов. Выразительных пластин и их фрагментов на порядок меньше (всего 32), но при этом именно пластины использовались в качестве заготовки для орудий намного чаще, чем отщепы. Большая часть отщепов, таким образом, представляет собой отходы кремнеобработки, и лишь немногие служили заготовками. Имеется и 50 невыразительных осколков кремневых желваков и плиток со следами искусственного раскалывания. Для снятия отщепов и пластин применялся твердый отбойник (13 экз.). Как правило, это фрагменты кремня с забитым участком края, один из них имеет достаточно правильную шарообразную форму диаметром 3,5 см (рисунок 2: 11). Нуклеусы (5 экз.) сильно сработанные одноплощадочные пирамидальные. Присутствуют 7 сколов подправки ударных площадок, а также ребристые пластины, которые срезали подготовленное на рабочем фронте нуклеуса продольное ребро.

О том, что на поселении получали не только нуклеусы и заготовки, но и завершённые изделия, свидетельствует обширная коллекция орудий. Ретушь наносилась как ударным, так и отжимным способом кремнёвыми отбойниками-ретушерами с характерной звездчатой забитостью рабочего края (рисунок 2: 10).

Во-первых, это 15 пластин (одна – ребристая) и 8 отщепов с участками регулярной краевой приотстригающей, как правило, мелкофасеточной ретуши (рисунок 2: 7, 8), которые, по сути, являются примитивными ножами (именно эту функцию они и выполняли, судя по предварительному трасологическому исследованию с помощью цифрового микроскопа Bresser National Geographic USB).

Во-вторых, к ним примыкают 6 ножей и их фрагментов, изготовленных на узких пластинах (ширина 1,8–2,5 см), оформленных крупнофасеточной крутой и мелкофасеточной ретушью по всему или по большей части периметра. У одного в основании пластины имеется

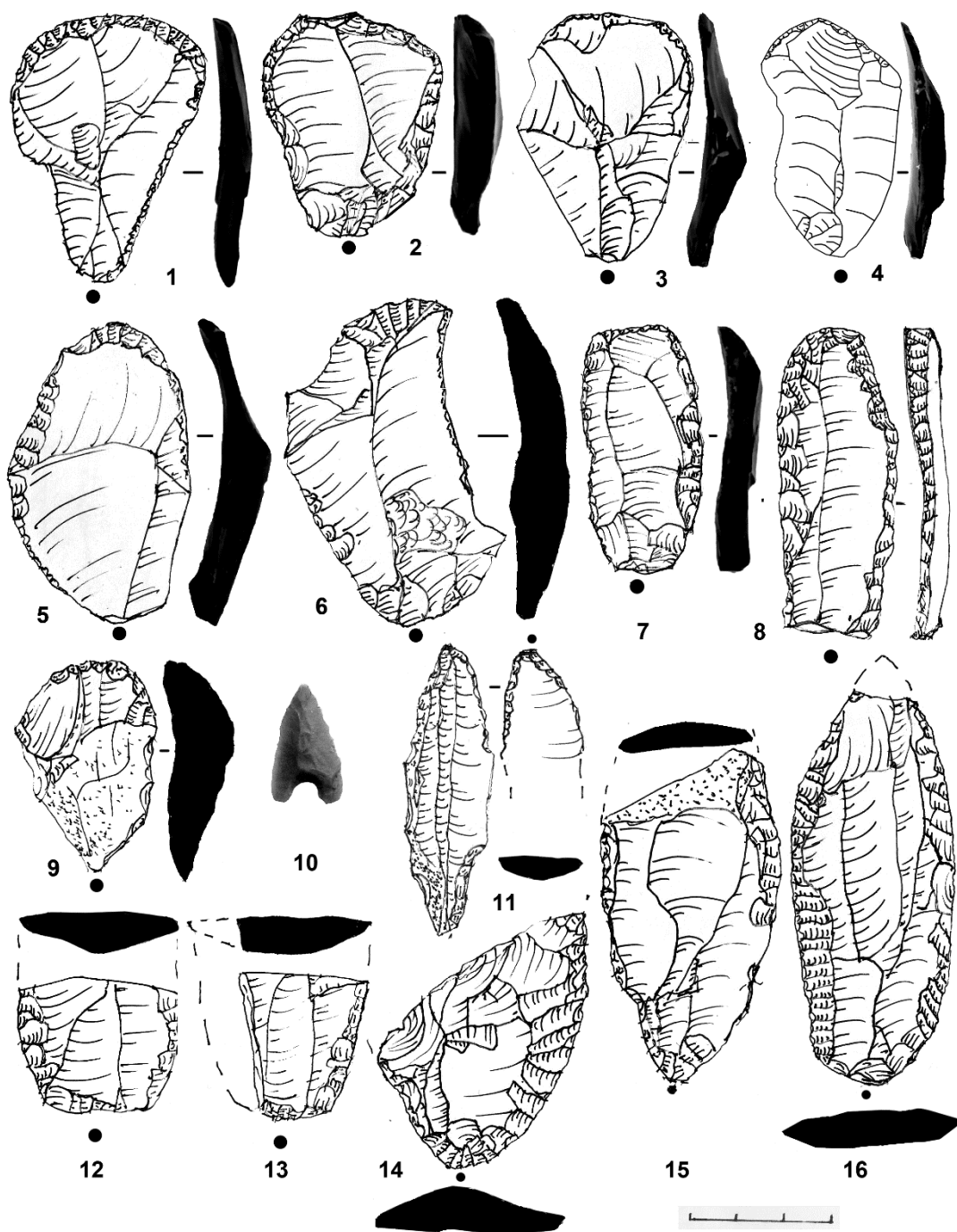
подтеска с брющка, еще один имеет двусторонне ретушированное лезвие (рисунок 2: 1–6). Два из них можно типологически считать концевыми скребками, но функционально это именно ножи. Ножи перечисленных типов типичны для среднеднепровской культуры [6, с. 40–42].

1–9 – ножи; 10–11 – отбойники-ретушеры; 12–14 – перфораторы

Рисунок 2 – Поселение Навля 2. Кремневый инвентарь

Собственно концевых скребков 9 экземпляров, почти все изготовлены на отщепах (рисунок 3: 1–6, 9), иногда с участками краевой ретуши (в том числе 2 двойных, из них 1 сочетает концевой и боковой), лишь 2 – на пластинах (рисунок 2: 7, 8) с тщательно ретушированным крупнофасеточной ретушью одним или обоими краями. Скребки предназначались в первую очередь для обработки шкур и дерева.

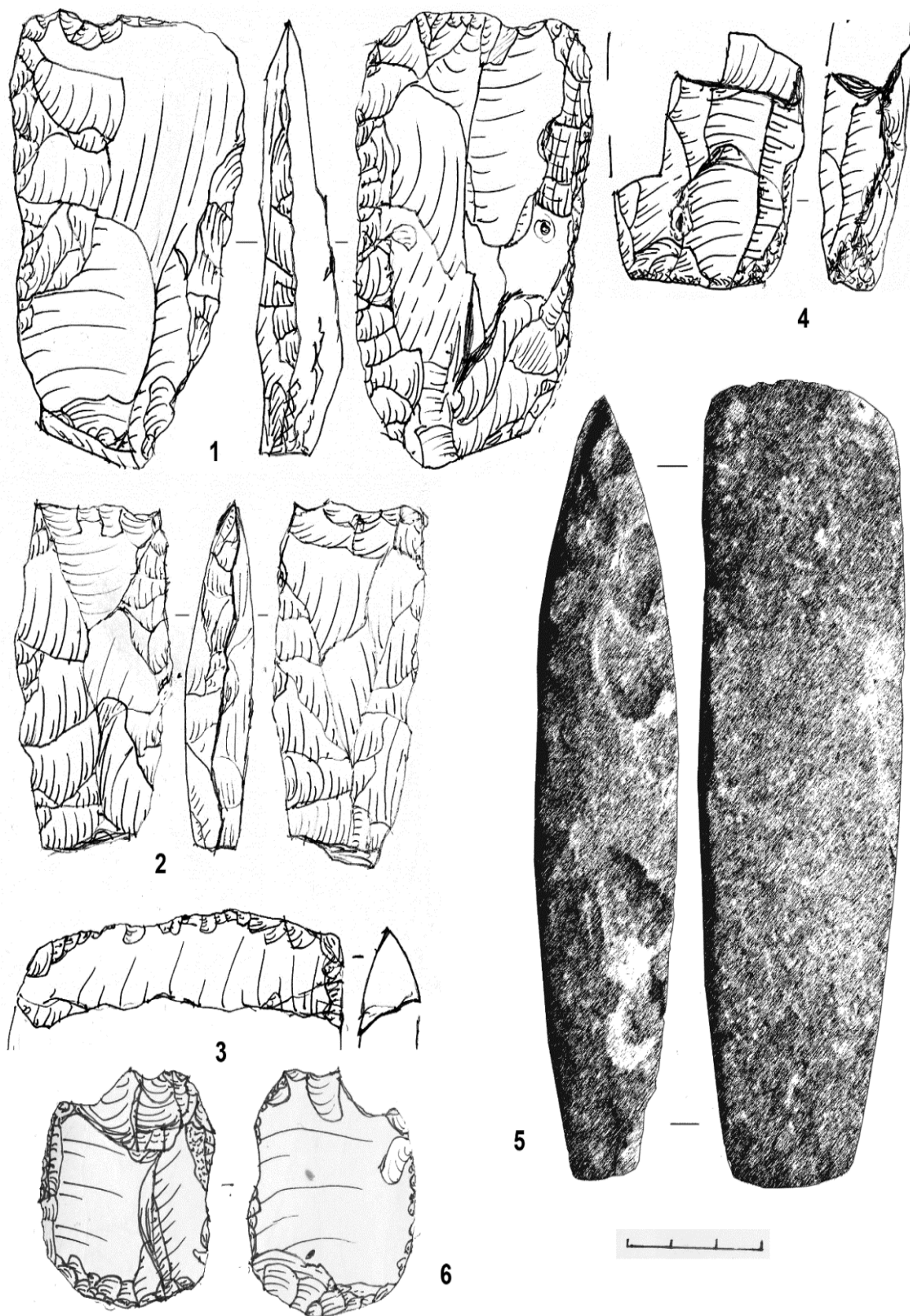
1–9 – скребки; 10–11 – наконечники стрел; 12–16 – наконечники копий

Рисунок 3 – Поселение Навля 2. Кремневый инвентарь

Перфораторы (проколки и провертки) представлены тремя экземплярами. Две провертки-сверла, изготовлены на пластине и пластинчатом отщепе, рабочие части (острия) вытянутой треугольной формы оформлены противоположащей ретушью (рисунок 2: 12, 13). Проколка имеет жальце, выделенное двумя противоположащими выемками (рисунок 2: 14).

Наконечники метательного вооружения представлены 6 экземплярами. Это, во-первых, 4 обломка оснований изготовленных на широких пластинах листовидных наконечников копий (рисунок 3: 12–15), и один почти целый такой наконечник копья с поврежденным острием (рисунок 3: 16). Отсутствуют типичные для среднеднепровской культуры наконечники копий с двусторонней струйчатой ретушью. Возможно, найденные обломки являются фрагментами сломавшихся еще незавершенных изделий. Типичный для среднеднепровских памятников треугольный наконечник стрелы со струйчатой ретушью и вогнутым основанием (рисунок 3: 10) найден в разведочном шурфе [4, с. 45]. Происходящий из раскопа иволистный наконечник стрелы с черешком (рисунок 3: 11) относится к более редкому типу, также неоднократно встреченному на памятниках среднеднепровской культуры [6] (6, рисунок 59:20).

Клиновидные топорики – 3 целых (включая единственный шлифованный), 2 фрагмента (рисунок 4: 1–5) и 1 заготовка. Все топорики, изготовленные ударной и отжимной техникой без применения шлифовки хотя бы рабочей части, имеют линзовидное сечение. Один трапециевидный (ширина обушка составляет 60 % ширины лезвия), второй – прямоугольный (ширина обушка – 80 % ширины лезвия), еще от двух сохранились в одном случае только лезвие, а в другом лишь обушковая часть (получившая вторичную утилизацию в качестве ретушера), судя по сохранившимся участкам краев, они, скорее всего, тоже были прямоугольными. Все относятся к группе широких (ширина лезвия свыше 3 см) толстообушковых. Многочисленные аналоги таких топориков встречены и на поселениях, и в погребениях среднеднепровской культуры в Брянском Подесенье. И. И. Артёменко отмечает, что топорики с поселений отличаются менее тщательной обработкой [6, с. 42]. Именно таковы изделия из Навли 2. Шлифованный топорик (рисунок 4: 5) изготовлен из бурого моренного кремня, крайне редкого в материалах стоянки. Он имеет прямоугольное сечение и относится к прямоугольным узким толстообушковым, что указывает на принадлежность памятника к раннему или началу среднего этапа бытования среднеднепровской культуры [7, с. 298]. К топорикам примыкает долотовидное орудие с подтёской с брюшка (рисунок 4: 6).

1–5 – клиновидные топорики; 6 – долотовидное орудие

Рисунок 4 – Поселение Навля 2. Кремневый инвентарь

Что касается пространственного распределения материала, в первую очередь кремневого, на исследованной площади, то явная зона концентрации находок располагается в центре северной части раскопа, где могла располагаться мастерская по обработке кремня.

Список использованных источников

1. Артеменко, И. И. Партизанське – багатощарова пам'ятка на Брянщині / И. И. Артеменко, О. С. Смирнов // Археологія. – № 23. – Київ : Наукова думка, 1977. – С. 48–60.

2. Чубур, А. А. Верхние слои многослойного поселения Хотылево 2 на Десне / А. А. Чубур, К. Н. Гаврилов, Е. А. Чеплянская // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. – Вып. 2. – Брянск : Брянская областная типография, 2002. – С. 74–84.

3. Андреев, С. И. Раскопки поселения Навля 2 / С. И. Андреев, В. Н. Гурьянов, А. А. Остапенко, Н. Г. Рябчевский, А. А. Чубур // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021 : сб. ст. / отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. – Липецк, Воронеж : Новый взгляд, 2022 – С. 10–13.

4. Петюшко, Д. А. Отчет о проведении охранно-разведочных археологических исследований (археологическая разведка) в Брянской области в зоне строительства автомобильных дорог: «Подъезд к ферме КРС «Воронок» от ул. Советской в с. Брахлов Климовского района»; «Автомобильная дорога с устройством примыкания к существующему съезду с трассы М3 «Украина» на км 405+390 вправо строящейся автомобильной дороги «Украина» – пос. Навля Навлинского района» в Климовском и Навлинском районах Брянской области в 2019 году / Д. А. Петюшко / Архив Института археологии Российской академии наук. – Р-1. – временно б/н. – Брянск, 2022. – 105 с.

5. Кожин, П. М. Древнее производство и археологическая генетическая типология / П. М. Кожин // История и эволюция древних вещей. Сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Щапова. – М. : Изд. МГУ, 1994. – С. 122–128.

6. Артеменко, И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы / Материалы и исследования по археологии СССР. – Т. 148 // И. И. Артеменко. – М. : Наука, 1967. – 140 с.

7. Калечыц, А. Г. Сярэдняпроўская культура / А. Г. Калечыц, М. М. Крывальцэвіч // Археалогія Беларусі. У чатырох тамах. Т.1. Каменны і бронзавыя вякі / Пад рэд. М. В. Біча. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – С. 291–304.

НОВАЯ ЗНАХОДКА МЕТАЛІЧНАЙ УТУЛКАВАЙ ПРАВУШНАЙ СЯКЕРЫ БРОНЗАВАГА ВЕКУ Ё ГОМЕЛЬСКІМ ПАЛЕССІ: АРХЕАМЕТРЫЯ, ТЫПАХРАНАЛОГІЯ І КУЛЬТУРНЫ КАНТЭКСТ

*Крывальцэвіч Мікалай Мікалаевіч,
вядучы навуковы супрацоўнік
аддзела археалогіі першабытнага грамадства
Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
кандыдат гістарычных навук*

***Рэзюме.** Аналізуецца металічная ўтулкавая правушная сякера, якая выпадкова знойдзена ў 2020 годзе на р. Брагінка (левы прыток Прыпяці) паміж вёскамі Пецькаўшчына і Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць). Знойдзеная сякера амаль аналагічная вырабу, які ўваходзіў у склад інвентару пахавання 2 кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі (Рагачоўскі раён, Гомельская вобласць) сярэднедняпроўскай культуры з храналогіяй на канец III тыс. да н.э. І ходасавіцкі выраб, і знаходка з Новай Грэблі тыпалагічна збліжаюцца з сякерамі калантаеўскага тыпу і вытворных ад іх відаў, шырока распаўсюджаных, у першую чаргу, у катакомбных культурах. Мяркуюцца, што ходасавіцкая сякера і выраб з Новай Грэблі, трапілі на Верхняе Падняпроўе да насельніцтва сярэднедняпроўскай культуры з поўдня, паўднёвага ўсходу па “дняпроўскаму шляху” з Сярэдняга Падняпроўя ў канцы III тыс. да н.э. Утулкавыя правушныя сякеры для носьбітаў сярэднедняпроўскай культуры былі, відаць, адной з катэгорый прэстыжных вырабаў.*

Самыя раннія металічныя вырабы на тэрыторыі Беларусі адносяцца з канца III – пачатку II тыс. да н. э. у носьбітаў сярэднедняпроўскай культуры. Менавіта ў Гомельскім Палессі адкрыты курганныя і безкурганныя пахаванні сярэднедняпроўскай культуры, дзе і знойдзены наборы самых старажытных артэфактаў з медзі і бронзы [1, с. 39–52; 2, с. 48–49 і інш.]. Паходжанне, шляхі і час пранікнення, культурнае і сацыяльнае значэнне ранняга металу – праблемы, якія застаюцца актуальнымі для ўсходнепалескай археалогіі бронзавага

веку і патрабуюць далейшай распрацоўкі. У гэтым сэнсе кожная новая знаходка, характэрная для комплексу самых ранніх металічных вырабаў, павінна выклікаць асаблівую цікавасць і быць аб'ектам уважлівага вывучэння.

Да абазначанай катэгорыі артэфактаў адносіцца металічная ўтулкавая правушная сякера³, якая выпадкова знойдзена ў 2020 годзе жыхаром г. Лоеў на р. Брагінка (левы прыток Прыпяці) паміж вёскамі Пецькаўшчына і Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць) (малюнак 1, 2). Сякера захоўваецца ў прыватнай калекцыі знаходчыка. На тэрыторыі Гомельскага Палесся – гэта другая знаходка такога тыпу. Першая аналагічная ўтулкавая правушная сякера выяўлена І. І. Арцёменкам у 1960 годзе. Выраб уваходзіў у пахальны інвентар кургана сярэднядняпроўскай культуры ў Ходасавічах-Мошцы (курган 10, пахаванне 2), што ў Рагачоўскім Падняпроўі [3] (малюнак 4: 17).

Месца выяўлення сякеры каля Новай Грэблі было паказана аўтару знаходчыкам у кастрычніку 2020 г. Пункт лакалізуецца на ўскрайку левабярэжнай тэрасы ракі Брагінка, сярод маладых лесападак сасонніку, прыблізна праз 3,4 км на паўночны захад ад ускраіны вёскі Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць) (малюнак 1). Паводле паведамлення знаходчыка, сякера выкапана на глыбіні каля 20–30 см. На месца выяўлення артэфакта захаваліся прысыпаныя сляды ямы памерамі каля 70 см у дыяметры і глыбінёй каля 45 см. Яма расчышчалася мной на ўсю плошчу і глыбіню яе копкі знаходчыкам. У профілях прасочвалася шэрая падзолістая глеба таўшчынёй каля 25 см, пад якой залягаў белы пясок, парушаны выкопам знаходчыка. Археалагічных артэфактаў у яме не было⁴.

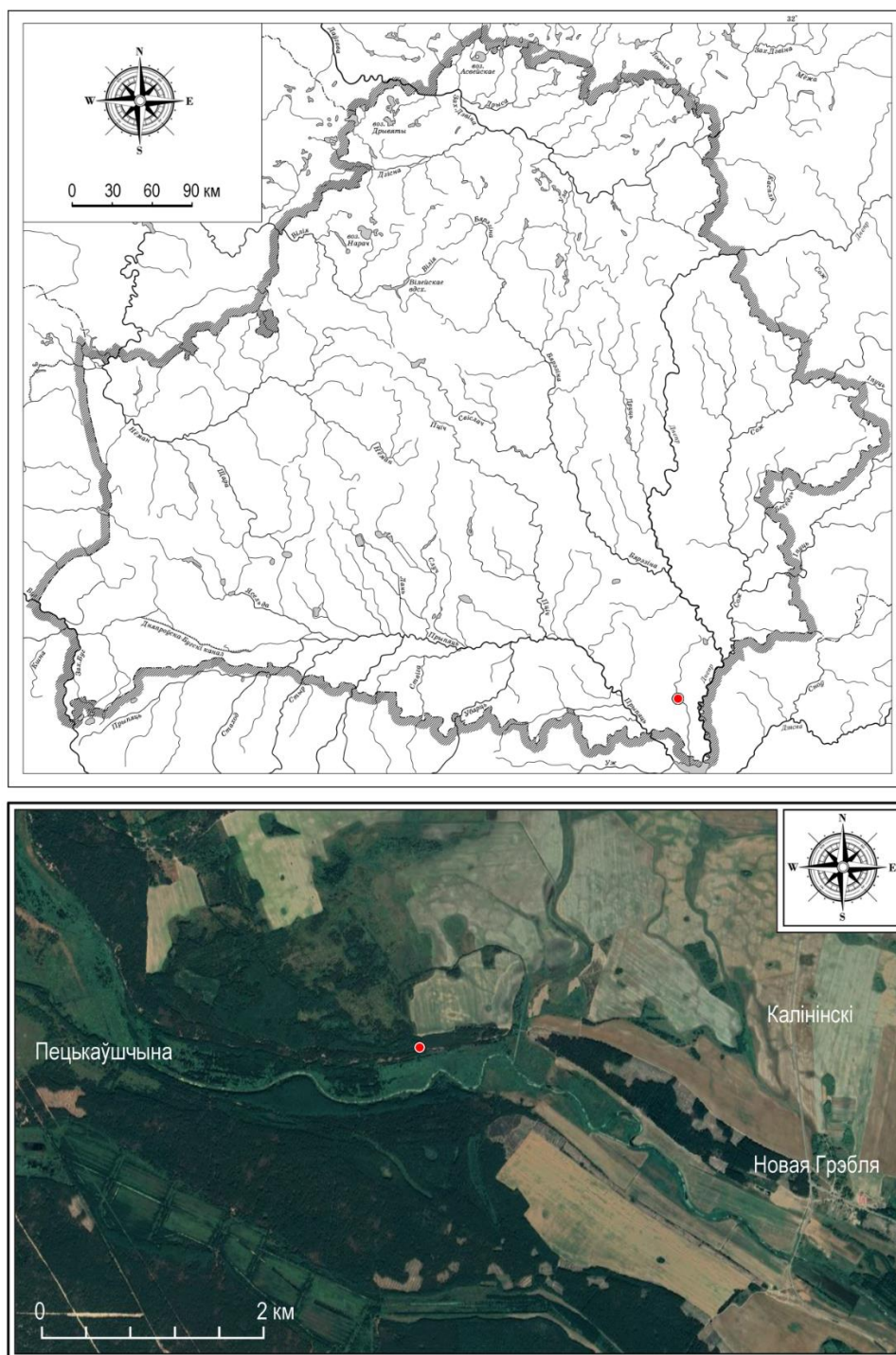
Сякера параўнальна добра захавалася (малюнак 2). Паверхня яе пакрыта рудавай і цёмна-зялёнай пацінай, якая месцамі сцерлася. Сляды сучасных зацёртасцяў і пашкоджанняў – ярка зялёныя. Першапачатковая паверхня вырабу была гладкая. Спінка вырабу⁵ па выступу прыплошчаная, бліжэй да правушыны з невялікімі няроўнасцямі, што можа сведчыць пра выкарыстанне ліцейнай формы для адліўкі і, адпаведна, пра ліццё метала ў літнік на спінцы каля правушыны. Край брушка вылучаецца маларэльефнай прывостранасцю.

³ Аналагічныя сякеры часам называлі “віслаабушнымі” (гл., напрыклад: [4; 5 і інш.]). У сучаснай літаратуры, якая прысвячаецца археалогіі стэпавых культур бронзавага веку, найчасцей ужываецца тэрмін “утулкавыя правушныя” сякеры (гл., напрыклад: [6, с. 67–72]).

⁴ Запланаваную шурфоўку на месцы выяўлення сякеры правесці не ўдалося па прычыне абмежаванага доступу ў памежную зону.

⁵ Для абазначэння марфалагічных частак сякеры выкарыстоўваліся тэрміналагічныя распрацоўкі С.М. Каранеўскага (гл., напрыклад: [7, с. 16–31]).

Клін сякеры выгнуты, з параўнальна малым пашырэннем ляза і слаба вылучанай лопасцю. Утулка мала вылучаецца над брушкам. Спінка кліна крыху паднімаецца над утулкай. Тыпавызначальныя метрычныя параметры сякеры абазначаны на схематычным малюнку (малюнак 3).

Малюнак 1 – Лакалізацыя месца выяўлення металічнай утулкавай правушнай сякеры бронзавага веку на р. Брагінка каля в. Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць) (з выкарыстанне карты рэк і карты онлайн сэрвіса Google Maps)

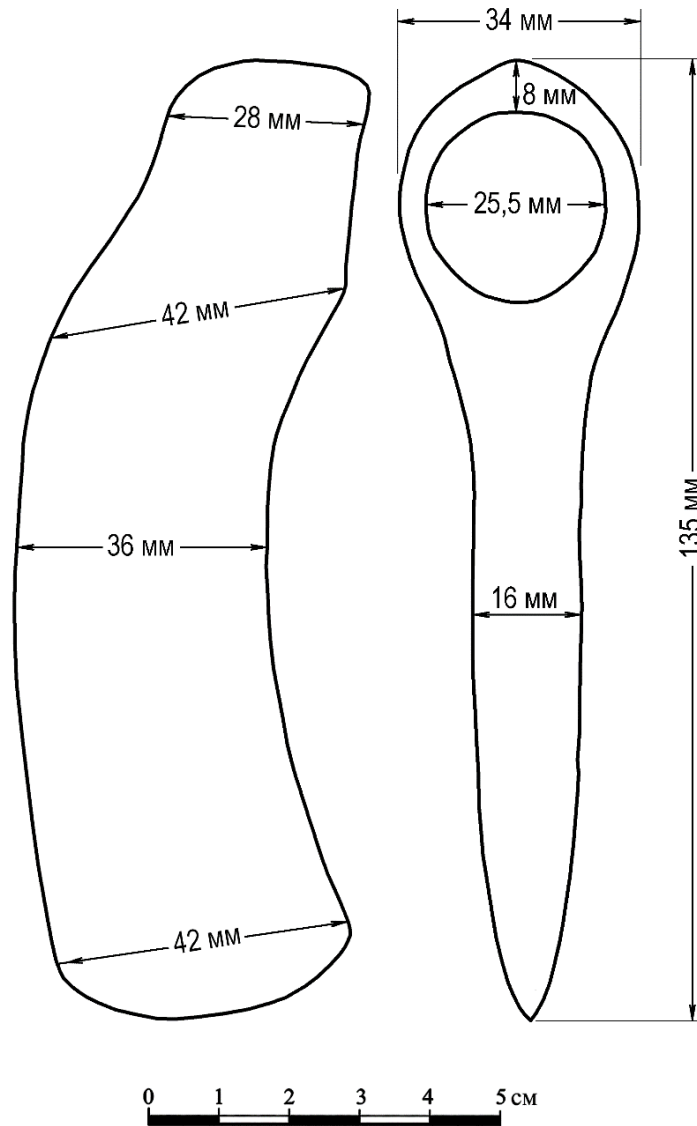

Малюнак 2 – Графічны малюнак і фотаздымак металічнай віслаабушняй сякеры бронзавага веку. Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць)

Паводле асноўных марфалагічных і метрычных паказнікаў, артэфакт з Новай Грэблі амаль ідэнтычны, за выключэннем некаторых дэталяў, сякеры з пахавання 2 (малюнак 4) кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі сярэднедняпроўскай культуры ў Рагачоўскім Падняпроўі (малюнак 4: 17). Супадаюць параметры агульнай даўжыні, дыяметра правушыны, памераў утулкі і інш. У вырабаў амаль аднолькавая форма папярочнага профіля кліна з прывастрэннем брушка і з прыплюшчваннем спінкі, што, відаць, сведчыць пра аналагічную тэхналогію адліўкі абедзвюх сякер. Аднак ходасавіцкая прылада адрозніваецца большай шырынёй ляза – каля 60 мм у параўнанні з 42 мм у сякеры з Новай Грэблі (малюнак 3).

У свой час І. І. Арцёменка – аўтар раскопак у Ходасавічах-Мошцы – разглядаў ходасавіцкую знаходку, услед за некаторымі іншымі даследчыкамі, у якасці сякеры каўказскага тыпу і датаваў першай паловай II тыс. да н.э., спасылаючыся на аналагічныя вырабы з Каўказа, Украіны, Ірана [3, с. 82–84; 4, с. 30]. У святле пазнейшых спецыяльных даследаванняў была распрацавана разгалінаваная

класіфікацыя і тыпахраналогія, прапаноўваліся варыянты культурнай ідэнтыфікацыі, тэхналогіі вытворчасці, функцыянальнага выкарыстання ўсходнееўрапейскіх утулкавых правушных сякер (гл., напрыклад: [7; 8; 9, с. 5–14; 10; 11, с. 296–297; 6, с. 67–72]).

Малюнак 3 – Метрычныя параметры металічнай віслаабушнай сякеры бронзавага веку. Новая Грэбля (Брагінскі раён, Гомельская вобласць)

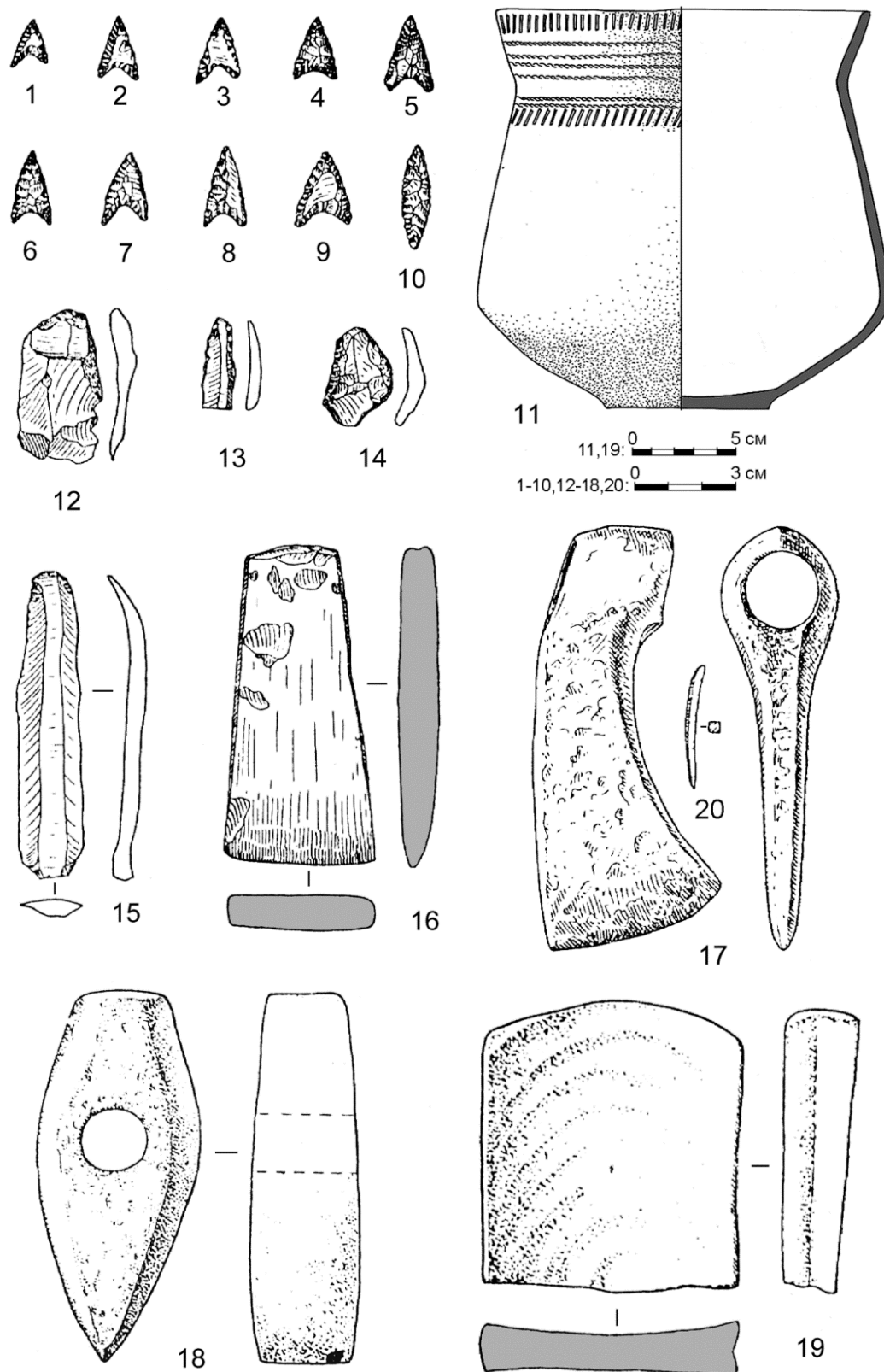
Знаходка з кургана сярэдняпроўскай культуры ў Ходасавічах-Мошцы (малюнак 4: 17) адпавядае асноўным характарыстыкам металічных сякер калантаеўкага тыпу – аднаго з найбольш распаўсюджаных металічных вырабаў у насельніцтва класічнага і позняга перыядаў катакомбнага культурнага кола, а таксама ў посткатакомбны час і ў некаторых сумежных культурах сярэдзіны III – пачатку II тыс. да н. э. (параўн.: [7, с. 19–23; 10, с. 74–75; 11, с. 296–297; 12]).

Аналізуючы ўтулкавыя правушныя сякеры Паўночнага Прычарнамор'я, Сярэдняга і Ніжняга Паволжа, С. М. Каранеўскі вылучыў групу 2 (“калантаеўскі тып”) і сярод шматлікіх прыкладаў тыпу адзначаў і ходасавіцкую знаходку [7 рисунок 7: 9]. У сякер калантаеўскага тыпу параўнальна кароткая вылучаная ўтулка, кароткі клін з слаба абазначаным выгінам і малым пашырэннем да ляза, з падвостраным брушкам [7, с. 19–23]. Сякеры адліваліся ў закрытых формах з літнікам у спінцы [6, с. 67–72; 11, с. 296–297].

Выраб, які знойдзены каля Новай Грэблі (малюнак 2, 3) і які амаль аналагічны ходасавіцкай прыладзе, таксама ў найбольшай ступені збліжаецца з сякерамі калантаеўскага тыпу і ў першую чаргу з тымі варыянтамі і тыпалагічнымі адгалінаваннямі (варыянт “Луганск”, тып “Валынцава” і інш.), якія ўзнікалі ў рэгіянальных аклавах Сярэдняга, Ніжняга Падняпроўя, Дняпроўскага Левабярэжжа на позніх этапах тыпалагічнай эвалюцыі (параўн.: [10, с. 74–75, 88–89; 11, с. 293, 296–297, 307, илл. 9, 10]). Многія археолагі пагаджаюцца з тым, што сякеры калантаеўскага тыпу вельмі часта сустракаліся ў комплексах позняга перыяду катакомбных культур [13; 10, с. 74–75; 6, с. 67–72; 14, s. 54]. У сувязі з гэтым, паводле тыпалагічнага параўнання, найбольш верагодны час пранікнення на Верхняе Падняпроўе сякер, знойдзеных у Ходасавічах-Мошцы і каля Новай Грэблі, – канец III тыс. да н.э. (параўн., таксама: [10, рис. 72; 14, s. 54; 11, с. 307]). Неабходна таксама мець на ўвазе, што на познім этапе адзначаецца распаўсюджанне “катакомбнікаў” на Дняпроўскае Правабярэжжа. Відаць у гэты час сякеры калантаеўскага тыпу пранікаюць таксама да насельніцтва фацьянаўскай культуры [14, s. 54].

Пахавальны комплекс кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі складаўся з чатырох пахаванняў (1–4), кругавога раўка, слупавога пахавальнага збудавання (“дома памерлых”). Курган 10 датуецца этапам А6 (2300/2200–1900/1800 гг. да н. э.), прапанаваанай мной перыядызацыі пахаванняў сярэднедняпроўскай культуры на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя (гл., напрыклад: [15; 16]. Пахаванне 2 (малюнак 4), дзе была знойдзена медная ўтулкавая правушная сякера (малюнак 4: 17), як і пахаванні 3, 4, разглядаюцца мной у групе ранніх комплексаў кургана 10 і датуюцца часам бліжэй да пачатку этапу А6.

Такім чынам, на падставе тыпалагічнага параўнання, а таксама з улікам храналогіі пахавання 2 кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі, утулкавыя правушныя сякеры – ходасавіцкая і з Новай Грэблі – маглі, найбольш верагодна, трапіць на Верхняе Падняпроўе да насельніцтва сярэднедняпроўскай культуры ў канцы III тыс. да н. э.

1–10, 12–16 – крэмень; 11 – кераміка; 17, 20 – медзь; 18, 19 – камень

Малюнак 4 – Пахавальны інвентар пахавання 2, кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі (Рагачоўскі раён, Гомельская вобласць) сярэднябронзавой культуры. Паводле І. І. Арцёменкі [3; 4] і ўдакладненняў М. М. Крывальцэвіча

Адліўка ў закрытых формах з літнікам у спінцы – адна з найбольш распаўсюджаных тэхналогій вытворчасці сякер калантаеўскага тыпу [6, с. 67–72; 11, с. 296–297]. Азнакі згаданай тэхналогіі, як ужо адначалася вышэй, праглядаюцца і ў сякеры з Новай Грэблі. Неабходна таксама дадаць, што на некаторых участках паверхні вырабу заўважаюцца тонкія валакністыя сляды, што можа сведчыць пра выкарыстанне глінянай ліцейнай формы з арганічнымі дамешкамі (параўн.: [10, с. 88]). Пакуль не рабіўся аналіз хімічнага складу металу ў прылады з Новай Грэблі. Для вырабу аналагічнай ходасавіцкай сякеры ў якасці сыравіны выкарыстоўвалася т. зв. мыш’яковістая медзь з колькасцю медзі 99,2 % [3, с. 85; 4, с. 38, 39, таблица 2].

Утулкавыя правушныя сякеры рознага тыпу і канструкцый – шырока распаўсюджаная катэгорыя металічных вырабаў ва ўсіх асноўных цэнтрах Цыркумпантыйскай металургічнай правінцыі, у якую ўваходзілі такія рэгіёны, як Анатолія, Паўночныя Балканы, Эгея і Паўднёвыя Балканы, Левант, Месапатамія, Сузіана, Паўднёвы Каўказ, стэпавыя і лесастэпавыя прасторы Усходняй Еўропы ад Паўднёвага Урала да нізоўяў Дуная, а таксама ад басейна Верхняй Волгі да Паўночнага Каўказа [9, с. 5–14]. Утулкавыя правушныя сякеры – характэрны складнік набору асноўных металічных вырабаў катакомбных культур (гл., напрыклад: [7, с. 19–23; 11, с. 296–297]). Сякеры калантаеўскага тыпу найбольш часта знаходзілі на Ніжнім і Сярэднім Падняпроўі, у вярхоўях Дона і Данца. Паасобныя знаходкі, акрамя Верхняга Падняпроўя, вядомы ў Волга-Окскім міжрэччы, Прыбалтыцы і Падунаўі. Але іх, паводле С. М. Каранеўскага, няма, за выключэннем бадай толькі адной знаходкі, на Каўказе [7, с. 19–23].

Вытворчасць сякер калантаеўскага тыпу здзяйснялася, галоўным чынам, у Ніжнім і Сярэднім Падняпроўі, у вярхоўях Данца і Дона. Праўда, паводле меркавання іншых аўтараў, геаграфія вытворчасці і распаўсюджвання сякера калантаеўскага тыпу, мяркуючы па новых знаходках, магла быць крыху шырэй (гл., напрыклад: [6, с. 67–72; 14, с. 13–52]). Для іх вытворчасці патэнцыйна, і што, мусіць, найбольш верагодна, магла выкарыстоўвацца не толькі (і, мабыць, не столькі) сыравіна каўказскага паходжання, але і медзістыя пячанікі Данецкага басейна (напрыклад Картамышскага мікрарэгіёна ў Луганскай вобласці) (гл., напрыклад: [11, с. 296–297]). Ліцейшчыкі катакомбных культур, у першую чаргу данецкай катакомбнай культуры, пераняўшы навыкі металаапрацоўкі і саму канструкцыю сякеры ад каўказскіх майстроў, наладзілі мясцовую іх вытворчасць. Формы для адліўкі сякер калантаеўскага тыпу былі знойдзены на некаторых катакомбных помніках Паўночнага Прычарнамор’я [7, с. 19–23, 28–30;

8, с. 20–41; 6, с. 67–72, 96]. Дапускаецца, што сярод катакомбнага насельніцтва ўзнікла шмат цэнтраў, у тым ліку спецыялізаваных, па вытворчасці такіх сякер і з выкарыстаннем мясцовых радовішчаў медзі [6, с. 67–72, 96; 10].

З прыведзеных вышэй звестак вынікае, што металічныя ўтулкавыя правушныя сякеры, знойдзеныя ў Ходасавічах-Мошцы і каля Новай Грэблі, напэўна, трапілі на Верхняе Падняпроўе з поўдня, паўднёвага ўсходу ад насельніцтва катакомбных культур (гл. таксама: [10, с. 88; 17; 4, с. 39]). У сувязі з рэканструкцыяй найбольш верагодных шляхоў пранікнення згаданых сякер на Верхняе Падняпроўе, дадам, што носьбітамі сярэднядняпроўскай культуры, на думку В. І. Ключкі, маглі выкарыстоўвацца чатыры сякеры калантаеўскага тыпу, выпадкова знаходзеныя ў рэгіёне Сярэдняга Падняпроўя [10, с. 88]. Гэтая акалічнасць можа служыць адным з аргументаў пра паступленне ходасавіцкай сякеры і знаходкі з Новай Грэблі па “дняпроўскаму шляху” [17; 18].

Дадам, што ў выніку археалагічнага абследавання, якое праводзілася аўтарам у 2007 г. па леваму берагу Брагінкі, у паўночна-заходнім накірунку ад в. Новая Грэбля, знойдзена некалькі месцазнаходжанняў з матэрыяламі ў тым ліку і кола культуры шнуравой керамікі [19, с. 21–24], што сведчыць пра заселенасць тэрыторыі ў “шнуравы” перыяд.

Культурны кантэкст утулкавых правушных сякер Гомельскага Палесся варта пашырыць некаторымі матэрыяламі раскопак І. І. Арцёменкі з пахавання 2 кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі. У прыватнасці, даследчык паведамляў пра рэшткі скуранага футарала на сякеры і часткі драўлянага дзяржальна ў правушыне [3, с. 40, рисунок 5: 19].

Многія тыпы ўтулкавых правушных сякер ужываліся ў якасці зброі блізкага бою, некаторыя для працы (гл., напрыклад: [8, с. 37]). Стэпавае насельніцтва катакомбнага перыяду эпохі бронзы, паводле тактыка-тэхнічных паказнікаў і прызначэння, выкарыстоўвала зброю трох класаў: 1) дальняга бою (лук, прашча); 2) сярэдняга радыуса дзеяння, альбо сярэдняга бою (кап’ё, дроцік); 3) рукапашнай схваткі, альбо блізкага бою (булава, кінжал, меч, сякера). Баявыя правушныя сякеры з’явіліся на Паўночным Каўказе ў насельніцтва майкопскай культуры адначасова з кінжаламі і коп’ямі. Форма ляза баявых сякер вельмі часта вызначалася якасцю засцярагальнай зброі суперніка. Рэжучае лязо сякеры, якое рабілася без моцнага скосу, было зручным, мяркуючы па крыніцах з гісторыі старажытных цывілізацый, для барацьбы з ваяром, які не засцерагаўся спецыяльным даспехам [8, с. 20]. Метал, які пачынае пранікаць і распаўсюджвацца сярод

насельніцтва сярэдняпроўскай культуры ў канцы III – пачатку II тыс. да н. э., запатрабоўваецца, акрамя ўсяго іншага, і ў якасці прэстыжных вырабаў. Асноўныя віды металічных артэфактаў у пахаваннях сярэдняпроўскай культуры – упрыгажэнні і зброя. Як правіла, медныя і бронзавыя рэчы ўваходзілі ў комплексы ўмоўна “багатых” мужчынскіх пахаванняў, што сведчыць пра абазначэнне асаблівай сацыяльнай ролі пэўнай катэгорыі прадстаўнікоў мужчынскага полу. Да групы ўмоўна “багатых” комплексаў адносіцца і пахаванне 2 кургана 10 Ходасавічаў-Мошка (малюнак 4), дзе была знойдзена ўтулкавая правушная сякера (малюнак 4: 17) [17; 16; 2, с. 48–49; 18; 20].

Такім чынам, падсумоўваючы прапанаваны вышэй разгляд новай знаходкі металічнай ўтулкавай правушняй сякеры з Новай Грэблі, неабходна адзначыць наступнае. Звяртаючы ў першую чаргу ўвагу на верхнедняпроўскі рэгіён, знойдзеная сякера амаль аналагічная вырабу, які ўваходзіў у склад інвентару пахавання 2 кургана 10 Ходасавічаў-Мошкі сярэдняпроўскай культуры з храналогіяй на канец III тыс. да н.э. І ходасавіцкі выраб, і сякера з Новай Грэблі тыпалагічна збліжаюцца з сякерамі калантаеўскага тыпу і вытворных ад іх відаў, шырока рапаўсюджаных, у першую чаргу, у насельніцтва катакомбных культур. Мяркуецца, што ходасавіцкая сякера і выраб, знойдзены каля Новай Грэблі, пранікалі на Верхняе Падняпроўе з поўдня, паўднёвага ўсходу па “дняпроўскаму шляху” з Сярэдняга Падняпроўя ў канцы III тыс. да н.э. Утулкавыя правушныя сякеры для носьбітаў сярэдняпроўскай культуры былі, відаць, адной з катэгорый прэстыжных вырабаў і трапілі ў параўнальна “багатыя” мужчынскія пахавальныя комплексы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Крывальцэвіч, М. М. Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 39–52.

2. Крывальцевич, Н. Н. Особенности культурного развития сообществ южной Беларуси в III – II тыс. до н. э. / Н. Н. Крывальцевич // Основные итоги археологических исследований на территории Беларуси в 2006–2010 годах: сб. ст. / Институт истории НАН Беларуси. – Минск, 2011. – С. 43–53.

3. Артеменко, И. И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР / И. И. Артеменко // Памятники каменного и бронзового веков Евразии / ред. О. Н. Бадер. – М., 1964. – С. 31–87.

4. Артеменко, И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы / И. И. Артеменко. – М. : Наука, 1967. – 138 с.
5. Крайнов, Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.) / Д. А. Крайнов. – М. : Наука, 1972. – 274 с.
6. Братченко, С. Н. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини (III тис. до н. е.) / С. Н. Братченко, С. М. Санжаров. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2001. – 108 с.
7. Кореневский, С. Н. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы / С. Н. Кореневский // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 16–31.
8. Кореневский, С. Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа / С. Н. Кореневский // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье : История и культура : сб. статей / АН СССР, Ин-т востоковедения; под ред. Б. А. Литвинского. – М., 1981. – С. 20–41.
9. Черных, Е. Н. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых // Российская археология. – 2002. – № 1. – С. 5–23.
10. Ключко, В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.) / В. І. Ключко. – Київ : АртЕк, 2006. – 336 с.
11. Ключко, В. І. Древний металл Украины / В. І. Ключко, А. В. Козыменко. – Киев : САМ, 2017. – 368 с.
12. Klochko, V. I. Weapons of the tribes the Northern Pontic zone in the 16th – 10th centuries B.C. / V.I. Klochko. – Poznań, 1993. – 138 p. – (Baltic–Pontic Studies; vol. 4).
13. Смирнов, А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А. М. Смирнов. – М., 1996. – 181 с.
14. Batora, J. Štúdie ku komunikácii medzi Strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej / J. Batora. – Bratislava: Petrus Publishers, 2006. – 316 s.
15. Крывальцэвіч, М. М. Могільнік сярэдзіны III–II тыс. да н. э. на Верхнім Дняпры – Прорва-1 / М. М. Крывальцэвіч. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 202 с.
16. Крывальцэвіч, М. Пахаванні сярэдзіны III – пачатку II тысячагоддзяў да н.э. на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя: некаторыя вынікі структурных даследаванняў / М. Крывальцэвіч // Kurhany i obrządek pogrzebowy w IV-II tysiącleciu p.n.e.: zbiór artykułów / Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Instytut Archeologii i

Etnologii Polskiej Akademii Nauk; red. H. Kowalewska-Marszałek, P. Włodarczak. – Kraków: Wydawnictwo-Drukarnia Ekodruk s. c., 2011. – S. 293–308.

17. Kryvaltsevich, M. The territory of Belarus in the system of communication routes of 3000 – early 2000 BC / M. Kryvaltsevich // Baltic-Pontic Studies. – 2009. – Vol. 14 : Routes between the Seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC. – P. 439–461.

18. Кривальцевич, Н. Территория Беларуси в системе коммуникационных путей: III – начала II тысячелетий до н. э. / Н. Кривальцевич // Archaeologia Bimaris: dyskusje. – 2011. – Т. 4: Między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza IV – I tys. przed Chr. – S. 421–440.

19. Крывальцэвіч, М. М. Справаздача аб выкананні археалагічных даследаванняў пры будаўніцтве аб'екта 63-06 “Газіфікацыя і перавод жылога фонда на прыродны газ г. п. Камарын” / М. М. Крывальцэвіч // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Спр. 2436. – 141 с.

20. Крывальцэвіч, М. М. Бурштынавыя аздабленні канца III – пачатку II тыс. да н.э. на Верхнім Падняпроўі: культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя, тыпалогія, шляхі паступлення, сацыяльны і сакральна-сімвалічны кантэкст / М. М. Крывальцэвіч // Гомельский дворцово-парковый ансамбль: от усадьбы до музейного комплекса : сб. материалов Междунар. научн.-практ. конф. – Гомель : Барк, 2019. – С. 113–129.

УДК 903.25(476.2)«638»

БРАНЗАЛЕТЫ ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ З ГАРАДЗІШЧА КІСЦЯНІ

*Атрохаў Дзяніс Анатольевіч,
малодшы навуковы супрацоўнік
аддзела археалогіі першабытнага грамадства
Інстытута гісторыі НАН Беларусі*

Рэзюме. У артыкуле разглядаюцца два бранзалеты з гарадзішча Кісцяні Рагачоўскага раёна, якія былі выяўлены падчас экспедыцыі БДУ пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага ў 1975–1976, 1983 гг. У свой час дадзеныя бранзалеты не былі ўведзены ў навуковы зварот і не сталі вядомы вялікаму колу навукоўцаў. Таму ёсць зараз неабходнасць падаць пра іх інфармацыю.

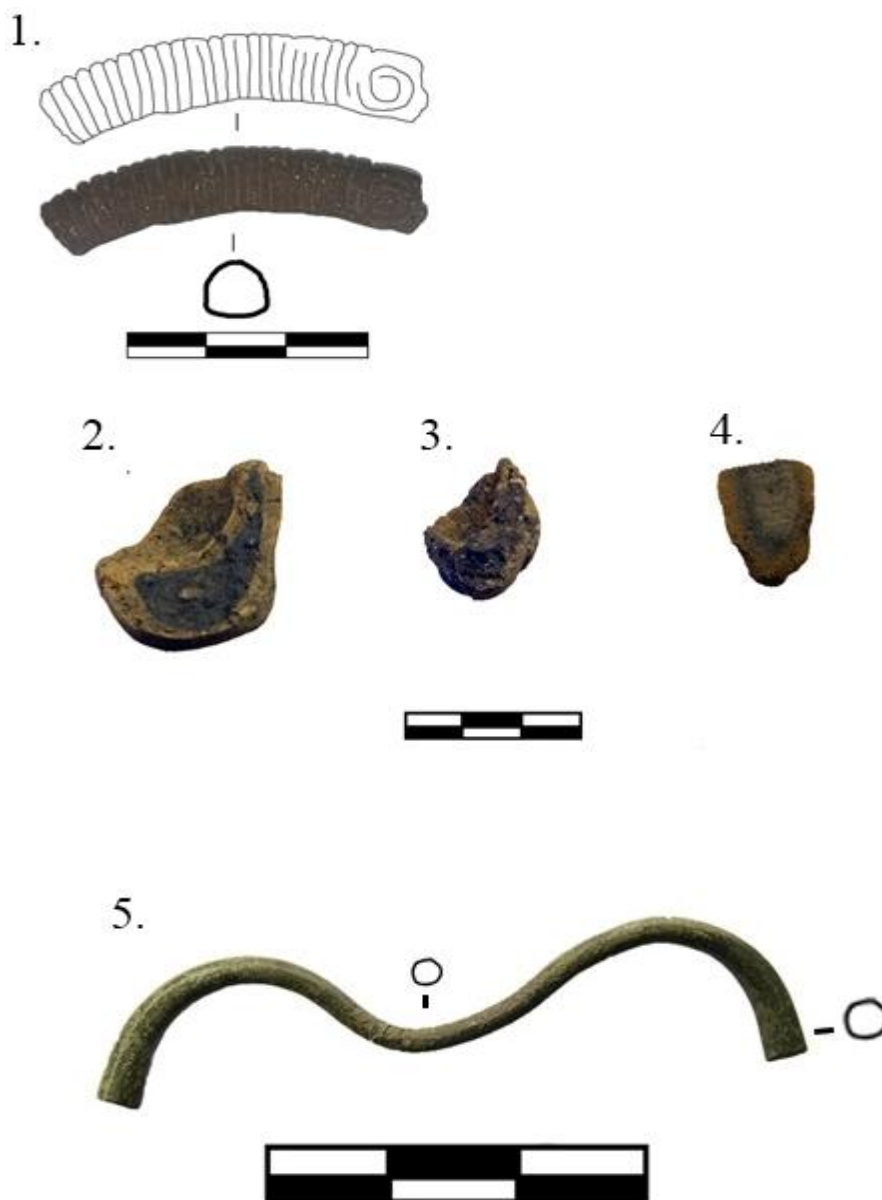
У дадзенай працы будуць разгледжаны бранзалеты з гарадзішча какое месціцца каля в. Кісцяні. Помнік здаўна прываблівае да сябе цікавасць археолагаў. Першыя звесткі аб працах на помніку адносяцца да 1873 г. У 1892 г. гарадзішча абследавалі С. Ю. Чалоўскі і М. В. Фурсаў, у 1930 А. М. Ляўданскі, у 1950-я гг. Ю. У. Кухарэнка і В. М. Мельнікоўская [1]. Невялікія раскопкі з мэтай пошуку грунтовага могільніка і даследавання гарадзішча ў 1967 г. праводзіў Л. Д. Побаль. Пасля гэтых прац, на падставе аналізу матэрыялаў былі вылучаны два культурна-храналагічныя гарызонты, якія сёння ата-ясмяляюцца са старажытнасцямі мілаградскай і зарубінецкай культур [2, с. 139–140, 151–155; 3, с. 100]. Асабліва грунтоўная і плённая праца на гарадзішчы была праведзена падчас археалагічных экспедыцый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей БДУ) пад навуковым кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага ў 1975–1976, 1983 гг. [4; 5; 6]. Працы па пошуку могільніка даследчыкам не праводзіліся. Падчас экспедыцый на гарадзішчы Кісцяні даследавана 480 м², што складае прыкладна 20 % ад усёй плошчы помніка.

Умацаванае паселішча месціцца на правым высокім беразе Дняпра ў цэнтры аг. Кісцяні і адносіцца да мысавых. Пляцоўка памерам 60×40 м падтрохвугольнай формы арыентавана з паўночнага-усходу на паўднёвы-запад. З паўднёвага і паўночнага боку гарадзішча абмежавана глыбокімі ярамі, якія спускаюцца ў Дняпро. З заходняга боку слаба прасочваюцца сляды заплыўшага рва і разаранага вала. Пляцоўка мае заўважны ўхіл у паўднёва-ўсходні бок, а таксама прысутнічаюць сляды, якія аб ворцы. Згодна з паведамленнямі мясцовых жыхароў тут месціліся гаспадарчыя пабудовы [4, с. 12].

Нягледзячы на грунтоўныя палявыя даследаванні праведзеныя Э. М. Загарульскім, матэрыялы з яго не сталі шырокавядомы навуковай супольнасці. На дадзены момант археалагічныя калекцыі з гарадзішча Кісцяні знаходзяцца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ ў г. Мінску.

Першы разглядаемы намі бранзалет з гарадзішча Кісцяні прадстаўлены толькі фрагментам вырабу (малюнак 1). Прадмет быў выяўлены ў 1975 г. падчас прац землянных прац. Бранзалет прадстаўляе сабою дрот падакругла сплюсчанай формы, таўшчынёй 8–9,5 мм. Звонку ўпрыгожаны рубчыкамі, а таксама эсэпадобнымі завіткамі, якія месцяцца у трох розных праекцыях прадмета. Бранзалета выкананы ў тэхніцы ліцця, з каляровага металу, магчыма сплаву на аснове медзі. Вонкавая паверхня прадмета няроўная, з невялікімі дзірачкамі. Падобная карціна прасочваецца і на зломе. Верагодна гэта сляды другаснага абпалу прадмета з мэтай нейкіх прац. На карысць гэтага указваюць адсутнасць, якіх небудзь іншых механічных пашкоджанняў, якія маглі

прывесці да паломкі прадмета. На нашу думку, бранзалет можа мець мясцовае паходжанне. На карысць гэтага можна прывесці два факты. Па-першае, падчас працы з калекцыяй намі быў знойдзены гліняны выраб, які быў атрыбутаваны як ліцейнай форма. Па захаваўшайся часткі можна сказаць, што ў ёй адліваліся падобныя вырабы. Падобныя прадметы на помніках жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі не новы. Па-другое, у якасці ускоснага доказа мясцовай вытворчасці выступаюць знаходкі кавалакаў тыгляў якія паходзяць з гарадзішча Кісцяні.

1 – рубчатый бранзалет; 2–3 – кавалкі тыгляў;
4 – ліцейная форма з адбіткам рубчыкаў; 5 – бранзалет з патоўшчанымі канцамі

Малюнак 1 – Гарадзішча Кісцяні, аўтар раскопак Э. М. Загарульскі,
1975–1976, 1983 гг.

У літаратуры падобныя бранзалеты адносяцца да “рубчатых”. Па класіфікацыі М. І. Лашанкова дадзены бранзалет адносіцца да арна-ментаваных нажных ці прадплечавых [7, с. 201, с. 203, малюнак 62:10, с. 205, малюнак 63:1]. Аналагічныя бранзалеты знойдзеныя на помніках Палесся (Ліскі) і Пасожжа (Гомель, Барэц) [7, с. 201, с. 203, малюнак 62:10, с. 205, малюнак 63:1]. Асобна праблеме бранзалетаў ранняга жалезнага веку на прасторах Усходняй Еўропы была пры-свечана праца Е. С. Нефёдавай. Даследчыцай быў прапанаваны падзел на некалькі груп [8, с. 21–22]. А. І. Драбушэўскі дапоўніў класіфікацыю Е. С. Нефёдавай. У выніку, ў III групе бранзалетаў “з рубчыкамі і шышачкамі” быў вылучаны IX-ы тып, які аб’ядноўвае бранзалеты з гарадзішчаў Кісцяні, Ліскі, Барэц і Гомель (апошнія два выпадковыя знаходкі) [9, с. 55, 57, малюнак 2: 2, 3, 6].

На думку навукоўцаў рубчатые бранзалеты характэрны для мілаградскай і зарубінецкай культур і датуюцца ў межах IV–III стст. да н. э. [7, с. 201; 10, с. 83]. Паходжанне іх звязваецца з культурамі латэнскага круга [8, с. 32; 10, с. 83; 11, с. 36].

Другі бранзалет з гарадзішча Кісцяні быў знойдзены па-за межамі раскопу, на паўднёвым схіле гарадзішча ў 1975 г. Выраб прадстаўляе сабой кавалак дроту таўшчыннай 6–8 мм з патаўшчэн-нямі на канцах. На вонкавай паверхні слядоў арнаmentaцыі, ці іншых дадатковых элементаў вылучыць не ўдалося. Прадмет, хутчэй за ўсё, выраблены з бронзы.

Бранзалеты з патоўшчанымі канцамі шырока прадстаўлены ў розных храналагічных перыядах. Не менш вузкае іх размеркаванне ў прасторы. Яны сустракаюцца на помніках ад Заходняй Еўропы да Сярэдняй Азіі. Найбольш раннія экзэмпляры сустракаюцца сярод матэрыялаў I–II стст. н. э. Бранзалеты з патоўшчанымі канцамі вядомы ў комплексах X–XI стст. Найбольшае распаўсюджванне на тэрыторыі Усходняй Еўропы падобныя упрыгожванні атрымалі ў V–VII стст. [12, с. 17–18].

Бранзалеты з патоўшчанымі канцамі вядомы ў розных культу-рах Усходняй Еўропы: кіеўскай, пражскай, пенькоўскай, калочынскай і інш. [13, с. 358; 14, с. 242]. Але не гледзячы на іх шырокая распаўсюд-жванне, у літаратуры адсутнічае падрабная тыпалогія, дзякуючы якой можна было б выйсці на дробную храналогію падобных прадметаў [14, с. 242; 15, с. 533].

З тэрыторыі Беларусі ў якасці аналогіі можна прывесці бранза-леты з гарадзішча Нікадзімава. Усяго на помніку было выяўлена 20 бранзалетаў, якія падзяляюцца на два тыпы [14, с. 234]. Да першага тыпу адносяцца бранзалеты з пашыранымі сегментападобнымі

(ці плоска-выпуклымі) і з круглявымі ў сячэнні канцамі [14, с. 234]. Другі тып характарызуецца акруглымі ці блізкімі да акруглых канцамі ў сячэнні [14, с. 240]. Бранзалет з гарадзішча Кісцяні з патоўшчынымі канцамі найбольш суадносіцца з II тыпам бранзалетаў з гарадзішча Нікадзімава. На помніку добра прадстаўлены і не арнаментаваныя вырабы [14, с. 242].

Бранзалеты з патоўшчынымі канцамі на тэрыторыі Беларусі адзначаюцца таксама на помніках: Мерчыцы-2 [16, с. 253], Рэчкі [17], Заранава, Старое Сяло, Мазалава, Лукомль [18, с. 17].

Такім чынам, бранзалеты ў якасці індывідуальных знаходак з'яўляюцца добрым датуючым матэрыялам, што дапамагае ўдакладніць храналагічныя межы існавання помніка, этнакультурныя працэсы і эканамічныя сувязі [9, с. 54]. Адзін з бранзалетаў з гарадзішча Кісцяні прадстаўлены “рубчатым” і мае свае адпаведнікі ў мілаградскай і зарубінецкай культур, датуецца IV–III стст. да н. э. Другі бранзалет адносіцца да бранзалетаў з патоўшчынымі канцамі, датуецца верагодней за ўсё ў межах V–VII стст. н.э. і мае свае адпаведнікі ў шматлікіх культур Усходняй Еўропы. Але, негледзячы на шырокае храналагічнае і геаграфічнае бытаванне, на дадзены момант не распрацаванай застаецца іх тыпалогія і адносная з абсалютнай храналогія. Дадзеная акалічнасць ускладняе культурную інтэрпрэтацыю, і патрабуе звярнуць увагу на гэтую праблему. Будучая праца з калекцыямі дазволіць больш прадметна казаць аб вылучэнні гарызонта старажытнасцей V–VII стст. на гарадзішчы Кісцяні.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мітрафанаў, А. Р. Кісцяні / А. Р. Мітрафанаў // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору: рэд. кал. : С. В. Марцэлеў, (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – С. 305–306.
2. Очерки по археологии Белоруссии. Часть 1 / редкол. : В. Ф. Исаенко [и др.]. – Мінск : Наука и техника, 1970. – 272 с.
3. Поболь, Л. Д. Городище в Кистенях / Л. Д. Поболь // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. – Мінск : «Наука и техника», 1969. – С. 88–100.
4. Загорульский, Э. М. Отчет о работах археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1975 году / Э. М. Загорульский // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 523.
5. Загорульский, Э. М. Отчет о работах археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1976 году / Э. М. Загорульский // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 545.

6. Загорульский, Э. М. Отчет о работах Вишинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В. И. Ленина в 1983 году / Э. М. Загорульский // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 837. – 11 с.
7. Лошенко, М. И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси / М. И. Лошенко. – Минск : МФЦП, 2011 – 408 с.
8. Нефедова, Е. С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» / Е. С. Нефедова // Археологические вести. – СПб., 1992. – № 1. – С. 21–34.
9. Дробушевский, А. И. Латенский импорт в Беларуси (ранний период) / А. И. Дробушевский // ГАЗ. – 2002. – № 17. – С. 54–64.
10. Дробушевский, А. И. Зарубинецкая культура белорусского поднепровья / А. И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период : к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя. В 2 кн. Кн. 1 / О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред. : О. Н. Левко, В. Г. Белевец ; Над. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. - Минск : Беларуская навука, 2016. – С. 37–137.
11. Кухаренко, Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы / Ю. В. Кухаренко // Советская археология. – 1959. – №1. – С. 31–51.
12. Михайлова, Е. Р. Браслеты с утолщенными концами в германских и восточноевропейских древностях / Е. Р. Михайлова // Скандинавские чтения 2012 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред. Т. А. Шрадер. – СПб. : МАЭ РАН, 2014. – С. 16–22.
13. Носов, Е. Н. Поселение и могильник на озере Съезжее / Е. Н. Носов, А. В. Плохов // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) – Вып. 17. – М. : ИА РАН, 2016. – 456 с.
14. Родинкова, В. Е. Браслеты Никодимовского городища 14. / В. Е. Родинкова, А. А. Седин // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. – М. : Наука, 2004. – С. 234–246.
15. Михайлова, Е. Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е. Р. Михайлова // Петербургский апокриф, 2012. – С. 527–554.
16. Белевец, В. Г. Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы-2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в Белорусском Полесье / В. Г. Белевец // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского (Раннеславянский мир. Вып. 19). – М. : ИА РАН, 2017. – С. 249–261.
17. Курловіч, П. С. Навуковая справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча і селішча каля вёскі Рэчкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці ў 2020 г. / П. С. Курловіч // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Мінск, 2021 – 144 с.

18. Бубенько, Т. С. Витебское Подвинье в период провинциально-норимских влияний и в эпоху Великого переселения народов / Т. С. Бубенько // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. научн. трудов / редкол. : В. В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 10–22.

УДК 902/904(476.2)''638.3''

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЖЛОБИНСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Ильина Виктория Викторовна,

научный сотрудник

ГУК «Жлобинский историко-краеведческий музей»

***Резюме.** Статья посвящена истории изучения археологических объектов раннего Железного века на территории Жлобинского Поднепровья (городища возле д. Проскурни и д. Красная Горка). Памятники отнесены к милоградской археологической культуре. В разные годы исследования проводились не только на самих объектах, но и на сопредельных территориях.*

Поднепровье – это историко-географический регион, часть которого расположена на востоке и юго-востоке страны. Занимает земли по левую (Приднепровье) и правую (Заднепровье) стороны Днепра, расположенные в долине Днепра и в долинах малых и средних рек-притоков Днепра. Подразделяется на Верхнее, Среднее и Нижнее Поднепровье. В физико-географическом отношении регион в основном соответствует белорусскому участку Приднепровской низменности. Для данной территории характерен равнинный рельеф местности со сравнительно крупными лесными массивами. Эти природные и географические условия не могли не сказаться на характере жизнедеятельности древнего населения с момента заселения региона и на расположении и типах укрепленных поселений. Именно по крупным рекам происходило расселение человека в древности. Первые поселения в Жлобинском Поднепровье относятся к раннему мезолиту (IX тыс. до н. э.). В эпоху раннего железного века (VI–IV вв. до н. э.) сюда пришло население милоградской археологической культуры. Принципиально

новой формой поселений стало строительство оборонительных конструкций с валами и рвами. Как правило, городища, расположенные на высоких коренных берегах крупных рек, укреплялись с напольной, наиболее уязвимой, стороны (Красная Горка, Проскурни, Стрешин, Отрубы) [1, с. 4].

Статья посвящена особенностям изучения двух наиболее крупных археологических объектов региона в период раннего железа: Проскурни и Красная Горка.

История изучения памятников железного века на Жлобинщине региона началась еще на старте XX века, хотя сведения о некоторых памятниках древности были зафиксированы в этнографических материалах и опросных листах Е. Р. Романова ещё в конце XIX века. Примером этих данных служит городище возле деревни Проскурни (рисунок 1).

Территория городища раннего железного века начинается в 1,2 км севернее деревни Проскурни, на берегу озера Городное (старик Днепра), в 2 км восточнее деревни Октябрь, возле современного кладбища. Городище укреплено с напольной стороны двумя валами и двумя рвами. Участок городища подквадратный, размеры 95 x 90 м. Высота внутреннего вала до 4,5–5 м, ширина 15 м. Высота наружного вала 1,5–2,5 м, ширина 10–12 м. Между валами имеется ров глубиной 0,4–1,5 м. За внешним валом сохранились остатки второго рва глубиной до 0,4 м. [2, с. 6]

Городище известно с 1873 г. В 1900 г. исследования проведены Е. Р. Романовым. Им были обнаружены 2 наковальни, 3 молота и клещи. А также признаки промысла по выплавке и обработке железа [8, с. 13].

Следующий этап исследований осуществлён в 1951–1953 гг. Ю. В. Кухаренко, в 1957 г. И. И. Артеменко и О. М. Мельниковской, в 1958 г. Л. Д. Поболем. В 1978, 2004, 2012 гг. Н. Н. Дубицкая обследовала место расположения памятника. Была обнаружена керамика милоградской и зарубинецкой культур, часть посуды покрыта штриховкой, керамика древнерусского периода (рисунки 2, 3).

В 2008–2009 гг. на территории Жлобинского района работала экспедиция под руководством А. Г. Тимофеевко. За два года были обследованы территории на правом берегу Днепра от г. Жлобина к северу до границы с Рогачёвским районом и к югу до д. Затон, а также некоторые пункты на левобережье района. 1–12 июля 2008 и 12 июня – 11 июля 2009 г. проводились раскопки на городище Проскурни. За 2 года на городище было вскрыто 64 кв. м культурного слоя, из них 24 кв. м на площадке городища и 40 кв. м на внутреннем валу. В результате работ на городище были найдены остатки внутривальных конструкций XII–XIII вв. [3, с. 6].

А. Г. Тимофеев исследовала 36 квадратных метров площади, мощность культурного слоя 0,7–0,9 м. Полученные материалы относятся к раннему железному веку и XI–XII вв. В 2009 году была совершена прорезка вала. В 2015 году исследования были продолжены.

Рядом с городищем известны три поселения второй половины I тыс. до н. э. – начало II тысячелетия нашей эры.

На основании различных довоенных исследований данные объекты характеризуются как селища культур милоградской и штриховой керамики. Их подробным изучением в 1994–1995 гг. занимался А. И. Дробушевский.

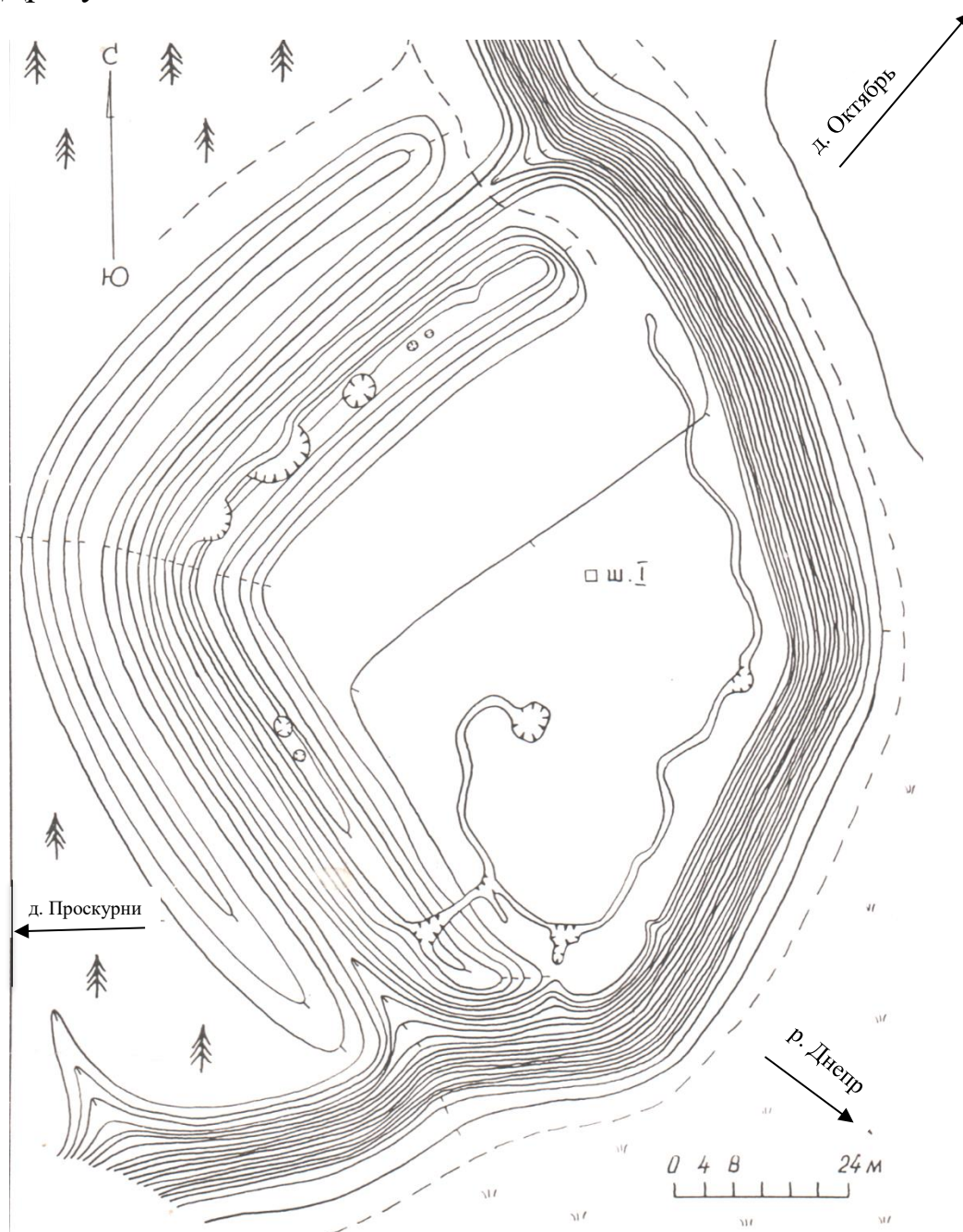

Рисунок 1 – План городища Проскурни [5]

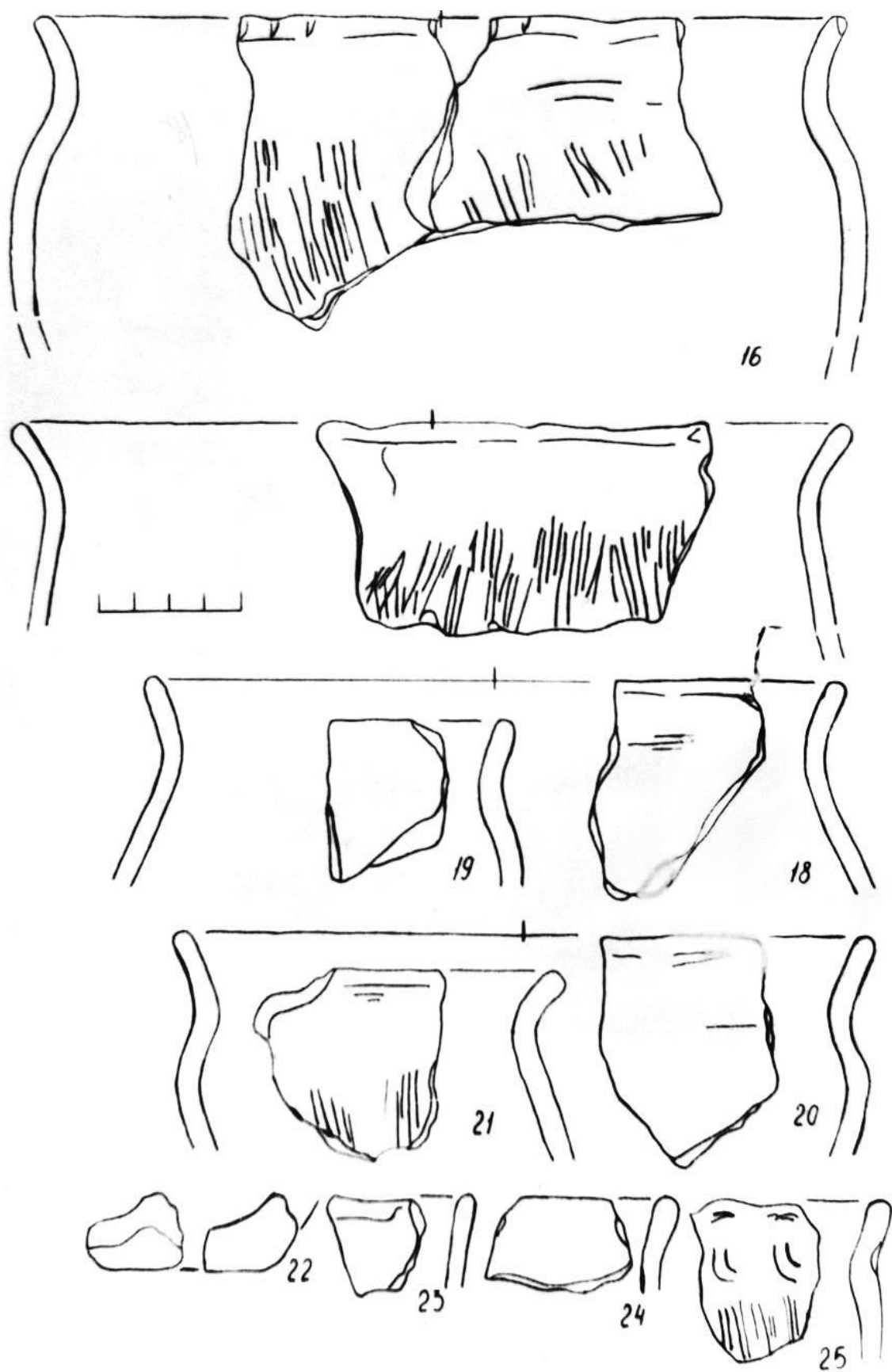
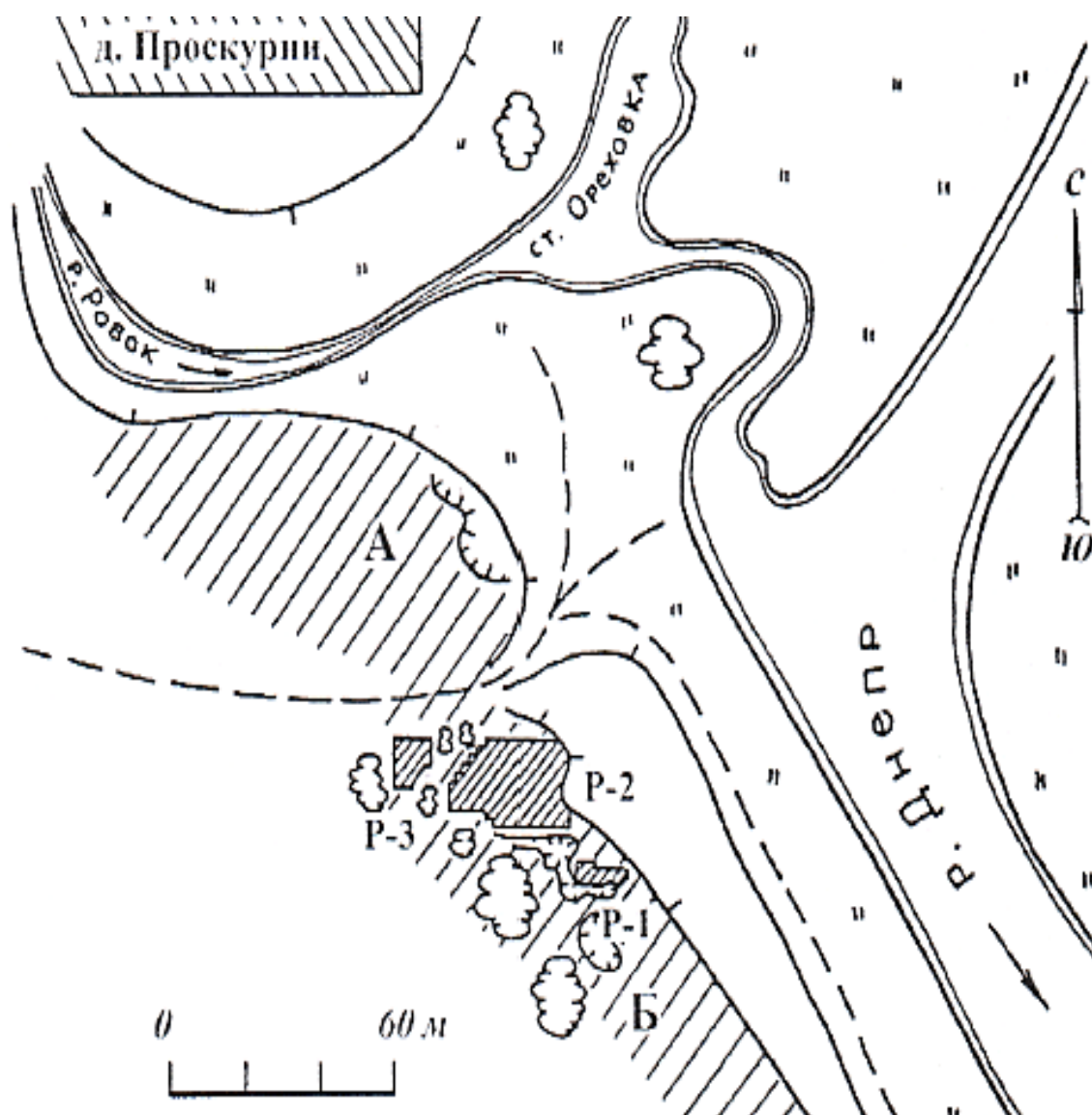

Рисунок 2 – Фрагменты керамики. Городище Проскурни (шурф 1) [5]

Рисунок 3 – Фрагменты лепкой посуды и пряслица. Городище Проскурни [5]

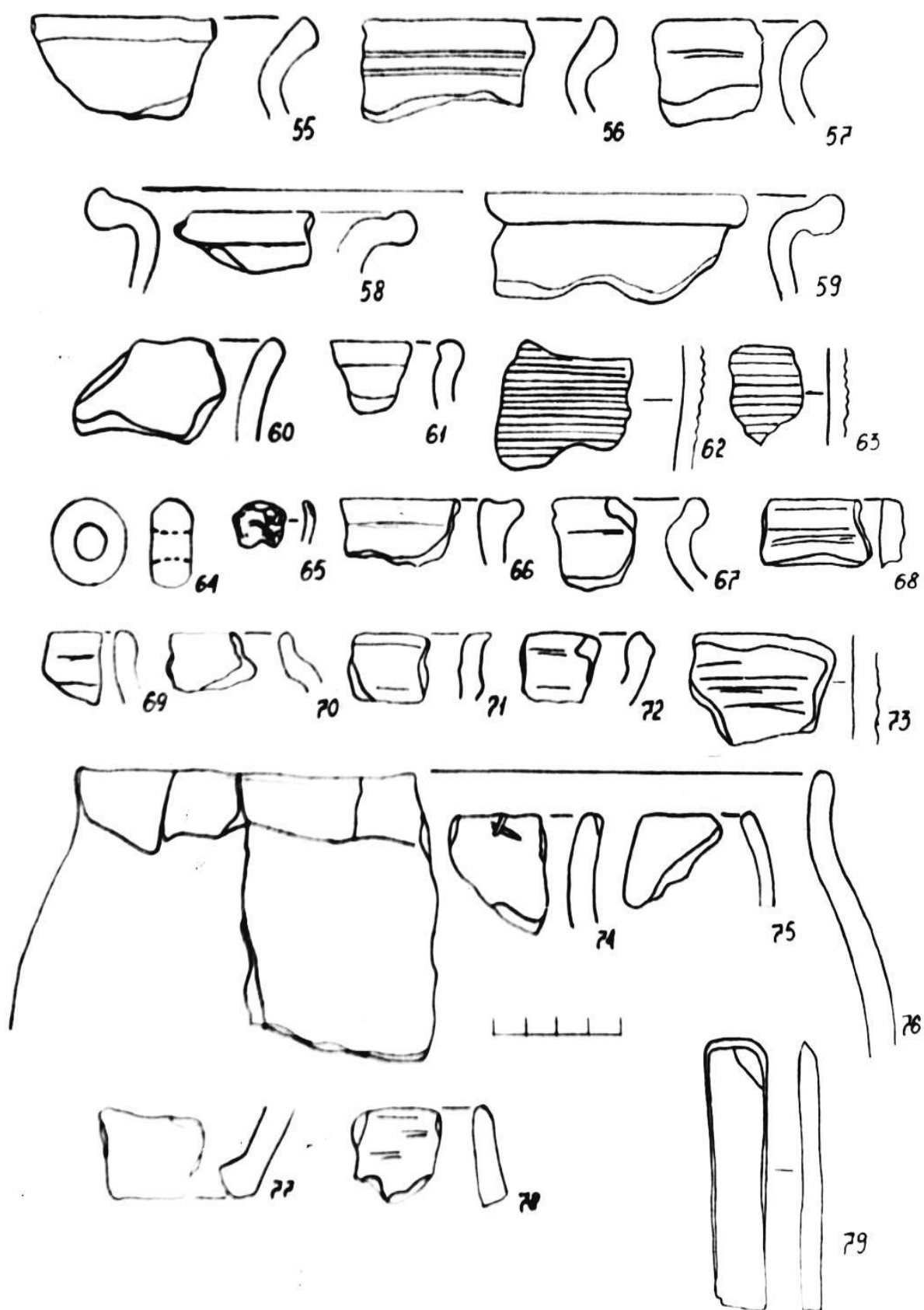
Проскурни-I. В 0,3 км юго-восточнее деревни, на мысу правого коренного берега Днепра и старицы Ореховка (р. Ровок) расположены следы поселения. Размеры памятника составляют около 50x150 м. Территория поселения повреждена карьерами и спланирована под строительство дачных участков БМЗ. Высота над поймой 12–14 м. Культурный слой мощностью до 1 м. В обнажениях встречены скопления оранжевых камней, следы построек и хозяйственных ям. На площади памятника собрана груболепная керамика I тыс. н. э. в том числе и киевского типа. Основная часть находок относится к древнерусскому периоду (рисунки 4, 5).

А – Проскурни-I; Б – Проскурни-II

Рисунок 4 – План поселений у д. Проскурни Жлобинского района [6]

Проскурни-II. В 0,4 км юго-восточнее дер. Проскурни на правобережной террасе р. Днепр (высота над поймой 12–14 м) расположены следы поселения. Памятник находится напротив устья старицы Ореховка (р. Ровок) и речного знака № 371. Данное поселение с севера отделено оврагом. Край террасы поврежден окопами времен Великой Отечественной войны, а в западной части – карьерами. Фрагменты груболепной керамики встречены на площади около 150x50 м. Кружальная керамика здесь почти не найдена. Культурный слой слабо выражен и имеет мощность до 0,2–0,3 м. Проскурни-II можно отнести к трем периодам функционирования селища: V–VII, VIII–IX и XII–XIII вв. (рисунки 6–8).

64 – шиферное пряслице, 65 – кремьнь, 79 – камень

Рисунок 5 – Проскурни-I. Фрагменты керамики [5]

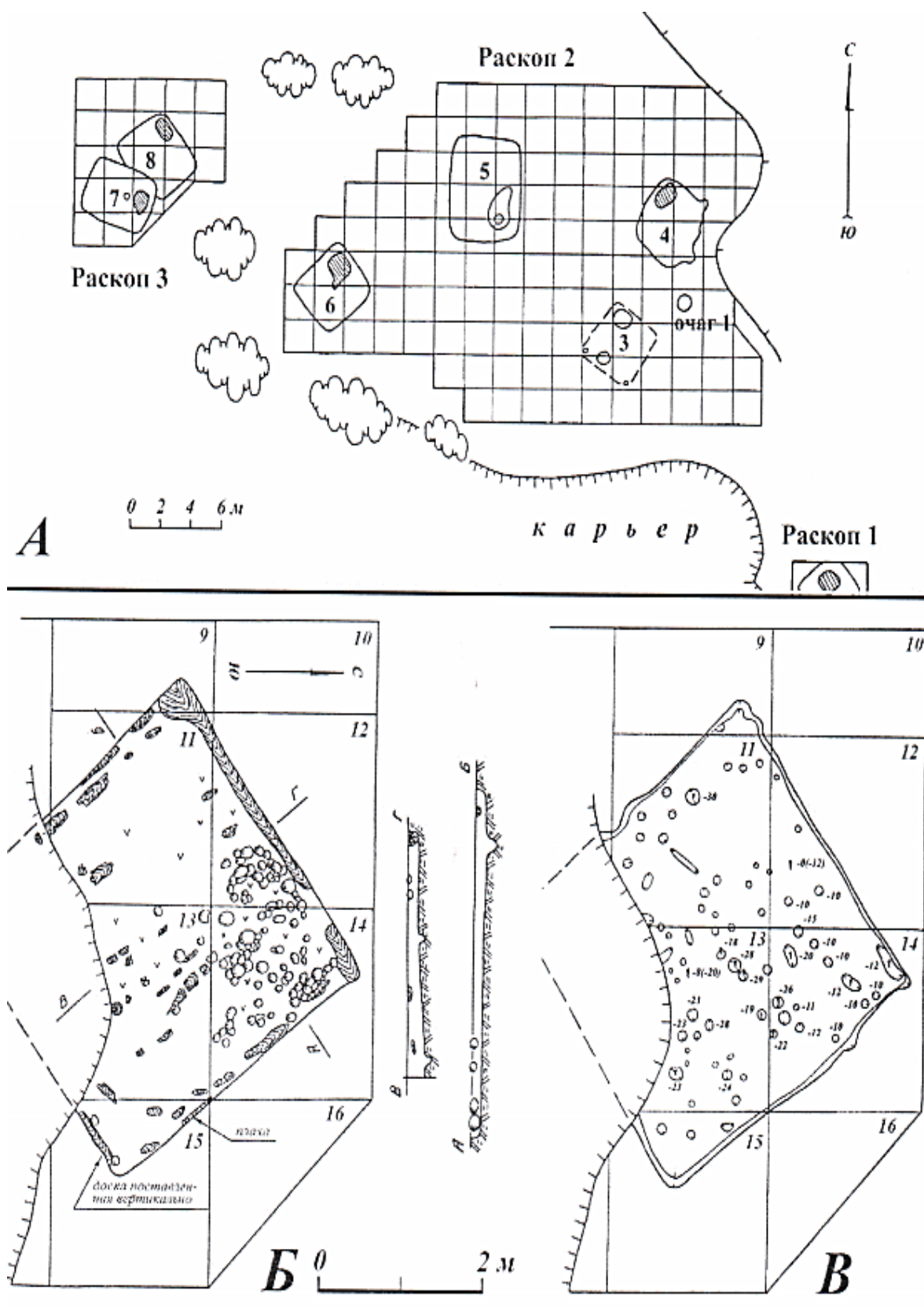

Рисунок 6 – План раскопов 2 и 3 на поселении Проскурни-II (А),
Постройка 1: Б уровень зачистки материка;
В – материк после обработки ям [6]

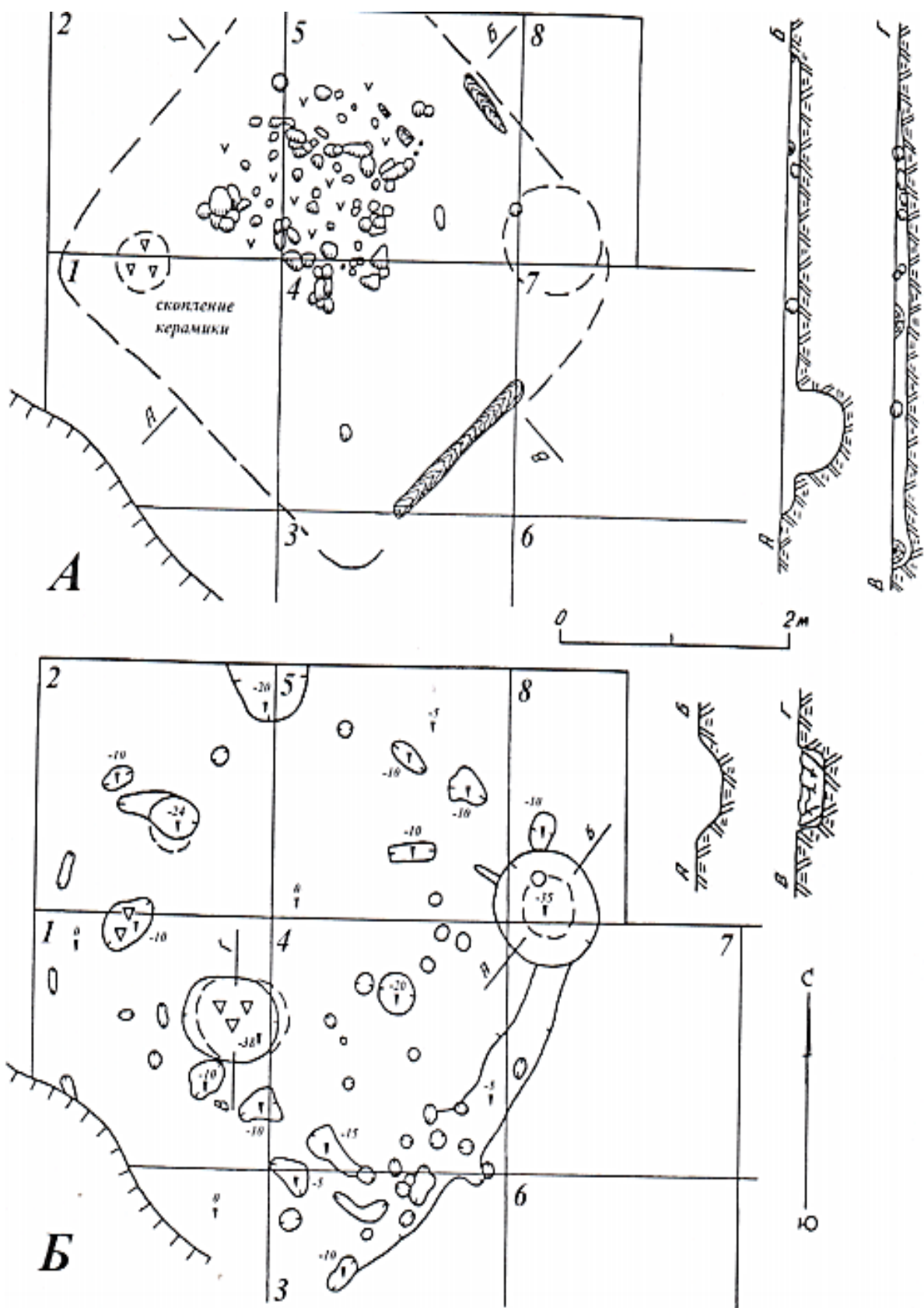
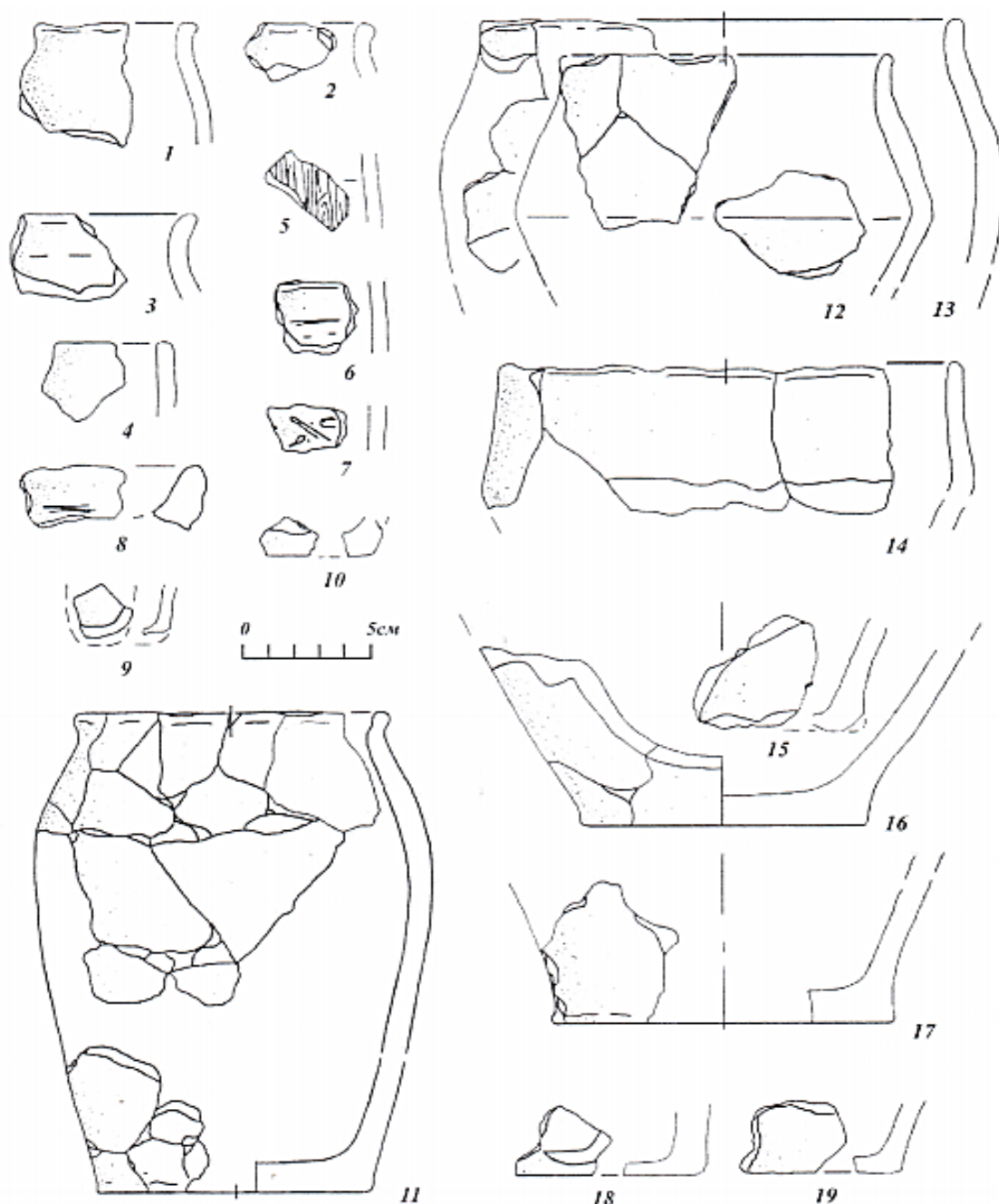

Рисунок 7 – Проскурни-II. Постройка 2.
Уровень зачистки материка (А), материк после выборки ям (Б) [6]

Лепная керамика из постройки 1 (1–3) и постройки 2 (4–12)

Рисунок 8 – Проскурни-II [6]

При осмотре стенок песчаных карьеров были выявлены следы полуземляночных построек. Здесь были проведены спасательные раскопки, для чего в северной части карьера был заложен раскоп общей площадью около 64 кв. м. Удалось выявить следы полуземляночных построек. Из-за отсутствия узкодатируемых вещей и фрагментарности керамического комплекса данная постройка может датироваться сравнительно широко, в рамках середины – второй половины I тыс. н. э.

В тесте, из которого вылеплены сосуды, обычно содержится примесь дресвы. Керамический комплекс постройки 2 сочетает в себе черты позднего этапа киевской культуры, а так же колочинской и банцеровской керамики третьей четверти I тыс. н. э. Предварительно постройки поселения Проскурни-2 могут быть датированы серединой-третьей четвертью I тыс. н. э. [5, с. 10]

А. И. Дробушевский отмечал, что в первый период на поселении Проскурни-II наблюдается устойчивая традиция возведения срубных полуземлянок с печью-каменкой или каменным очагом в углу, что не типично для колочинских памятников Гомельского Поднепровья. Он пришел к выводу, что в Белорусском Поднепровье данный тип жилищ имеет бесспорно местные корни. Полуземлянки срубной конструкции с печью-каменкой в углу также характерны для поселений V-VII вв. Центральной Беларуси (Городище, Дедиловичи и др.) и пражской культуры. Иными словами, полуземлянки с печами-каменками первого периода в Проскурнях можно рассматривать как местную традицию, а не привнесенную извне.

Керамика, найденная в постройках, характерна для верхнеднепровских древностей II-V вв. (типа Абидни) и попала в эти объекты, видимо, случайно. Только керамический комплекс постр. 2 близок позднему этапу киевской культуры, что позволяет датировать данную постройку примерно V веком [6, с. 22].

Проскурни-III. В 0,5 км восточнее центральной части деревни, в пойме правого берега Днепра, на гриве (высота над поймой 2-3 м) выявлены следы поселения. Грива вытянута с севера на юг и имеет размеры 20-30х400-500 м. Культурный слой слабо выражен и имеет мощность до 0,2-0,3 м. Выявлены фрагменты груболепной керамики и кружалной посуды древнерусского периода. Таким образом, мы видим, что во всех современных исследованиях идея о принадлежности селищ к милоградской культуре отвергается.

Важной частью в характеристике культуры являются захоронения. Так в материалах Славянской экспедиции 1951, 1955, 1957 гг. было отмечено наличие милоградских могильников [7, с. 42]. Захоронения располагались на некотором расстоянии от поселения на дюнных всхолмлениях.

Итак, не смотря на многочисленные исследования, проводимые на городище возле деревни Проскурни, остается еще пространство для интерпретаций материалов, собранных там, а также для проведения новых раскопок с целью расширения знаний по истории микрорегиона.

Выше по течению Днепра располагается не менее интересный археологический объект – городище Красная Горка. Городище начинается

в 1 км юго-западнее деревни, в урочище Городок или Круча, на высоком (21–25 м) правом берегу р. Днепр, в лесу. В 3 км от деревни проходит автодорога Жлобин-Рогачев, в 0,5 км к северу от деревни находится хутор. Размеры площадки 66 х 29 м в отчёте Н. Н. Дубицкой, однако у А. И. Дробушевского размер площадки 80х45 м. Городище укреплено валом и рвом с напольной стороны. Восточный и южный край городища повреждены окопами и блиндажами времен Великой Отечественной войны. Высота вала 2,0–2,5 м, ширина у основания 15–16 м, ширина рва 3 м (рисунок 9). Мощность культурного слоя 0,4–0,8 м. По археологическим материалам поселение было построено представителями милоградской культуры в VI–IV веках до нашей эры на месте поселения эпохи бронзы и неолита, вторая фаза заселения поселения связана с населением первой четверти I тысячелетия н. э.

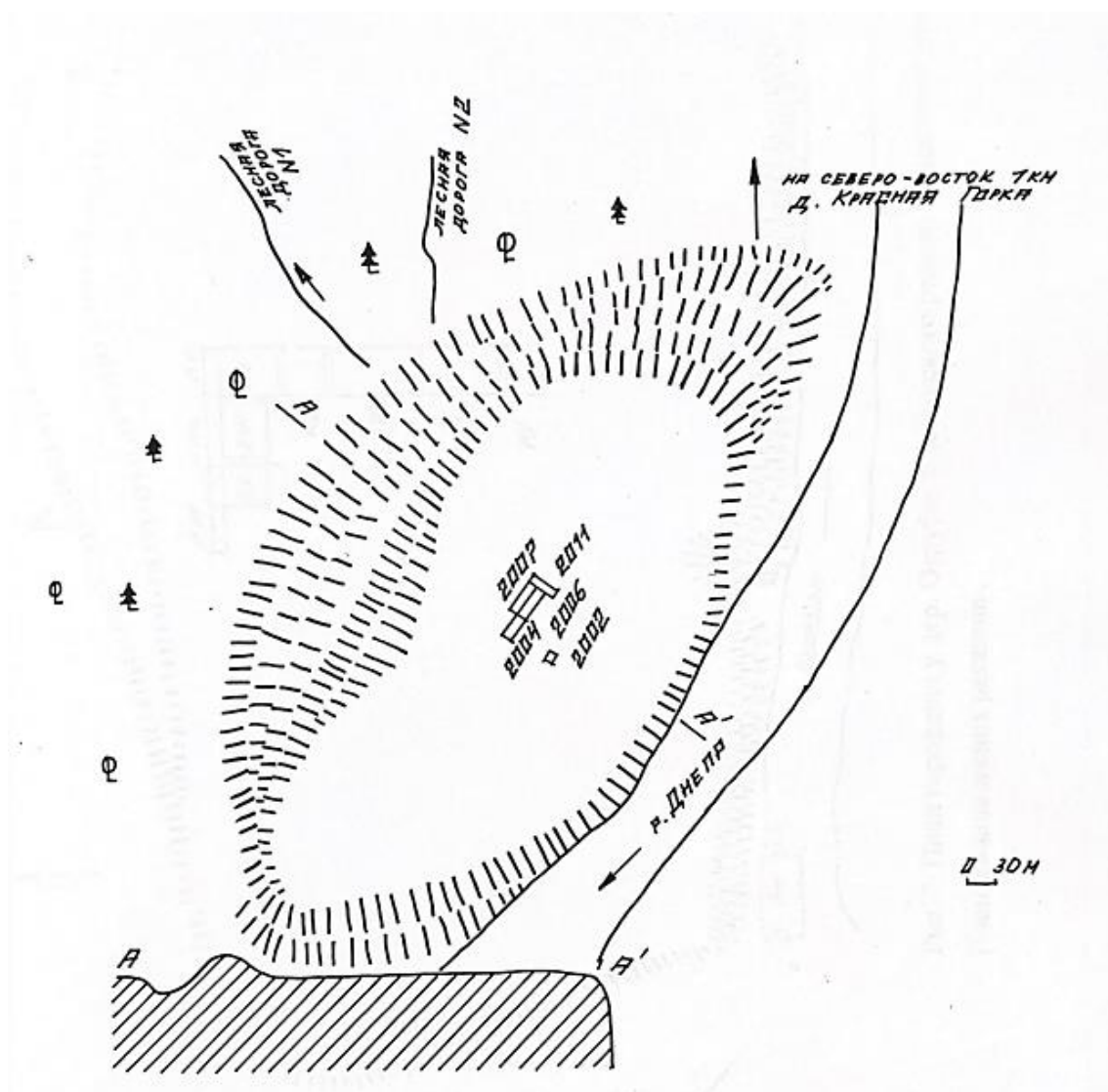

Рисунок 9 – План городища у деревни Красная Горка
Жлобинского Района Гомельской области [8]

Городище известно с 1935 года. В 1958 году объект обследовал Л. П. Поболь, в 1978 году Н. Н. Дубицкая. В 1994 году на городище производил шурфовку А. И. Дробушевский, в ходе чего были выявлены обломки горшков милоградского типа, а также сосудов со штриховкой. В 2002 году шурфовку производила Н. Н. Дубицкая. Собрана керамика раннего железного века, в том числе обломки раннемилосградских горшков с «жемчужным орнаментом» (рисунок 10: 1–2). Исследования были продолжены в 2004, 2006, 2007 и 2011 годах. Всего изучено 60 кв. м. Мощность культурного слоя 0,4–0,8 м [8, с. 11].

Среди керамики, обнаруженной на городище, можно выделить большой комплекс милоградского облика. Посуда представлена горшками разных размеров: от миниатюрных сосудов, до крупных кухонных горшков. Миниатюрная керамика диаметром 2–3 см была обнаружена в количестве 4 штук в разные годы проведения исследований (в 2004 году – 3 экземпляра и в 2007-м еще один). Выявлены немногочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы, а также позднезарубинецких горшков. Также были обнаружены грузики, кости и зубы животных, а так же обломки шлака [1, с. 8].

Городище у деревни Красная Горка было сооружено населением милоградской культуры в VI–IV вв. до н. э. На такую датировку указывают, прежде всего, находки керамики с «жемчужным» орнаментом. Н. Н. Дубицкая отмечает, что данное городище является самым северным памятником в Восточном Полесье, содержащим ранние милоградские материалы, и относящийся к кругу классических милоградских памятников типа Милоград-Горошков.

По поводу фрагментов позднезарубинецкой керамики на городище. А. И. Дробушевский в отчёте отметил, что в шурфе 1994 года материалы зарубинецкой культуры отсутствуют [5, с. 4], в тоже время в статье Н. Н. Дубицкой упоминаются немногочисленные находки такой керамики в 2004, 2006, 2011 годах.

Наиболее показательными можно считать исследования городища в 2011 году, проведённые Н. Н. Дубицкой, в ходе которых удалось обнаружить следующие материалы: обломок тигля, поясная накладка, человеческая кальцинированная кость. Накладка побывала в огне. Она и кость (пястная) (определение И. И. Саливон) были обнаружены в том же квадрате, что и другие, подвергшиеся кремации, кости, обнаруженные в ходе предыдущих исследований. Есть вероятность, что накладка и кость происходят из одного погребения [9, с. 285]. Можно предположить, что другие кости тоже относятся к погребениям. Грунтовые могильники на милоградских городищах встречались на памятниках: Горошков, Мохов-1, Любны [10, с. 37]. Но в перечисленных памятниках такие погребения встречаются в ямах в материке, а на городище Красная Горка они

зафиксированны не были. Возможно здесь погребальные ямы не углубляли в материк. К сожалению, для выдвижения гипотезы о местных особенностях погребальной традиции материалов недостаточно.

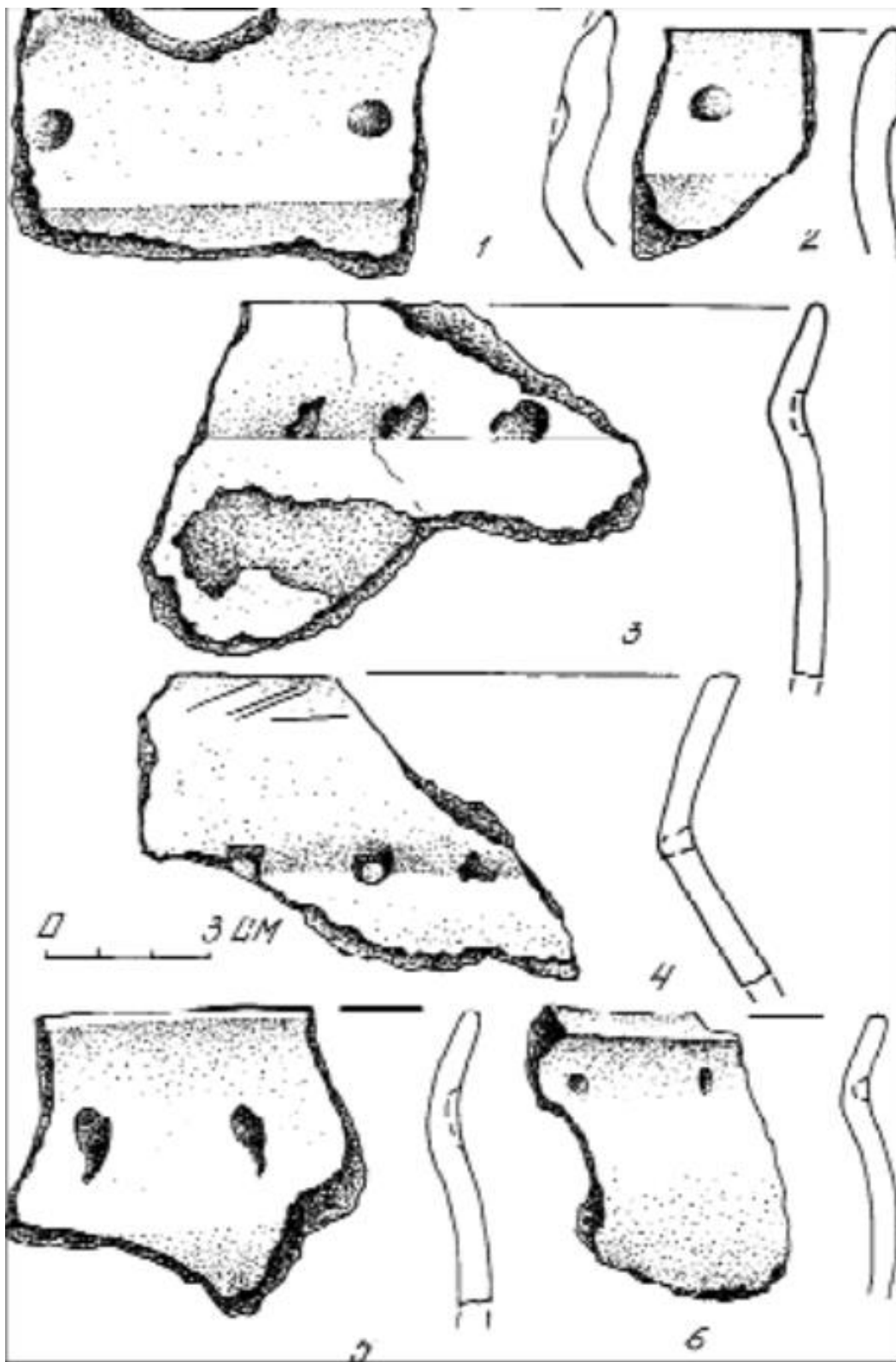

Рисунок 10 – Керамика. Городище Красная Горка. 2011 год [1]

Для небольшого раскопа (12 кв. м) был обнаружен достаточно большой керамический комплекс: 212 обломков посуды, из них 27 венчиков, 182 стенки, 3 донца (рисунок 11).

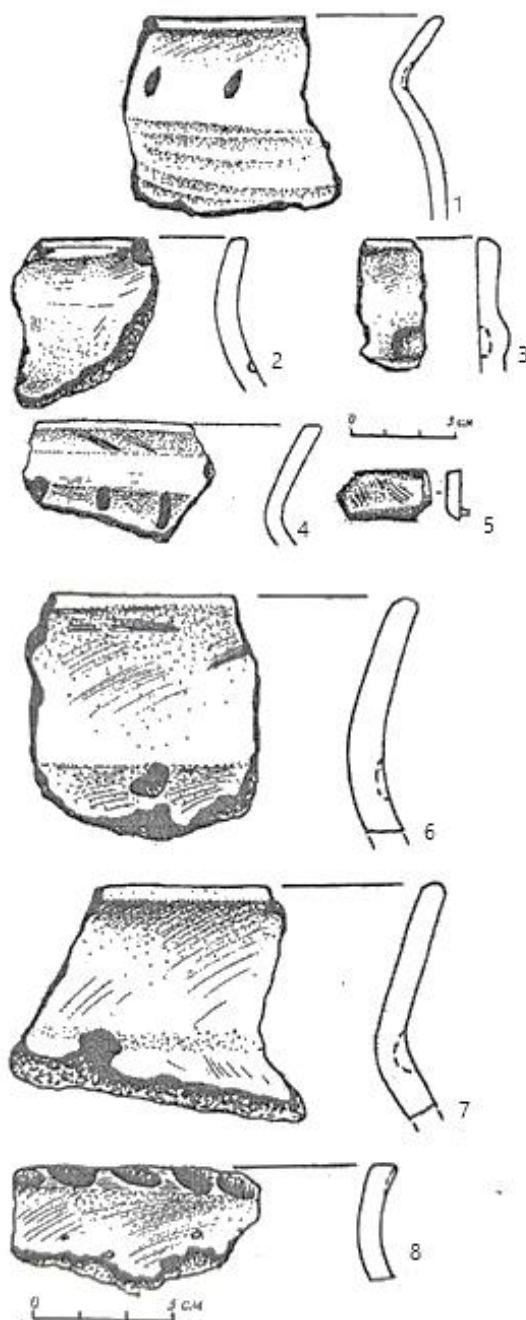

Рисунок 11 – Керамика. Городище Красная Горка. 2011 год [9]

Анализируя археологический материал из раскопа, исследовательница пришла к выводу, что местные гончары добавляли зерна злаковых культур с ритуальными целями. На городище Красная Горка, как и на городище Отрубы, для этих целей в основном использовали мелкие зерна проса [9, с. 286].

На части сосудов милоградского городища орнаментация носит зональный характер. Основные элементы декора: жемчужный, тычковый, ямочный, а также использовались насечки. Орнаментировалась как правило шейка сосуда. Однако самый ранний милоградский орнамент – «жемчужный» наносился выше шейки, но ниже края венчика.

В отчете А. И. Дробушевского зафиксированы сведения еще и о трех поселениях:

Красная Горка-I. В 0,5 км севернее деревни в урочище Закучье, на правобережной надпойменной террасе р. Днепр и старицы Уступ (высота над поймой 3–4 м) известны следы селища «позднего этапа зарубинецкой культуры». Культурный слой мощностью 0,2 м слабо выражен, местами поврежден. Выявлены фрагменты груболепных венчика и донца. Площадь памятника с трудом поддается определению и, видимо, составляла 0,5 га. Предварительно поселение может быть датировано в рамках I тыс н. э.

Красная Горка-II. В 0,4 км севернее деревни, в 0,1 км южнее поселения Кр. Горка- I, на террасе правого берега старицы Уступ (высота над поймой 2–3 м) известны следы поселения бронзового века. Мощность культурного слоя 0,3–0,5 м, сильно поврежден земляными работами. В обнажениях обнаружены стенки лепных орнаментированных сосудов, обломок кремневого наконечника стрелы и др. находки. Площадь памятника составляет около 0,5 га (рисунок 12).

Рисунок 12 – Керамика. Красная горка-I (1,2), Красная горка-II (3-7),
Городище Красная Горка (8-10) [6]

Красная Горка- III. В 1,5 км южнее деревни в урочище Зазгалин Перемёл и Панслик на восточном берегу старицы Плёсы известны следы поселения каменного века, эпохи раннего железа и Древней Руси. Памятник выявлен в 1935 году и обследован в 1981 году Н. В. Бычковым. Следы поселений расположены на дюне, вытянутой с севера на юг более чем на 300 м. Высота над поймой до 2,3 м. Культурный слой был практически полностью уничтожен распахкой. Обнаружены отдельные фрагменты груболепной и кружальной керамики [5, с. 3].

В ходе исследований, проводимых О. В. Вороненко в 2022 году на поселении каменного века Красная Горка 2, были зафиксированы концентрации ракушечных ям, что является уникальным явлением, подлежащим обязательному изучению. В связи с этим Красная Горка в 2022 году была внесена в Концепцию формирования и реализации наиболее значимых национальных археологических проектов.

В целом, проведенные исследования и полученные в ходе них материалы дают общую картину размещения и плотность заселения территории, но белых пятен в этой истории все еще достаточно. Более полное представление расселения милоградских племен и местные особенности этой культуры может дать дальнейшее изучение вышеуказанных памятников.

Список использованных источников

1. Дубіцкая, Н. М. Помнікі ранняга жалезнага веку на тэрыторыі Жлобінскага раёна. Раскопкі гарадзішчаў Гарадок, Чырвоная Горка / Н. М. Дубіцкая // Шацілкаўскія чытанні : зб. навук. арт. / Светлагорскі гісторыка-краязнаўчы музей ; уклад. Т. В. Маслюкоў – Вып. 2. – Светлагорск, 2011. – 112 с.

2. Дубіцкая, Н. М. Праект зон аховы гісторыка- культурных каштоўнасцей – археалагічных помнікаў Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці”, 2014 г. / Н. М. Дубіцкая // Фонды Жлобинского историко-краеведческого музея.

3. Тимофеевко, А. Г. Отчёт-презентация «Работы на Жлобинщине в 2008-2009 гг.» / А. Г. Тимофеевко // Фонды Жлобинского историко-краеведческого музея.

4. Археологическая карта Белоруссии : памятники железного века и эпохи феодализма: в 3 вып. / Белорус. добровол. о-во охраны памятников истории и культуры, Ин-т истории Акад. наук БССР. – Минск : Полымя, 1968–1976. – Вып. 2 : Борисевич Ф. В. ред ; Г. В. Штыхов ; под ред. Ф. В. Борисевича. – 1971. – 275 с.

5. Дробушевский, А. И. Отчет отделу археологии Института истории АНБ об археологических исследованиях в Гомельской области в 1994 году / А. И. Дробушевский // ЦНА НАНБ. – ФАНД. Арх. № 1540.

6. Дробушевский, А. И. Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье / А. И. Дробушевский // Матэрыялы па археалогіі Беларусі, 2006. – Вып. 12. Археалогія эпохі сярэднявечаўя (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі). – С. 18–32.

7. Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. – М. : Наука, 1967. – 195 с.

8. Дубицкая, Н. Н. Отчет об археологических исследованиях в Жлобинском районе Гомельской области в 2012 году / Н. Н. Дубицкая // ЦНА НАНБ. – ФАНД. № 2928.

9. Дубицкая, Н. Н. Раскопки городища Красная Горка в 2011 году / Н. Н. Дубицкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2014. – Вып. 25. Вынікі даследвання першабытных сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2011–2012 гадах. – С. 285–287.

10. Лашанкоў, М. І. Археалагічныя помнікі мілаградскай культуры / М. І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі у 4 т. – Мінск : Беларус.навука, 1999 г. – Т. II. – С. 29–39.

УДК 903.2.083-035.3(476.7)"653":902.01

ОРНИТОМОРФНОЕ ДЕРЕВЯННОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕРЕСТИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАХОДКИ

*Неклюдова Татьяна Анатольевна,
научный сотрудник отдела
археологии Средних веков и Нового времени
Институт истории НАН Беларуси*

Резюме. *Статья вводит в научный оборот деревянный предмет из раскопок средневекового Берестья, который был атрибутирован автором в качестве орнитоморфного деревянного навершия. Приводится описание предмета, приведен широкий ряд аналогий из раскопок городов Полоцка, Новгорода, Старой Руссы, рассмотрены основные подходы к определению функционального назначения данного*

типа наверший. На основании визуальных и физических характеристик предмета сделано предположение об его использовании в качестве детской игрушки.

Введение

Деревянные навершия представляют собой обширную категорию находок, объединяющую предметы в виде стержня с фигурным завершением на конце. Категория деревянных наверший, несмотря на широкую представленность в археологическом материале Беларуси, пока остается слабоизученной и недостаточно введенной в научный оборот.

Для территории Беларуси самой многочисленной является коллекция деревянных наверший из раскопок средневекового Берестя (сохранилось 37 экземпляров). Если шаровидные деревянные навершия (сохранились 36 единиц) в последнее время подробно описаны и введены в научный оборот [1], то интересный предмет в виде вырезанной головы животного на тонком стержне с момента обнаружения не был атрибутирован и не упоминался ни в публикациях, ни в полевых отчетах. Согласно сопровождающего шифра, он был выявлен в ходе археологических исследований Берестя под руководством П. Ф. Лысенко в 1971 г. (пласт VII, квадрат 99), имеет полевой № 363, коллекционный № 480. В описи к отчету он записан как «сучок со следами обработки» [2].

Описание находки

Предмет был вновь выявлен в ходе инвентаризации и изучения части коллекции археологических изделий из дерева из раскопок Берестя, хранящейся в Институте истории НАН Беларуси.

Общие размеры предмета $19,3 \times 5,5 \times 2,85$ см. Рукоять навершия имеет округлую в сечении форму, сохранилась полностью (в настоящее время склеена из 3 фрагментов). Длина рукояти 16,8 см, диаметр – 1,3 см по всей длине.

Навершие выполнено в виде головы птицы. Голова объемно выделена по отношению к рукояти. Размер навершия – $5,05 \times 2,9 \times 2,55$ см. Навершие изготовлено несимметрично; видна более выпуклая голова, переходящая в кривой, слегка заостренный, со вздернутым кверху окончанием клюв. Клюв ($3,2 \times 1,4$ см) подработан ножом, что придало ему некоторую «ребристость».

Предмет вырезан из небольшой ветки дерева лиственной породы. Древесина светлая, ее сохранность хорошая, деформаций нет. Сам предмет легкий. В районе «головы» на «затылке» видны остатки отломанных 7 маленьких веточек; сама головка выполнена из комлевой части ветки.

Вероятнее всего, природная форма ветки уже напоминала изображение животного, а мастер только слегка «подработал» ее, более отчетливо вырезав клюв птицы.

Определить, какую именно птицу хотел изобразить мастер, довольно сложно. Голова и клюв по своим параметрам скорее напоминает утиную, однако такому определению мешает его заостренность и направленность слегка вверх.

Согласно хронологии культурного слоя, предложенной П. Ф. Лысенко, навершие может быть датировано второй половиной XIII в. (рисунок 1).

Рисунок 1 – Орнитоморфное навершие из раскопок Берестя (общий вид).
Вторая половина XIII в.

Аналогии

На территории Беларуси находки орнитоморфных наверший известны только на территории Полоцка, которые были выявлены в ходе археологических исследований 1987 – 1988 гг. на площади им. Ленина (территория Великого посада). Согласно данным С. В. Тарасова, «деревянное навершие в виде головы птицы или дракона, в зверином стиле» было выявлено в предматериковом слое, который был датирован концом X – началом XI вв. [3, с. 62].

Большая коллекция орнитоморфных наверший происходит из раскопок Великого Новгорода (Л. В. Покровская, основываясь на данных Троицкого раскопа, насчитывает 40 экземпляров [4, с. 70]) [5, с. 42; 6, с. 87, 135]. Б. А. Колчин, анализируя данный тип наверший, выделил среди них изображения орла, лебедя, утки [5, с. 42].

Однако необходимо отметить, что новгородские образцы несколько отличаются от берестейского, в первую очередь, размерами стержня. Б. А. Колчин указывает длину стержня у наверший в пределах 30–50 см [5, с. 41], причем большинство из них обломаны [4, с. 69]. Тем не менее, относительно короткие стержни (основываясь на имеющихся целых образцах) в целом характерны для всей категории наверший с территории Беларуси. В частности, среди берестейских образцов длина стержня составляет от 14 до 24 см [1, с. 77], максимальная – 32,6 см.

В связи с этим тезис о том, что длина стержня зависит от исходного материала – т. е. длины ветки до обработки [4, с. 68] – представляется некорректным. Сложно представить, что могло помешать мастеру подобрать ветку нужной длины либо обрезать слишком длинную имеющуюся ветвь. Вероятно, длина стержня все же несла некую смысловую нагрузку и могла варьироваться в зависимости от того, для кого предназначалась данная вещь (взрослый либо ребенок), и, конечно, функционального назначения предмета.

Также ряд орнитоморфных наверший найден в ходе археологических исследований на территории Старой Руссы (раскопы Пятницкий-I и -II) [7].

На территории Литвы подобного рода предметы неизвестны (в отличие от широко распространенных шаровидных наверший). И. Каминскайте, анализируя коллекции археологических изделий из дерева из раскопок Нижнего замка Вильнюса и Кернаве, упоминает о находке одного навершия, слегка напоминающем птичью голову. Однако, судя по изображению, оно к данной категории не относится [8, с. 160; 9, с. 185, каталог №VII.1] (рисунок 2).

Стилистически идентичных берестейскому наверший пока выявить не удалось.

Рисунок 2 – Орнитоморфное навершие из раскопок Берестья (фигурное завершение). Вторая половина XIII в.

Типология и хронология

Как уже говорилось ранее, категория деревянных наверший объединяет предметы в виде стержня с фигурным завершением. Исходя из тезиса о навершии как наиболее значимой части предмета, все типологии строятся на основе выделения различных его форм.

Одна из типологий наверший была предложена Г. Е. Дубровиным. Он выделил 11 типов наверший, в том числе в виде головы птицы (тип В) [10, с. 148].

Второй вариант типологии наверший предложила Л. В. Покровская, выделив антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, стилизованные, шаровидные, а также в виде руки навершия [4, с. 70–72].

По материалам Новгорода, орнитоморфные навершия встречаются в слоях с X по XIV вв., причем наибольшее их распространение приходится на X–XI вв. В слое XIII в. в Новгороде (Троицкий раскоп) обнаружено только 2 экземпляра [5, с. 41–42; 4, с. 70–71]. Экземпляр из Полоцка датирован концом X – началом XI вв. [3, с. 62]. Как уже упоминалось выше, орнитоморфное навершие из раскопок Берестья происходит из пласта VII, что позволяет датировать его второй половиной XIII в.

Назначение предмета

В историографии существует два основных подхода к определению функционального назначения данной категории находок: ритуально-символическое и утилитарное.

Первым мысль о связи подобных предметов с языческими верованиями и ритуалами высказал Б. А. Колчин [5, с. 41]. Отметив, что

в Новгороде в большинстве своем данная категория предметов выявлялась в развалах жилых домов или надворных построек, он, тем не менее, однозначно отрицал наличие у них какой бы то ни было утилитарной функции. Интерпретировав их в качестве идолов, Б. А. Колчин рассматривал данные предметы как духов – покровителей семьи или защитников от злых сил [5, с. 42]. Данное предположение поддержал Е. А. Рябинин [11, с. 58].

Согласился с интерпретацией Б. А. Колчина и Б. А. Рыбаков. В своей работе «Язычество древней Руси» он провел параллели с известной по этнографическим данным игрой «в гуся», реквизитом которой были некие предметы в виде птицы с длинной шеей и клювом [12, с. 666, 683], и вывел эту игру из обряда, посвященного небесному божеству [12, с. 667]. Также Б. А. Рыбаков считал, что категория наверший претерпевала изменения во времени; в частности, орнитоморфные навершия, по его мнению, приходят на смену антропоморфным в XI–XII вв., что было связано с принятием христианства [13, с. 304–305].

Заклучения Б. А. Колчина, Е. А. Рябининой, Б. А. Рыбакова подверг критике Г. Е. Дубровин, который попытался вернуться к вопросу об утилитарном предназначении подобного рода наверший. Приняв за определяющий признак не изобразительное решение, а конфигурацию и размеры всего навершия, он предложил интерпретировать часть наверший, в первую очередь зооморфных и орнитоморфных, в качестве рукояток плетей или кнутов (по аналогии с костяными и металлическими навершиями) [10, с. 150–151; 14, с. 63].

Л. В. Покровская в обобщающей работе, посвященной культовым предметам средневекового Новгорода, вновь предложила в качестве основного культового значения наверший, не исключая идею Г. Е. Дубровина о возможном их использовании в качестве кнутовищ [4, с. 69]. Кроме того, автор, обращаясь к интерпретациям Б. А. Рыбакова, отметила неправомерность прямых аналогий между поздними этнографическими и археологическими материалами [4, с. 71]. После статьи Л. В. Покровской обобщающих работ по анализу и семантике орнитоморфных наверший на сопредельных территориях не выходило.

В связи с вышеизложенным хотелось бы высказать ряд замечаний.

Во-первых, не исключена вероятность, что исследователями искусственно объединены разные по функциям предметы (это касается как орнитоморфного типа, так и всей обширной категории наверший), бытовавшие в разное время. Такую мысль высказывал, в частности, и Г. Е. Дубровин [10, с. 152].

Во-вторых, в перечисленных работах абсолютно не затрагивался вопрос о том, для кого предназначались изучаемые предметы в плане половозрастных характеристик. Наличие больших и меньших по размеру предметов аналогичных форм дает возможность предположить, что существовали как минимум «детские» и «взрослые» варианты предметов. Например, анализ берестейской и минской коллекций деревянных шаровидных наверший позволил выделить три группы относительно их размера: массивные, средние (наиболее многочисленная) и миниатюрные [1, с. 77; 15, с. 215, 219].

Рассматриваемый нами образец – орнитоморфное навершие из раскопок Берестя – скорее напоминает предмет, предназначавшийся для ребенка, возможно, детскую игрушку. На это указывают легкость материала и небольшие размеры предмета, быстрота и некоторая примитивность его исполнения, отсутствие дополнительной орнаментации. Кроме того, бытование предмета во второй половине XIII в. и его единичность не позволяют однозначно связать его с использованием в неких языческих ритуалах либо в качестве домашнего божества.

Выводы

Таким образом, исходя из общего облика находки из раскопок средневекового Берестя (наличие фигурного навершия в виде головы птицы и стержня-рукояти), изучаемый предмет может быть атрибутирован в качестве навершия орнитоморфного типа.

Тем не менее, такая трактовка предмета не ведет за собой автоматически его интерпретацию в качестве ритуального либо утилитарного предмета. Физические и визуальные характеристики берестейского навершия позволяют допустить, что данный конкретный предмет был детской игрушкой.

Кроме того, исследователями высказывался тезис о многофункциональности любого археологического предмета (при одной преобладающей функции) [4, с. 69]. Следует также признать, что включение того или иного предмета в категорию деревянных наверший различных типов в настоящее время является достаточно субъективным и требует дальнейшей разработки определенных критериев.

Список использованных источников

1. Неклюдова, Т. А. Деревянные шаровидные навершия («булавы») из археологической коллекции Берестя / Т. А. Неклюдова // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Уклад. В. І. Кошман. – Вып. 33. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – С. 77–83.

2. Лысенко, П. Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1971 г. / П. Ф. Лысенко ; Архив УК “Брестский областной краеведческий музей”.

3. Тарасов, С. В. Раскопки на Великом посаде в г. Полоцке / С. В. Тарасов, Г. Н. Романенкова // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : конф., посвящ. 1125-летию Полоцка: докл. на юбил. чтениях. – Полоцк, 1987. – С. 62–63.

4. Покровская, Л. В. Культовые предметы средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) / Л. В. Покровская // Труды ВИАМ. Новоторжский сборник. Выпуск 1 / отв. редактор В. В. Кузнецов; составитель, научный редактор П. Д. Малыгин. – Торжок : Всеросийский историко-этнографический музей, 2004. – С. 67–84.

5. Колчин, Б. А. Новгородские древности. Резное дерево / Б. А. Колчин. – М. : Наука, 1971. – 62 с., 48 табл. (САИ. Вып. Е1-55/2)

6. Гайдуков, П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода : Нутный раскоп / П. Г. Гайдуков; [Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Ин-т археологии Рос. акад. наук]. – М. : Б. и., 1992. – 197 с. : ил.

7. Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal.novsu.ru/archeology>. – Дата доступа: 16.11.2023.

8. Kaminskaitė, I. XIII–XV A. Medinės lazdos su buoželėmis: faktai ir hipotezės / I. Kaminskaitė // Lietuvos Archeologija. – 2008. – Т. 34. – Р. 151–170.

9. Kaminskaitė, I. Mediniai dirbiniai Vilniaus Žemutinėje pilyje archeologiniais duomenimis. Daktaro disertacija Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius, 2017 metai [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:20196198/datastreams/MAIN/content>. – Дата доступа: 16.11.2023.

10. Дубровин, Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. / Г. Е. Дубровин. – М., 2000. – 445 с.

11. Рябинин, Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Е. А. Рябинин. – Л. : Наука, 1981. – 124 с.

12. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782 с.

13. Рыбаков, Б. А. Культура средневекового Новгорода / Б. А. Рыбаков // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / общ. ред. Е. А. Мельниковой. – М.: Прогресс, 1986. – 416 с. с илл., 24 с. цв. илл. – С. 298–312.

14. Дубровин, Г. Е. Зооморфные деревянные навершия / Г. Е. Дубровин // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тезисы научной конференции) / отв. ред. В. Л. Янин. Выпуск 2. – Новгород, 1989. – С. 62–64.

15. Неклюдова, Т. А. Деревянные шаровидные навершия («булавы») из раскопок городов Полоцкой земли: вопросы атрибуции / Т. А. Неклюдова // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2022 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : Полацкае кніжнае выдавецтва, 2022. – С. 213–224.

УДК 903.46

ПЛАСТИНКИ ЛАМЕЛЛЯРНОГО ДОСПЕХА ИЗ ЛЕТОПИСНОГО ГОМИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРУЖЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА)

*Лупиненко Юрий Михайлович,
исследователь*

***Резюме.** В публикации вводятся в научный оборот пластинки ламеллярного доспеха первой половины XIII века, обнаруженные археологической экспедицией, возглавляемой О. А. Макушниковым в 1987 году на территории летописного Гомия. Произведена типология пластинок, даны их параметры с элементами реконструкции. Приведены исторические аналоги и параллели.*

В 1987 г. на территории окольного города летописного Гомия экспедиция под руководством О. А. Макушникова вскрыла остатки оружейной слесарно – сборочной мастерской конца XII – начала XIII вв. Значительная часть её материалов уже опубликована [1; 2; 3; 4]. Сохранившаяся надпись на остатках орнаментированной деревянной точёной чаше позволяет предположить, что в мастерской работал мастер – оружейник Фёдор [5]. Большую группу находок представляют железные пластинки от доспехов. Часть из них интерпретируется как ламеллярные.

Основным признаком структуры ламеллярного доспеха является то, что пластинки имеют такую систему отверстий, которая позволяет связывать их между собой в ряды. Обычно отверстия, служащие для протяжки вяжущего материала для связывания пластинок между собой, расположены парами по краям сторон пластинки. Это основные отверстия. Дополнительные отверстия чаще всего одиночные, хотя встречаются и парные. Служат они для крепления рядов пластинок между собой, а также для крепления окантовок рядов. Все эти особенности структуры возможно изучать на полностью сохранившихся этнографических ламеллярных доспехах народов Сибири и Тибета [6, fig. 233, 234, 238, 239, 251, 252, 285; 7].

Фрагменты пластинчатых доспехов средневековой Руси фиксируются исследователями довольно давно [8; 9; 10], материалы по ним постоянно обогащаются [11]. Коллекция пластинок от ламеллярного доспеха, обнаруженная в гомельской оружейной (слесарно – сборочной) мастерской многочисленна и типологически особенно разнообразна. В основу системного описания пластинок положена классификационная схема, предложенная В. В. Горбуновым [12, рисунки 30–32]. Их признаки разбиты на пять уровней: группа – разряд – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд – по структуре набора пластин в составе доспеха, отдел характеризует систему расположения крепёжных отверстий в пластинке и их назначение, тип определяется формой пластинки, вариант уточняет пропорции пластинки и взаиморасположение отверстий (рисунок 2). В статье 2003 г., посвящённой ламеллярному доспеху восточнославянского ратника XII–XIII вв. [4, с. 213–214], авторы использовали условную классификацию пластинок. Это было вызвано тем, что была опубликована лишь часть пластинок, а также тем, что статья носила в значительной степени обзорный характер.

Исследование археологического материала проводилось визуальным изучением конгломератов из хаотично размещённых доспешных пластинок. Поэтому в обзор попали лишь те экземпляры, которые отделены, либо находятся на поверхности.

Группа I. Железные. Все пластинки этой серии изготовлены из кованного железа.

Разряд I. Ламеллярные. Пластинки крепятся между собой посредством связывания через систему отверстий. Аналогичным образом, чаще всего, крепятся и ряды пластинок между собой.

Отдел I. Пластинка с 13 парными и одиночным отверстиями ø 1,5 мм, расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2 мм. от краёв, и вдоль продольной центральной оси. Расстояния между отверстиями в парах 3–4 мм. Ближайшие аналоги пластинкам **отдела I**

появляются в Северной и Центральной Азии во второй половине I тысячелетия [13, рисунок 1: 10; 3: 1, 2, 14; 4: 7; 12, рисунок 33]. Доспехи из таких пластинок бытовали на территории Южного Урала в XIII в. [14, рисунок 1]. На территории Тибета доспехи из подобных пластинок использовались до XIX в. [6, Fig. 238].

Тип I. Прямоугольной формы с закруглённой верхней частью. **Вариант А** – пластинка размером 78×27 мм., толщина 1 мм, степень изгиба 2,5 мм (рисунок 1:1). Идентифицирован 1 экземпляр. **Вариант Б** – пластинка размером 70×15 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1 мм (рисунок 1:2). Идентифицировано 10 экземпляров. **Вариант В** – пластинка размером 68×18 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 1 мм (рисунок 1:3). Идентифицировано свыше 67 экземпляров. **Вариант Г** – пластинка размером 56×18 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 0,5 мм (рисунок 1:4). Идентифицирован 1 экземпляр. На территории Руси и соседних с ней территориях пластинки **отдела I** довольно редки и датируются первой половиной - серединой XIII века. Они обнаружены в Киеве, при исследовании Десятинной церкви [15, с. 86], на территории Золотарёвского поселения [16, рисунок 81: 1, 3]. Пластины X в. с почти аналогичной системой расположения отверстий, но отличные по форме, обнаружены в Бирке (Швеция) [17, Fig. 1: A1–A3] и в Шестовицах [18, рисунок 7: 35], Сарском городище [19, рисунок 8: 8–12].

Отдел II. Пластинка с 12 одиночными и парными отверстиями $\varnothing 1,5$ мм, расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2 мм от краёв, и вдоль продольной центральной оси. Расстояние между отверстиями в парах 3–4 мм. От пластинок **отдела I** пластинки **отдела II** отличаются конструкцией нижней части. Подобные пластинки впервые фиксируются на территории Горного Алтая в VIII в. [12, рисунок 33] и используются на территории Тибета до XIX в [6, Fig. 238].

Тип I. Прямоугольной формы с закруглённой верхней частью. **Вариант А** – пластинка размером 68×18 мм., толщина 1 мм., степень изгиба 1 мм. (рисунок 1:5). Идентифицировано 3 экземпляра. Ближайший аналог: пластинки из Золотарёвского поселения первой половины XIII в. [16, рисунок 80: 8; 81: 2].

Отдел III. Пластинка с 11 одиночными и парными отверстиями $\varnothing 1,5$ мм, расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2 мм. от краёв, и вдоль продольной центральной оси. Расстояние между отверстиями в парах 3,5–4 мм. Прототип пластинкам этого отдела впервые фиксируется на территории Северной и Центральной Азии в XI–XII вв. [13, рисунок 3: 6, 7; 9].

Тип I. Прямоугольной формы. **Вариант А** – пластинка размером 69×15 мм., толщина 1 мм., степень изгиба 1 мм. (рисунок 1:6). Идентифицировано 2 экземпляра.

Отдел IV. По фрагментам реконструируются пластинки с 16 парными и в четвёрках отверстиями $\varnothing$ 1–1,5 мм., расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2–3 мм. от краёв. Расстояние между отверстиями в парах и в четвёрках 5 мм. Прототипы пластинкам этого отдела фиксируются на территории Восточной Азии в XII в. [20, рисунок 3: 11], на территории Центральной Азии в XI–XII вв. [21, таблица XL: 5–8].

Тип I. Прямоугольной формы. **Вариант А** – по аналогам реконструируется пластинка размером 70 × 15 мм., толщина 1 мм., изгиба нет (рисунок 1:7). Идентифицировано 4 экземпляра. **Вариант Б** – по аналогам реконструируется пластинка размером 60 × 14 мм., толщина 1 мм., изгиба нет (рисунок 1:8). Идентифицировано 4 экземпляра. Ближайший аналог: Золотарёвское поселение, слой первой половины XIII в. [16, 2001, рисунок 80: 2; 81: 15]. По этой пластинке и была проведена реконструкция пластинок из Гомия.

Отдел V. По фрагментам реконструируются пластинки с 7 парными и одиночным отверстиями $\varnothing$ 1,5 мм., расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2–3 мм. от краёв и вдоль продольной центральной оси. Расстояние между отверстиями в парах 4–5 мм. Прототип пластинкам этого отдела обнаруживается уже среди защитного вооружения Римской империи I–III вв. н. э. Так, расположение на них полностью соответствует системе отверстий на пластинке типа **vi** по классификации Ван Гроллера для римских доспешных пластинок, обнаруженных в Западной Европе [22, р. 88]. Применительно к гомельским образцам есть основания рассматривать их как элементы ламеллярной структуры доспеха. Основанием этому служит целый доспех, собранный в большинстве своём из пластинок **отдела V**, обнаруженный в братской могиле 1362 года в Висби [6, Pl. 144, 145] и идентифицированный автором раскопок как ламеллярный. От классического ламеллярного находка в Висби он отличается лишь тем, что в полосах ламеллярного набора были пробиты отверстия, через которые они были приклепаны изнутри к кожаной либо тканевой основе, что по сути превращало ламеллярный доспех в крытый чешуйчатый (бригандина), по моде Западноевропейского региона XIV века. Имеется ли какая-либо взаимосвязь и преемственность между пластинками античного и средневекового периода, ответить пока не представляется возможным ввиду значительной хронологической разбежки находок.

Тип I. Прямоугольной формы. **Вариант А** – по аналогам реконструируется пластинка размерами 48 × 13 мм., толщина 1 мм., степень изгиба 3 мм. (рисунок 1:9). Идентифицирован 1 экземпляр. **Вариант Б** – по аналогам реконструируется пластинка размерами 51 × 11 мм.,

толщина 1 мм, степень изгиба 3 мм. (рисунок 1:10). Идентифицирован 1 экземпляр. Ближайший аналог: поселение Лисковое (Черниговская обл., Украина), слой рубежа XII–XIII вв. [23, рисунок 2: 8, 9], Серенск (Россия), слой рубежа XII–XIII вв. [24, рисунок 12: 2].

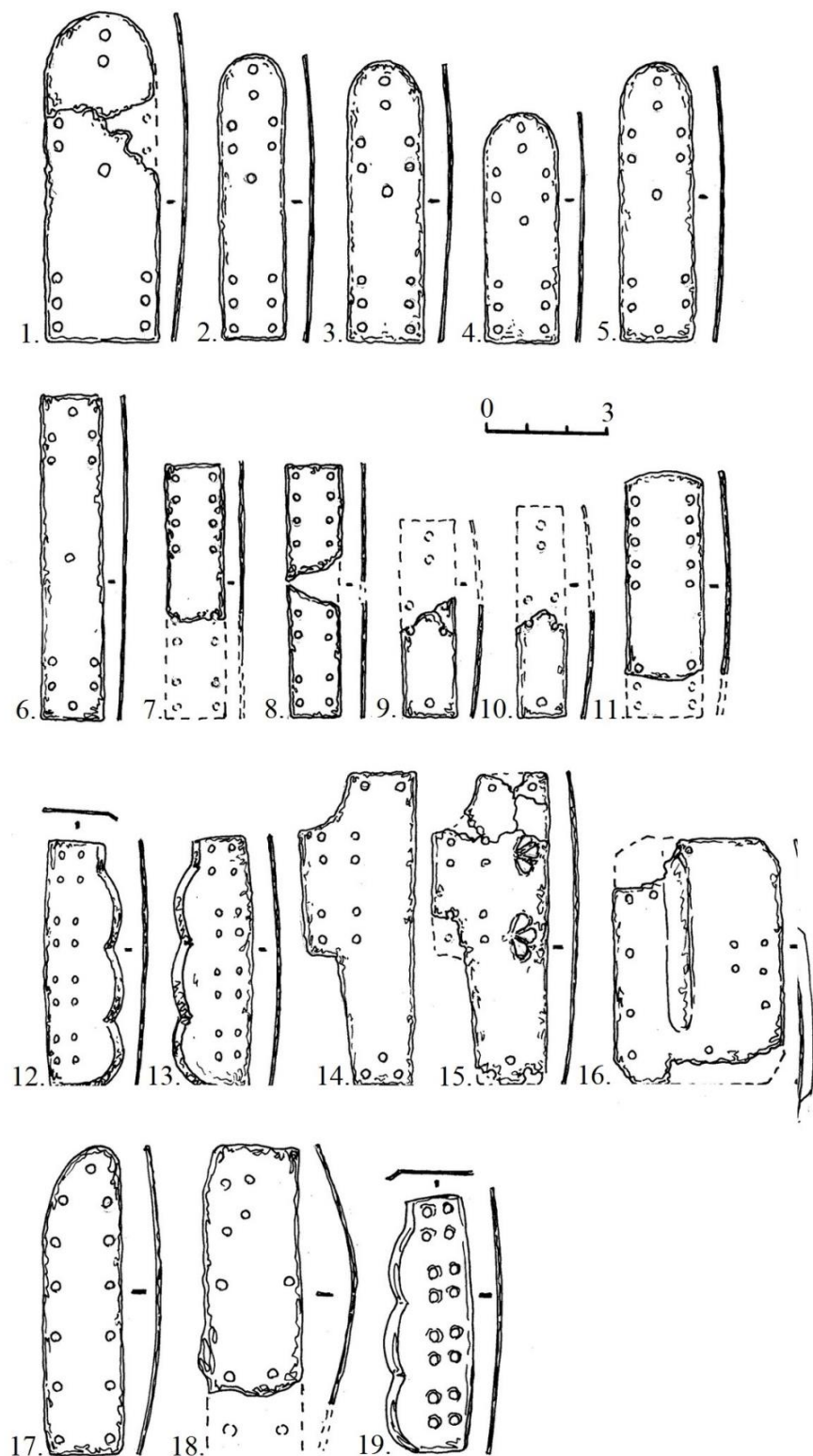

Рисунок 1 – Пластины от доспехов

Отдел VI. Пластика с 12 одиночными и в пятёрках отверстиями $\varnothing 1,5$ мм., расположенными вдоль длинных сторон на расстоянии 2 мм. от краёв. Прототипы пластикам этого отдела известны в Северной и Центральной Азии во второй половине I тысячелетия н. э. [13, рисунок 2: 13, 19; рисунок 9], на территории Лесостепного Алтая в X в. [12, рисунок 33].

Тип I. Прямоугольной формы с закруглённой верхней частью.
Вариант А – пластика размером 50×18 мм, толщина 1 мм., степень изгиба 2 мм. (рисунок 1:11). Идентифицировано 4 экземпляра.

Отдел VII. Пластика с 16 парными отверстиями $\varnothing 1,2$ мм, расположенные вдоль одной длинной стороны на расстоянии 2 мм. от края и вдоль продольной центральной оси.

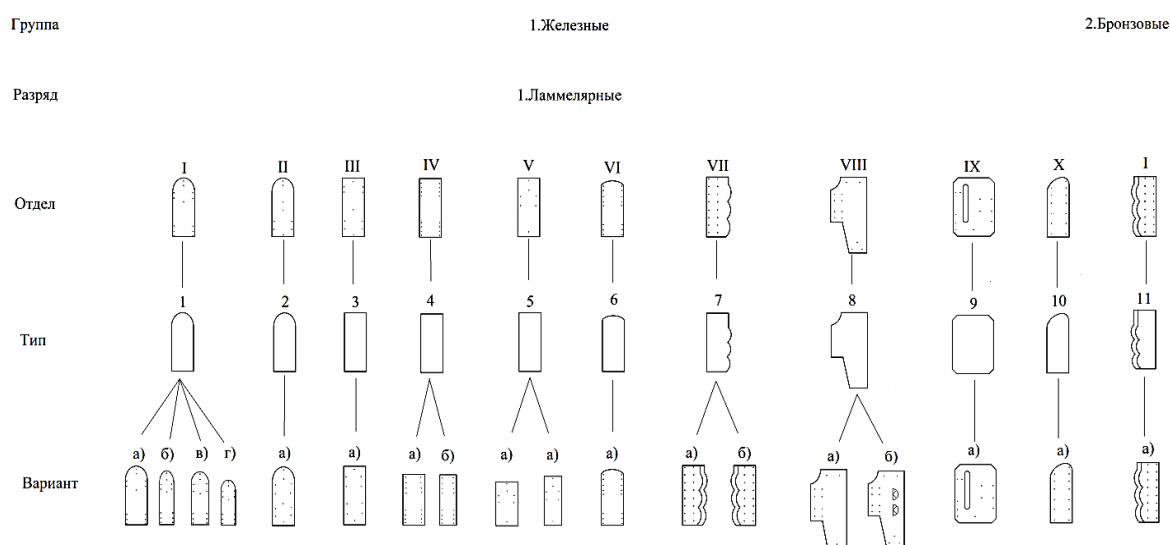

Рисунок 2 – Типологическая схема

Тип I. Пластика имеет сложную форму. Одна из длинных сторон прямая, вторая длинная сторона имеет волнистый край и тиснение в виде отогнутой под углом около 30 градусов кромку края, что является ориентиром для определения лицевой стороны пластины. **Вариант А** – пластика размером 60×18 мм, толщина 0,7 мм, степень изгиба 1,5 мм, волнистый край имеет левая длинная сторона (рисунок 1:12). Идентифицировано 65 экземпляров. **Вариант Б** – пластика размером 60×18 мм, толщина 0,7 мм, степень изгиба 1,5 мм., волнистый край имеет правая длинная сторона (рисунок 1:13). Идентифицировано 73 экземпляра. В различных регионах Азии, где ламеллярный доспех использовался с эпохи древности, аналогов и прототипов пластикам этого отдела не обнаружено. Ближайший аналог: Золотарёвское поселение, слой первой половины XIII в. [16, рисунок 80: 22, 23].

Традиции же волнистого оформления краёв пластинок известны у народов Центральной Азии и Западной Сибири со второй половины I тысячелетия н. э. [27, рисунок 12].

Отдел VIII. Пластинка с 13 парными и одиночными отверстиями $\varnothing$ 1,5 мм, расположенные вдоль одной длинной стороны на расстоянии 2 мм от края, вдоль продольной центральной оси, вдоль коротких сторон на расстоянии 2 мм и 7 мм от края.

Тип I. Пластинка имеет сложную форму. Одна из длинных сторон прямая, вторая длинная сторона имеет в верхней и нижней части ступенчатые вырезы. **Вариант А** – пластинка размером 78 × 25 мм, толщина 0,7 мм, степень изгиба 2 мм (рисунок 1:14). Идентифицировано 13 экземпляров. **Вариант Б** – пластинка размером 75 × 29 мм, толщина 0,7 мм, степень изгиба 2 мм. На лицевой стороне имеется тиснение тройных каплевидных выступов (рисунок 1:15). Идентифицирован 1 экземпляр.

Отдел IX. Пластинка с 12 отверстиями $\varnothing$ 1,5 мм, неравномерно расположенными по периметру на расстоянии 3 мм от края, а также по остальной поверхности.

Тип I. Пластинка прямоугольной формы со скруглёнными углами. Параллельно длинным сторонам имеется тиснение в виде жёлоба, расположенное близко к продольной оси (смещен влево) и не достигающего до краёв. Пластины с подобного рода тиснением были широко распространены в Болгарии в VII–XII вв. [25, таблица LXI; LXIV: 702, 704, 715; LXV: 709, 713]. **Вариант А** – пластинка размером 60 × 40 мм, толщина 1 мм, ширина жёлоба 5 мм., степень изгиба 5 мм (рисунок 1:16). Идентифицирован 1 экземпляр. Визуальный осмотр показал, что отверстия не завершены обработкой (не развальцованы заусеницы), до и система отверстий выглядит незавершённой. Ближайший аналог: Золотарёвское поселение, слой первой половины XIII в. [16, рисунок 80: 20].

Отдел X. Пластинка с 13 отверстиями $\varnothing$ 1,5 мм, равномерно расположенными вдоль периметра в 3 мм. от краёв. Расстояние между отверстиями 12 мм.

Тип I. Пластинка прямоугольной формы со скруглёнными углами и верхней частью. Скруглённая верхняя часть смещена в сторону. **Вариант А** – пластинка размером 75 × 17 мм, толщина 1 мм, степень изгиба 5 мм (рисунок 1:17). Идентифицирован 1 экземпляр.

В коллекции имеется одна пластина, не вошедшая в классификацию. Это обломок размером 77 × 23 мм, толщиной 1 мм, степенью изгиба 10 мм (рисунок 1:18). Отверстия расположены в 2 ряда, вдоль

одной длинной стороны и вдоль продольной оси. В разметке отверстий не прослеживается какой-либо системы, хотя внешне обломок напоминает пластинку от ламеллярного доспеха.

Группа II. Бронзовые. Пластинки изготовлены из листовой бронзы.

Разряд I. Ламеллярные.

Отдел I. Пластинка с 16 парными отверстиями $\varnothing$ 1,2 мм, расположенные вдоль одной длинной стороны на расстоянии 2 мм от края и вдоль продольной центральной оси.

Тип I. Пластинка имеет сложную форму. Одна из длинных сторон прямая, вторая длинная сторона имеет волнистый край и тиснение в виде отогнутой под углом около 30 градусов кромку края, что является ориентиром для определения лицевой стороны пластинки (рисунок 1:19). **Вариант А** – пластинка размером 60 × 18 мм., толщина неравномерная 0,4–0,7 мм., степень изгиба 1,5 мм, волнистый край имеет левая длинная сторона (рисунок 1: 20). Диаметр отверстий 2 мм. Идентифицирован 1 экземпляр. В принципе, это бронзовый вариант железной пластинки **отдела VII**. Состояние предмета близкое к идеальному. Тонкий слой твёрдой патины позволяет с точностью определить все размеры. Ближайший аналог по материалу – фрагмент бронзовой пластинки из Золотарёвского поселения [26, рисунок 27.17]. Назначение данных бронзовых пластинок было, скорее всего, декоративное. В наборе на фоне железных, расположенные по заданной схеме, они придавали нарядность доспеху.

Как видно из более чем разнообразной коллекции пластинок от ламеллярного доспеха из гомельской оружейной (слесарно – сборочной) мастерской, достижения оружейников Центральной и Восточной Азии, Поволжья, Болгарии довольно широкого хронологического периода в первой половине XIII в. были хорошо известны гомейскому оружейнику Фёдору. Исследователями доспехов степных народов периода средневековья В. В. Горбуновым и М. В. Гореликом доказано, что происхождение пластинок ламеллярного доспеха III–XIV вв. целиком связано с восточно – азиатской военной традицией. Сама восточно – азиатская традиция состоит из нескольких взаимосвязанных «этнических» традиций. Среди них наиболее значимые: китайская, хуннская и сяньбийская. Китайская традиция изготовления доспешных пластинок является древнейшей [27], [20], [12, с. 52]. Ламеллярный доспех, используемый на территории Руси в XII–XIII вв., стал известен населению Европы в VI в., после аварского нашествия. Наиболее ранние его археологические находки в Европе зафиксированы в ряде памятников Центральной и Южной Европы [28] и датированы

VI–VII вв. На территории, заселённой восточными славянами ламеллярный доспех появляется практически синхронно остальной Европе, запаздывая на 50–70 лет. Наиболее ранняя находка такого рода происходит из городища Хотомель (Брестская обл., Беларусь) [29, таблица 8: 22,23,24]. Три пластинки от ламеллярного доспеха датированы второй половиной VII в. [30, с. 137–139]. Фрагмент пластинки, аналогичной хотомельской, обнаружен на городище Мощенка (Черниговская обл., Украина) [31, рисунок 3:5, с. 112] и происходит из слоя колочинской культуры. Начиная с X в. традиция использования ламеллярного доспеха на территории Руси принимает устойчивые формы [1].

Таким образом, на территорию Руси восточно – азиатская доспешная традиция попала опосредованно, пройдя во второй половине I тыс. – в «тюркскую эпоху», эволюцию в центральной и средней Азии. Попав на Русь, традиция изготовления пластинок ламеллярного доспеха и его структура продолжают эволюционировать. На рубеже XII–XIII вв. усилиями древнерусских бронников появляются пластинки **отделов VII и VIII**, не имеющих конструктивных аналогов за пределами Руси и ближайших к ней территорий.

На сегодняшний день Гомельская оружейная (слесарно-сборочная) мастерская является крупнейшей по количеству и разнообразию одномоментно обнаруженных элементов пластинчатого доспеха первой половины XIII в. в Восточной Европе. Вторым по значимости памятником, давшим сопоставимое разнообразие доспешных пластинок является Золотарёвское поселение в Пензенской области РФ. В XIII веке это крепость на территории Волжской Булгарии. Объединяет два памятника и то, что оба они погибли в период Монгольских завоеваний с разницей в 2 года: в 1237 и в 1239 гг.

Список использованных источников

1. Lupinenko, Yu. M. Пластинчатый доспех восточных славян в VII–X вв. / Ю. М. Lupinenko // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. : матеріали міжнародного польового археологічного семінару, Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 р. / Інститут археології НАН України. – Чернігів : Сіверянська думка, 2006. – С. 115–122.

2. Lupinenko, Yu. M. Кольчатый доспех восточнославянского ратника конца XII – начала XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) / Ю. М. Lupinenko, О. А. Макушников // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2006. – № 12. – С. 162–173.

3. Макушников, О. А. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) / О. А. Макушников, Ю. М. Lupinenko // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2003. – № 18. – С. 213–225.

4. Макушников, О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия / О. А. Макушников // Старожитності Південної Русі. – Чернігів, 1993. – С. 121–130.

5. Макушников, О. А. Памятники эпиграфики и сфагистики из летописного Гомия / О. А. Макушников // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 73–75.

6. Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. / B. Thordeman. – Chivalry Bookshelf, 2001. – 625 p.

7. Donald, J. La Rocca. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. / J. Donald. – New York, 2006 – 306 p.

8. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств X–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // САИ. – Вып. Е1 – 36. – Ленинград, 1971.

9. Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси / А. Ф. Медведев // СА. – № 4. – М., 1959. – С. 119–134.

10. Медведев, А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // МИА. – № 65. – М., 1959. – С. 173–182.

11. Плавінскі, М. А. Застерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі / М. А. Плавінскі // ГАЗ. – № 16. – Мінск, 2001. – С. 138–150.

12. Горбунов, В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех) / В. В. Горбунов. – Барнаул, 2003 – 173 с.

13. Худяков, Ю. С. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии / Ю. С. Худяков, А. И. Соловьёв // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 135–163.

14. Овсянников, В. В. К вопросу о защитном вооружения поздних кочевников Южного Урала / В. В. Овсянников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. ИИФФ СО АН СССР. – Новосибирск, 1990. – С. 141–149.

15. Панченко, М. Предметы з чорного металу у складш колекцій «Десятинна церква». // Церква Богородиці Десятинна в Києві. / М. Панченко // До 1000 ліття освячення. – Київ, 1996. – С. 84–86.

16. Белорыбкин, Г. Н. Золотарёвское поселение / Г. Н. Белорыбкин. – Спб. : ИИМК Рос. Академии наук, 2001. – 190 с.

17. Stjerna, N. En stappnomadisk rustning fran Birka. (Steppe nomadic from Birka) / N. Stjerna // Fornvannen 99. Stockholm. 2004. – P. 27–32.

18. Коваленко, В. Археологические исследования Шестовицкого комплекса 1988–2002 гг. / В. Коваленко, А. Мотя, Ю. Сытый // Дружинні старожитності Центрально – Східної Європи VIII–XI ст. : Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. – Чернігів, 2003. – С. 51–83.
19. Леонтьев, А. Е. Археологические памятники ростовской мери / А. Е. Леонтьев // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселения и этнокультурные процессы на Северо – Востоке Руси). – М., 1988. – С. 6–31.
20. Горелик, М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) / М. Горелик // Археология, этнография и антропология Монголии / М. В. Горелик. – Новосибирск, 1987. – С. 163–208.
21. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю. С. Худяков. – Новосибирск, 1980. – 176 с.
22. Coulston, J. C. N. Roman military equipment. / M. C. Bishop – D. T. Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman military Batsford Ltd. – London, 1993. – 248 p.
23. Веремейчик, О. М. Дружинні старожитності з поселення Ліскове / О. М. Веремейчик // Дружинні старожитності Центрально – Східної Європи. Чернігів, Сіверянська думка. 2003. – С. 19–20, рис. 8, 9.
24. Никольская, Т. Н. Военное дело в городах земли вятичей. (по материалам раскопок в Серенске). / Т. Н. Никольская // КСИА. – Вып. 139. – М., 1974. – С. 34–42.
25. Йотов, В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век) / В. Йотов. – Варна, 2004. – 218 с.
26. Белорыбкин, Г. Н. Вооружение населения Юго-Западной Булгарии (X – середина XIII века) / Г. Н. Белорыбкин, В. А. Гусынин, И. Л. Измайлов // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 1. – Казань. – С. 5–306.
27. Горелик, М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. / М. В. Горелик // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993. – С. 149–179.
28. D'Amato R., Pflaum. V. Two suites of lamellar armour from Kranj (Carnium), Slovenia, in the light of archaeological analogies, written sources and contemporary iconography. / R. D'Amato // Acta militaria medievalea. XV. Krakow – Sanok – Wroclaw, 2019. – S. 7–50.
29. Кухаренко, Ю. В. Средневековые памятники Полесья / Ю. В. Кухаренко // САИ. – Вып. Е 1 – 57. – М., 1961 – 40 с.
30. Гавритухин, И. О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. – М., 1996. – 296 с.

31. Шукин, М. Б. Семь сезонов славяно – сарматской экспедиции / М. Б. Шукин // Итоги археологических экспедиций ГЭ. – Ленинград, 1989 – С. 103–114.

УДК 903/904 (476.4-21Бобруйск)(282.247.321.6)

СЛУЧАЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ЛЕВОГО БЕРЕГА БЕРЕЗИНЫ ВОЗЛЕ РЕЧНОГО ПОРТА ГОРОДА БОБРУЙСКА

*Коновалова Екатерина Сергеевна,
студентка 2-го курса факультета истории
и межкультурных коммуникаций*

Резюме. В данной статье рассматриваются случайные археологические находки, обнаруженные автором на левом берегу р. Березина около г. Бобруйска. Найденные предметы классифицированы по нескольким периодам и разделены на 7 типов в зависимости от их функциональной принадлежности и хронологии.

В 1999 г. археологический отряд исторического факультета Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова в соответствии с учебной программой и календарным планом работы на 1999–2000 гг. провел обследование Бобруйского района. В рамках работы было выполнено обследование множества памятников археологии в Бобруйском районе, включая селище второй четверти 1-го тысячелетия н. э. и X–XIII века на юго-западной окраине г. Бобруйска, на первой надпойменной террасе левого берега р. Бобруйка; курганный могильник периода Раннего Средневековья X–XIII века около д. Авсимовичи; курганный могильник периода Раннего Средневековья X–XIII века (д. Бабино 2-е, урочище Курганье) и т. д. [1]. О дальнейшей истории материальных данных в области археологии Бобруйска и Бобруйского района известно гораздо меньше. Это связано с многочисленными пожарами и войнами, прошедшими через этот город в период Нового Времени.

Далее приведена систематизация случайных находок, обнаруженных мной на левом берегу р. Березина вблизи Речного порта г. Бобруйска летом 2022 года. Археологические предметы структурированы по нескольким периодам: XI–XII и XVII – нач. XX вв. с зафиксированной привязкой к местности (рисунок 1). Местом случайного

обнаружения находок является высокий берег реки (3–4 м.), постепенно осыпающийся, тем самым оголяя многочисленные предметы археологии. В связи с проведением работ с целью расширения русла реки, была поврежден культурный слой, а сами археологические предметы оказались на поверхности. Следует отметить, что, проанализировав Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, в месте обнаружения находок никаких ранее зарегистрированных памятников археологии не выявлено. При систематизации вещественных материалов был применен типологический метод. Найденные артефакты разделены на 7 типов.

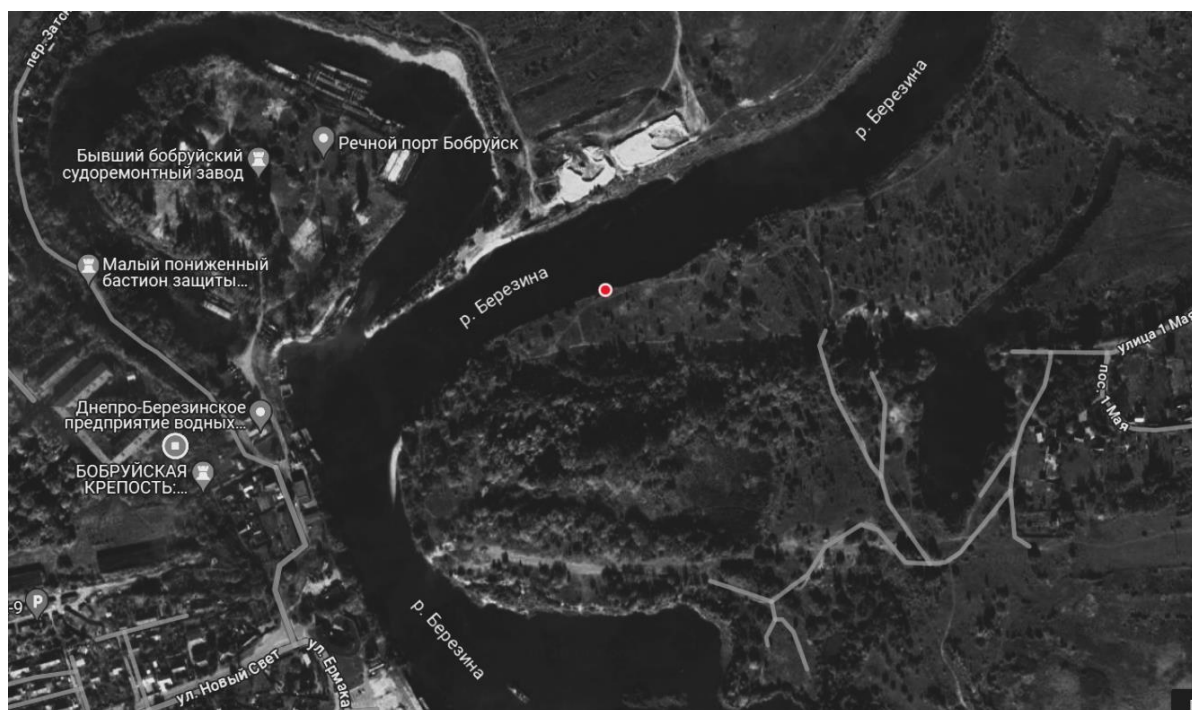

Рисунок 1 – Местоположение находок на современной карте Бобруйска и окрестностей

Тип № 1. В первую группу отнесена керамика, разделенная на два хронологических периода. На обломке керамики XI–XII вв. в верхней части фрагмента располагается широкий линейно-волновой орнамент, который создается острием палочки при вращении на кругу. Примечательно, что в данный период керамические изделия Древней Руси широко развиваются и включают в себя как традиционно славянские черты, так и заимствованные [2]. Найденная керамика данного периода толстостенная, с широким основанием. Днища некоторых из горшков носят следы гончарной подставки. Цвет сосудов коричневатый или охристый с черными участками. Толщина стенок около 4–6 мм, однако встречаются и более толстостенные. Обжиг

сосудов печной, в изломе черепка часто обнаруживается черная полоска. В XII в. появляются горшки, обожженные в горне. Керамический комплекс более позднего времени, а именно – XVII–XIX вв. дополняется многочисленными мисками, с резким скошенным углом в середине к венцу. Миски имеют черный, либо темно-серый оттенок и являются показательным примером использования новой техники обжига керамики – дымления. Согласно “Описанию процесса гончарных изделий” Могилевского областного методического центра дымленая керамика – это керамические изделия черного цвета, иногда с иссиня-черным оттенком, обжигание которых завершалось задымлением – термической обработкой без доступа воздуха с использованием смолистого топлива. На Бобруйщине дымленая керамика получила распространение в XVI в. Примечательно, что на исследуемой территории, чернодымленные горшки распространены под названием «дымчи» [3]. Для получения обильной копоти к топливу добавляли бересту, смолистые щепки, паклю с дегтем. Изделие пропитывалось астрагалом и в результате, в горне или в печи создавалась газовая среда с высоким содержанием углерода, который взаимодействовал с окисью железа в глине и окрашивал изделия в темный цвет. Уменьшалась пористость и увеличивалась прочность изделия. Все обломки сосудов нелощеные.

I период. Исходя из найденных керамических изделий, пребывание человека в этой местности разделено на несколько периодов: первый период охватывает XI–XII вв. Первоначально сосуды не полностью формировались на гончарном круге, обтачивалась только верхняя часть горшка. В этот временной промежуток на территории Древней Руси была распространена практика добавления в глину дресвы – мелко дробленого гранита, иногда с примесями шамота – мелко дробленных остатков глиняных сосудов [4, с. 11]. Керамика как лепная, так и с использованием гончарного круга. На р. Березине была обнаружена керамика преимущественно из серой глины с присутствием ленточно-волновой орнаментации. Имеются примеси дресвы, а также растительных включений (рисунок 2).

II период. Охватывает XVII – нач. XX вв. и характерен меньшей толщиной стенок сосудов с полным отсутствием орнаментации посуды. Керамика преимущественно чернолощенная. Диаметр горловины найденного сосуда равен 24 см (рисунок 3). Толщина стенок в данный период значительно уменьшилась (4–6 мм), а качество глины стало лучше. Сосуды гладкие, наблюдается почти полное отсутствие песчаных вкраплений и включений частей растений. Вся керамика этого периода сделана с помощью гончарного круга, лепной тип отсутствует. Венчик сосудов, представляющий собой утолщение края,

отогнут, а иногда косо срезан. Во второй половине XIX – нач. XX вв. чернолощенная керамика распространилась практически по всей Беларуси, а в некоторых центрах, как например в Бобруйске, еврейское население использовало данную посуду преимущественно для приготовления ритуальной еды [3]. На Бобруйщине к началу XX в. чернолощенная керамика постепенно исчезла.

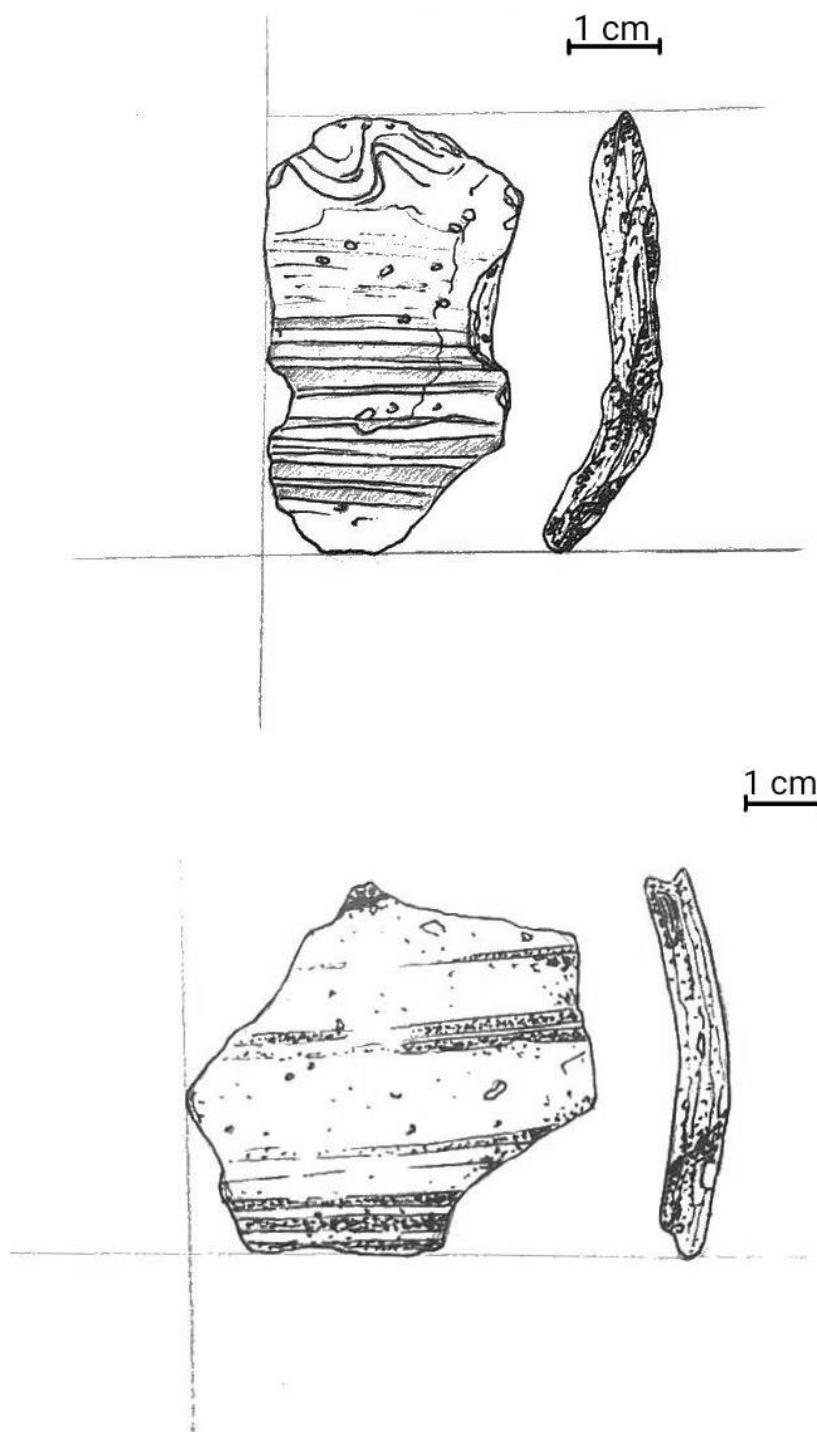

Рисунок 2 – Фрагменты керамики XI–XII вв.

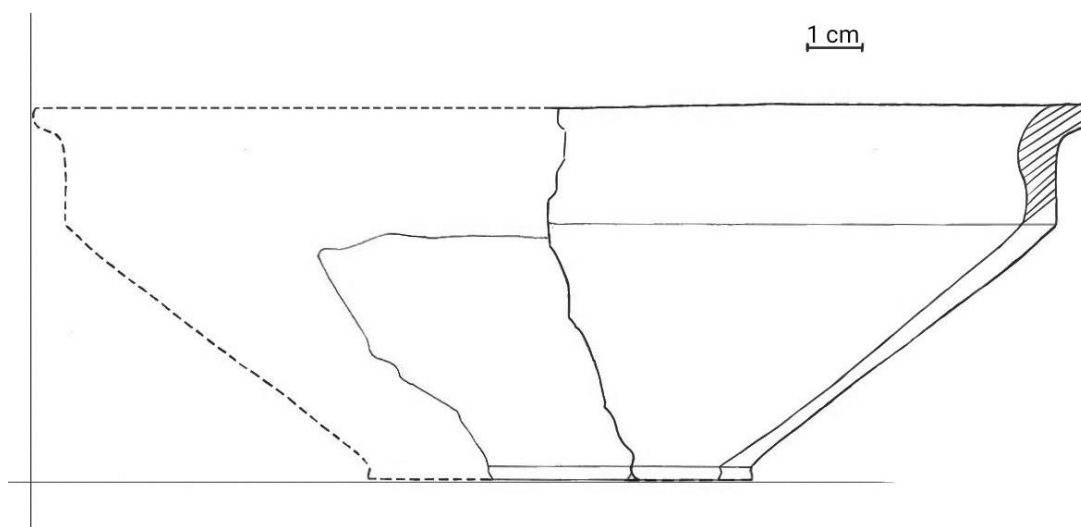

Рисунок 3 – Чёрнолощёная миска XVII в.

Найдены фрагменты сосудов с желтой, оранжево-охристой, коричневой поливой. Они датируются XVIII – нач. XX вв. и характеризуются появлением следов производственной формовки, а также глазурированием керамики. Обнаружена также и посуда иного вида – осколки тарелок и мисок с росписью: зеленые, синие, белые узоры в виде растительного орнамента, а также геометрических фигур (рисунок 4). Период распространения такой керамики приходится на XIX – нач. XX вв.

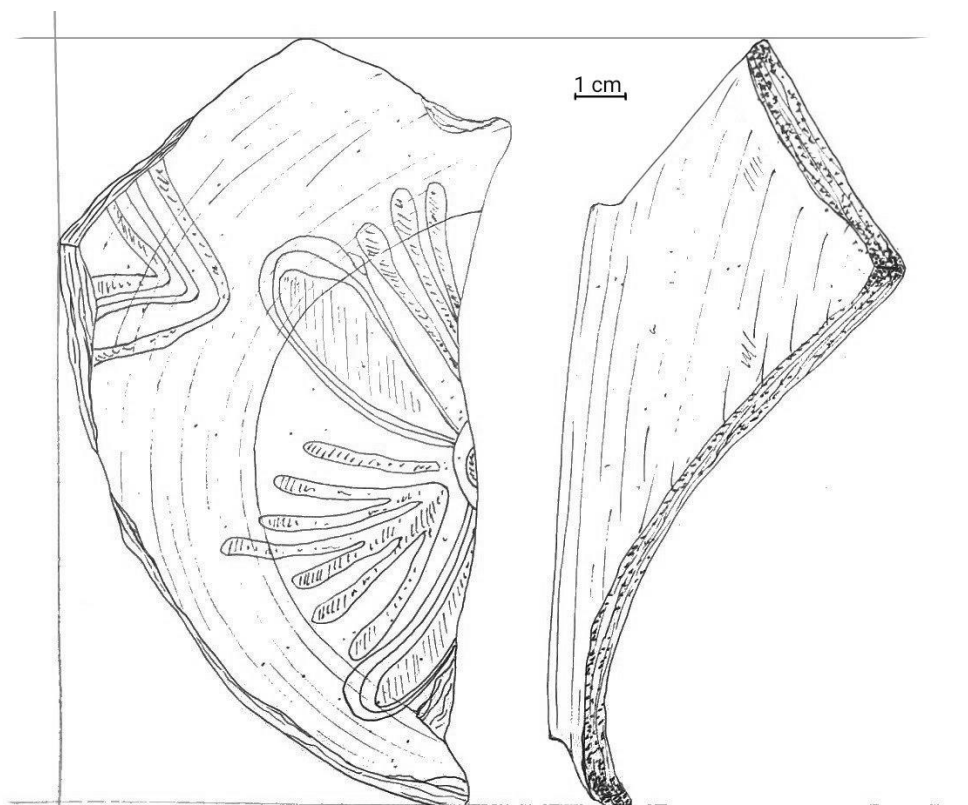

Рисунок 4 – Фрагмент тарелки XIX в. с росписью

Следующий тип керамических изделий, найденных на берегу р. Березины – фрагмент печного изразца XVII–XIX вв. (рисунок 5). Представляет собой керамическое изделие терракотового оттенка с рамками по краю. Толщина фрагмента 1,2–1,6 см с заметным утолщением к середине. В связи с присутствием рамочного выступа в изразце его можно отнести к виду печных изразцов с геометрическим орнаментом согласно классификации Е. Р. Романова. Он является первым этнографом и археологом, внесшим значительный вклад в классификацию и изучение печных изразцов. В своих сборниках «Могилевской старины» Е. Романов описал более 200 изделий, собранных в окрестностях Днепра и Подниколья [5, с. 63]. Согласно классификации Е. Романова печные изразцы можно разделить на несколько категорий в зависимости от орнамента:

1. С геометрическим орнаментом (изразцы покрывались различными геометрическими фигурами – квадратами, треугольниками, ломаными линиями, точками и т. д. Отличительная черта изделий – рамки по краям.
2. С зооморфным орнаментом. На территории Могилевщины наиболее часто встречаются изображения двуглавого орла и льва, однако известны находки изразцов с изображением одноглавого орла с фантасмагорическим существом, совмещающим в себе крокодила черты.
3. С сюжетным орнаментом (наименее встречающийся вид).
4. С религиозным орнаментом. На изразцах прослеживаются религиозные мотивы – лики святых, изображения херувимов с крыльями, ангелов. В Могилеве были выявлены фрагменты с изображением св. Георгия Победоносца [5, с. 63].
5. С растительным орнаментом. Е. Романов отмечал, что данный вид встречается наиболее часто, иногда в сочетании с другими орнаментами.

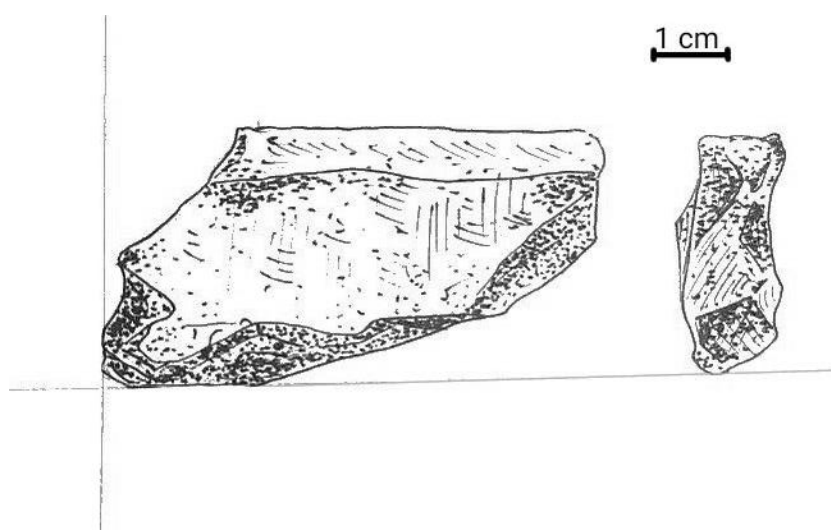

Рисунок 5 – Фрагмент печного изразца, XVII–XIX вв.

Тип № 2. Второй вид находок – костные останки животных. Найден череп коровы, а также мелкие кости в количестве 5 фрагментов. Исходя из этого, можно предположить о существовании в данной местности хозяйственной деятельности, преимущественно с содержанием крупного рогатого скота. Тип № 3. Третий вид находок – кирпичи XIX – начале XX вв., а именно – осколок кирпича с уцелевшими латинскими буквами “RI”, а также цельный кирпич с клеймом «*.х.с.к.» (рисунок 6). Первая буква клейма нераспознаваема. По классификационному типу кирпичи являются шамотными или огнеупорными. Изготавливались преимущественно для строительства печей и применялись в местах воздействия высоких температур. В зависимости от количества примеси глинозема в глине огнеупорность кирпича достигала 1670–1750 °С. Исходя из состава глины кирпич относится к типу шамотных или огнеупорных, следовательно, период его производства относится ко второй половине XIX века – нач. XX [6]. На фрагменте присутствует отпечаток растения в верхнем правом углу со внешней стороны, а также вкрапления многочисленных злаковых семян по всему периметру. Информация о производстве кирпичей с данным клеймом, к сожалению, не была найдена. По более мелкому обломку кирпича с остатком клейма “RI”, исходя из источников по классификации строительных материалов Российской империи внешний вид данного образца позволяет предполагать, что данный кирпич относится к кирпичам «PRIMA», которые производились в XIX – начале XX вв. [6].

Следует упомянуть о кирпичных заводах, функционировавших в Бобруйске в то время. В конце 1875 г. в южной окраине города – за Березинским форштадтом, купцом Г. И. Розенбергом был основан завод по производству кирпичей. В первые годы работы количественный состав работников состоял из 25–40 рабочих, которые выпускали около 500 тыс. шт. кирпича в год. Данные кирпичи имели клеймо с инициалами основателя завода «Г.Р.» без рамки. Уже с 1890-х гг. появляется клеймо «РОЗЕНБЕРГЪ» с прямоугольной рамкой. Розенберги владели тремя кирпичными заводами в Бобруйске. Помимо Розенберга, свой завод основали и братья Пружинины в середине XIX в. А уже в конце XIX в. часть завода была арендована мещанами А. М. Кавалерчиком и М. Р. Орликом. Их кирпичи в небольшом количестве попадают в бывшей гостинице «Березина и Европейская» [7].

Тип № 4. Фрагмент штофа с воронковидным горлышком XVII–XVIII вв. Цвет найденного фрагмента варьируется от зелено-бирюзового до перламутрового. У сосудов данного типа диаметр венца несколько больше диаметра основы горлышка, приблизительно на 0,5 см. Венец округлый, неровный, отогнут на внешнюю сторону.

Оформлен по самому краю либо ниже наlepным жгутом. Плечики сосуда круто скошенные или немного округленные. Донце штофа данного типа вогнуто примерно на 1–2 см [8, с. 114]. Толщина стенок найденного фрагмента составляет 9 мм, (рисунок 7). Бутылки являются самым распространенным видом стеклянных изделий периода Нового времени. Самые ранние изделия данного вида появились на территории Северной и Центральной Беларуси еще в начале XVII в. Стоит упомянуть, что в соседней Польше бутылки появились еще в XIV–XV вв. [9, с. 77]. Исходя из вышесказанного, по данным польских историков, бутылки на раннем этапе могли использоваться в качестве аптечной тары, либо в качестве напитков, подаваемых на стол. Несколько позже, в XVI–XVII вв. они стали применяться для сохранения и транспортировки алкогольных напитков и минеральной воды [10, с. 220].

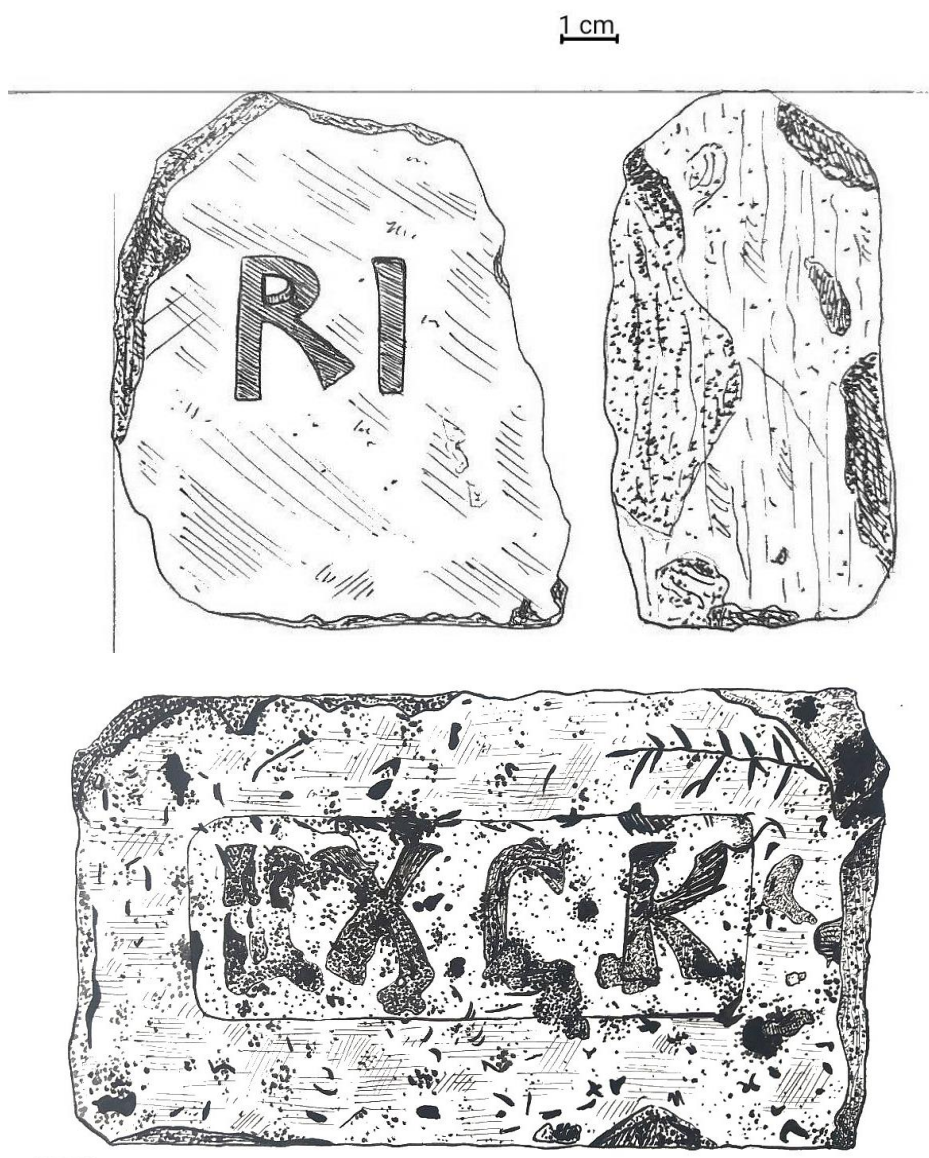

Рисунок 6 – Кирпичи, XIX – начало XX вв.

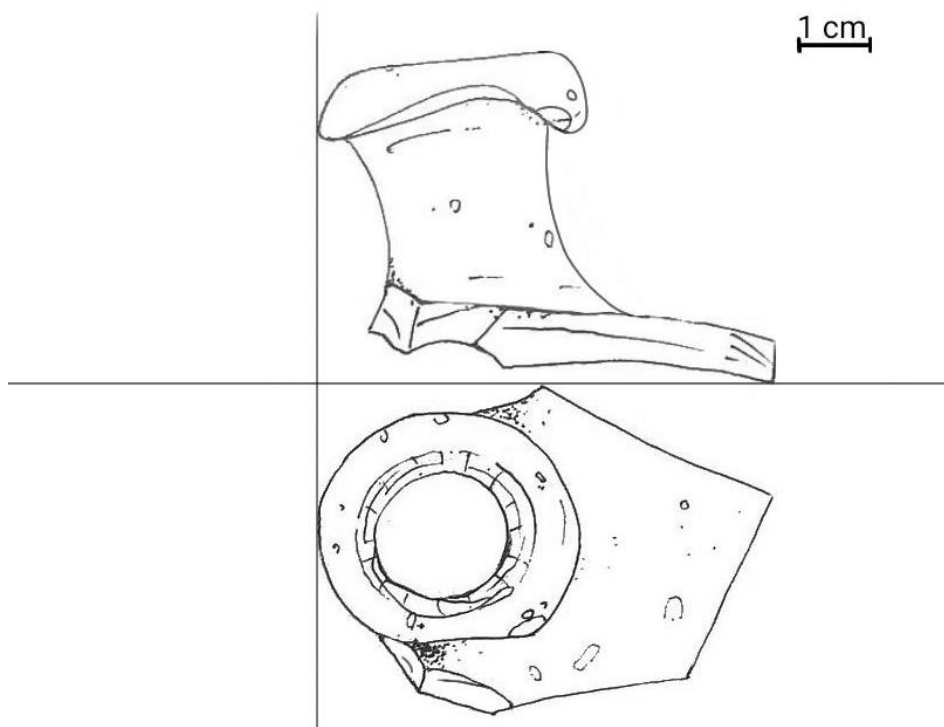

Рисунок 7 – Осколок штофа, XVII–XVIII вв.

Тип № 5. Бронзовый ключик (рисунок 8), датируется предположительно XVII–XVIII вв. Появление первых ключей и замков применительно к территории Беларуси можно отнести к IX–X вв. [11, с. 114]. Находки ключей данного периода, связаны, в основном, с крупными торгово-ремесленными поселениями (ОТРП), в особенности там, где прослеживаются следы норманнов (Рюриково городище, Гнездово) [11, с. 117]. Найденный ключ имеет небольшие размеры – 5 см в длину и полностью покрыт патиной. Представляет собой цельный бронзовый жгут.

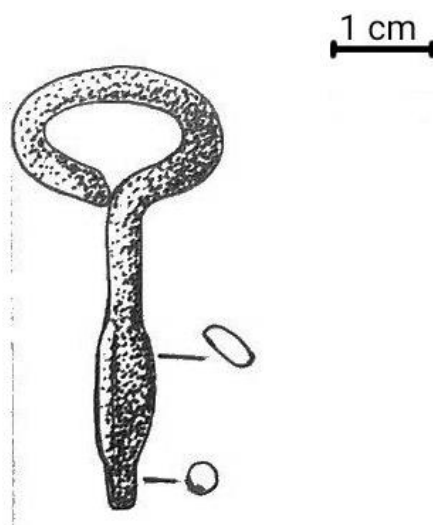

Рисунок 8 – Ключ из бронзы, XVII–XVIII вв.

Тип № 6. Тонкие доски, пронизывающие береговую полосу в самом низу культурного слоя. Свидетельствуют о наличии здесь построек. Имеются следы горения – обугленные фрагменты ткани.

Тип № 7. Стекольный шлак (рисунок 9). Было найдено несколько оплавленных кусков различных цветов – от темно-коричневого до бирюзового. Внутри фрагментов имеются пузырьки воздуха, а на поверхности многочисленные раковистые изломы со смоляным блеском. Эти данные позволяют предположить о существовании в данной местности промышленного производства стекла – гута. Появление и распространение гут относится к XVII–XIX вв. и прослеживается в ойконимах с корневой формой «гут-». На примере верхнего Поднепровья П. С. Курлович и А. А. Чубуром был проведен анализ ойконимов семи северных областей Украины, западной и юго-западной России, а также Беларуси [12, с. 27]. На территории Беларуси первые гуты появились в XVI веке, о чем свидетельствуют письменные источники. Согласно привилею Сигизмунда-Августа, в 1547 г. шляхтичу Мартину Палецкому было выдано разрешение на основание стекольной гуты в предместье в Вильне [13, с. 91]. Следует отметить, что о существовании гут на территории Бобруйска, а также в месте обнаружения находок, информации найдено не было. Однако, по картографическим данным (Одноверстная карта Беларуси 1910 г.), в начале XX в. здесь находилось 3 жилых дома с надворными постройками, а в южной стороне от них проходил железнодорожный путь через реку [14] (рисунок 10). Помимо этого, проанализировав условные знаки по военно-топографическому изданию капитана Адрианова, стоит обозначить существование фабрики или завода без парового двигателя недалеко от пригородной зоны с названием 1 Мая [15, с. 21].

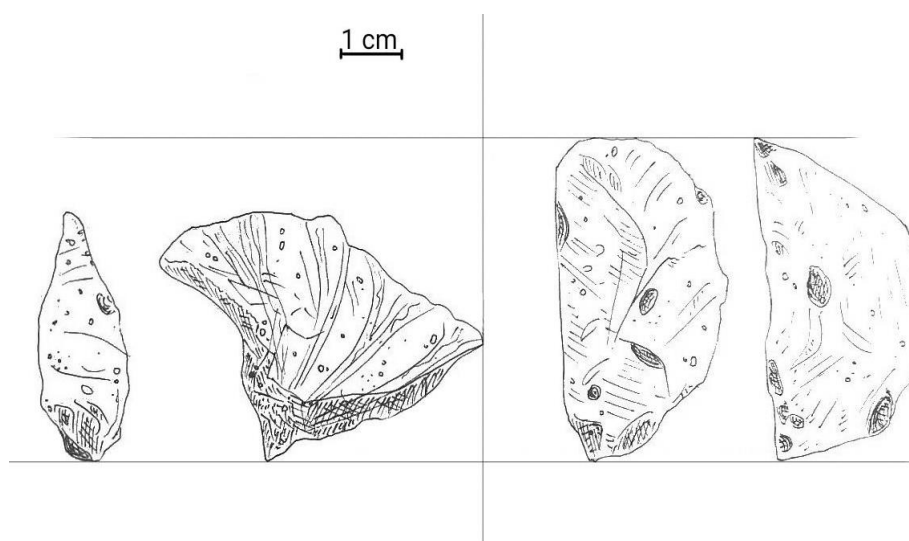

Рисунок 9 – Стекольный шлак

Рисунок 10 – Местоположение находок на Одновёрстной карте Беларуси 1910 г.

Таким образом, стоит отметить, что значительный след в истории материальной культуры и истории в целом оставили войны, проходившие некогда на территории современного Бобруйска и его окрестностях. Рассматривая период XVIII–XX вв., можно прийти к выводу о огромном материальном ущербе, вызванном последствиями войн разного периода, в ходе которых были разрушены существовавшие в то время как жилые постройки, так и производственные предприятия, о которых на данный момент уже практически ничего неизвестно. Лишь по случайным находкам, письменным источникам и картографическим данным, дополняющим информационную достоверность вещественного материала возможно частичное восстановление топографии местности. Тем не менее стоит обозначить основные тенденции человеческой деятельности в исследуемой местности – на левом берегу р. Березина напротив Речного порта г. Бобруйска. Описание и систематизация археологических предметов, выявленных на правом берегу р. Березина позволяет сделать следующие выводы: присутствие здесь человека начинается с XI в. и продолжается приблизительно столетие, после чего следует большой промежуток в связи с отсутствием находок периода XIV–XVI вв. Человеческая деятельность возобновляется лишь в XVII в., и продолжается вплоть до XX века, а именно – до периода Великой Отечественной войны.

На данной территории отчетливо прослеживается гутное производство стекла XVII–XIX вв., а также существование жилых построек с подворьем. Результаты сборов на поверхности следующие: керамика в количестве двух фрагментов посуды XI–XII вв.; 45 фрагментов посуды XVII – нач. XX вв.; 1 обломок изразца; фрагмент кирпича с остатком клейма “RI”; цельный кирпич с клеймом «*.х.с.к.»; горлышко штофа XVII–XVIII вв.; бронзовый ключ; доски; стекольный шлак (производственные отходы стекла в количестве пяти экземпляров). Находки разделены на семь типов, в зависимости от функциональной принадлежности и хронологии.

Список использованных источников

1. Копытин, В. Ф. Материалы для археологической карты Бобруйского района / В. Ф. Копытин, А. В. Колосов, С. П. Ладышев. – Могилев : Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова, 1999. – № 4 (4). – С. 132–138.

2. Гончарные бытовые изделия и изразцы XI–XVII веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://istoriya-iskusstva.ru/goncharnyie-byitovyye-izdeliya-i-izraztsy-xi-xvii-vekov/?ysclid=lr3s6qzgxp92526199>. – Дата доступа: 07.01.2024.

3. Чорназадымленая кераміка (адноўленая) // УК “Магілёўскі абласны метадычны цэнтр НТ і КАП” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mogomc.by/ru/informaczionnyij-razdel/nematerialnoe-nasledie/bovda/apsanne-praczesu-gancharnyix-vyiraba/padryixtoka-glyny.html>. – Дата доступа: 07.01.2024.

4. Левко, О. Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Минск : Наука и техника, 1992. – 126 с.

5. Романов, Е. Р. Изъ Могилевской старины // Могилевская старина / Е. Р. Романов. – Могилев, 1902–1903. – Вып. № 3. – С. 62–64.

6. Каталог кирпичей – XIX – начало XX века // Кирпич с клеймом PRIMA // Музей «Кирпичная библиотека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brick-library.ru/kirpich-s-klejmom-prima2/?ysclid=lr17wvwpyl608243420>. – Дата доступа: 06.01.2024.

7. Кирпичное производство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki.bobr.by/Кирпичное_производство. – Дата доступа: 08.01.2024.

8. Курловіч-Бяляўская, П. С. Праблема тыпалогіі шкляных вырабаў Новага часу (па матэрыялах археалагічных даследаванняў

на тэрыторыі паўночнай і цэнтральнай Беларусі) / П. С. Курловіч-Бяляўская. – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, 2016. – 119 с.

9. Ciepiela S. Wyroby szklane od poł. XIII do poł. XVII w. // Polskie szkło do połowy XIX wieku. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. – S. 70–79.

10. Ciepiela-Kubalska S. Nowożytnie szklane naczynia z badań archeologicznych na Rynku Starego Miasta w Warszawie // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Spoleczne. Archeologia. Torun, 2005. Zesz. 29 (370) : Archeologia XXIX. Archeologia szkła 9. – S. 189–232.

11. Кудрявцев, А. А. О появлении замков и ключей в Древней Руси / А. А. Кудрявцев. – М. : ИА РАН, 2014. – 392 с.

12. Курлович, П. С. Распространение производства гутного стекла в XVII–XIX веках по результатам анализа ойконимов Верхнего Поднепровья и сопредельных земель / П. С. Курлович, А. А. Чубур. – История : факты и символы. – Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. – № 1. – С. 27–45.

13. Крачковский, Ю. Ф. Старая Вильна до конца XVII столетия. / Ю. Ф. Крачковский. – Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1893. – 207 с.

14. Одноверстная карта Беларуси 1910 г. Центральная часть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.etomesto.com/map-belarus_verstovka_central/?ysclid=ltypfgetes704710282. – Дата доступа: 11.01.2024.

15. Капитанъ Адриановъ, В. Н. Условные знаки военно-топографических картъ (1, 2 и 3-хъ верстныхъ) / В. Н. Капитанъ Адриановъ. – Санкт-Петербург : тип. т-ва «Грамотность», 1912. – 55 с.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОЛЕСЬЯ**
(памяти О. А. Макушникова и В. И. Сычёва)

Сборник научных статей

На обложке фотография Д. Н. Линденкова
«Спекшиеся панцирные пластины и держатель ножен меча.
Гомель, окольный город. Раскопки О. А. Макушникова, 1987 г.
Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля»

Подписано в печать 01.04.2025. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 8,13.

Тираж 25 экз. Заказ 223.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

